

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: юриспруденция

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

№1 **2015**

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии: 2 номера в год

Редакционный совет:

Юсупов Виталий Андреевич – д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) – председатель Редакционного совета;

Летяев Валерий Алексеевич – д-р юрид. наук, профессор (Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета);

Мальцев Василий Васильевич – д-р юрид. наук, профессор (Волгоградская академия МВД РФ);

Муртазалиев Абулмуслим Магомедович – д-р юрид. наук, профессор (Дагестанский государственный университет);

Радько Тимофей Николаевич – заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор (Московская государственная юридическая академия им. Кутафина);

Сенякин Иван Николаевич – заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор (Саратовская государственная академия права)

Главный редактор:

Епифанов Александр Егорович – д-р юрид. наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Заднепровская Марина Валентиновна – канд. юрид. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Ветютнев Юрий Юрьевич – канд. юрид. наук

Редакционная коллегия:

Анисимов Алексей Павлович – д-р юрид. наук, профессор;

Абезин Денис Александрович – канд. юрид. наук;

Бортенев Александр Иванович – канд. юрид. наук, доцент;

Гончаров Александр Иванович – д-р юрид. наук, профессор;

Посник Виктор Сергеевич – канд. юрид. наук, профессор;

Сенцов Александр Сергеевич – канд. юрид. наук, доцент;

Тушканов Игорь Валентинович – канд. юрид. наук, канд. истор. наук, доцент

Адрес редакции: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Издательство Волгоградского филиала
ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015

Уважаемые коллеги!

После небольшого перерыва журнал «Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС» Серия: «Юриспруденция» возобновляет свою работу.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности возможности обмена информацией о результатах научных исследований в области развития теории и практики юриспруденции. В Журнале публикуются статьи, посвященные фундаментальным общетеоретическим, а также отраслевым и научно-прикладным проблемам правоведения, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности материала. Журнал реализует независимую политику формирования редакционного портфеля, не отдавая предпочтения никакой юридической школе и являясь публичной трибуной для свободного научного общения и информационного обмена.

Кроме того, традиционно предполагается освещать научную жизнь Волгоградского филиала РАНХиГС, а также его профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех, кому интересны современные проблемы науки и практики юриспруденции.

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
OF STATE AND LAW

Грачев Н.И.
Парадигма империи в современных
политико-правовых исследованиях..... 5

Ветютнев Ю.Ю.
Визуализация как элемент правовой формы..... 15

Епифанов А.Е., Абдрашитов В.М.
К вопросу о влиянии международного
и европейского права на развитие отношений
России и ЕС в области защиты прав
и свобод человека..... 19

Козюк М.Н.
Правовая публицистика в системе правовой
коммуникации (к постановке проблемы)..... 24

Диноршоев А.М.
Теоретические аспекты классификации
ограничений прав и свобод человека по
законодательству Республики Таджикистан..... 30

Сафаров Б.А.
Исторические предпосылки формирования идей
о правах человека в правовой истории
(традиции) Таджикистана..... 34

Grachev N.I.
The paradigm of empire in the contemporary
political and legal analysis..... 5

Vetyutnev Yu. Yu.
Visualization as an Element of Legal Form..... 15

Epifanov A.E., Abdrashitov V.M.
To the question on the impact of international
and European law on the development of relations
between Russia and the EU in the field of the protection
of human rights and freedoms..... 19

Kozuk M.N.
Legal journalism in the system of legal communication
(the problem statement)..... 24

Dinorshoev A.M.
Theoretical aspects of the classification of restrictions
of human rights and freedoms under the laws
of the Republic of Tajikistan..... 30

Safarov B.A.
Historical background of ideas about human rights
in legal history (tradition)
of Tajikistan..... 34

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

LEGAL SUPPORT
OF ACTIVITY OF STATE
AND MUNICIPAL AUTHORITIES

Голоманчук Э.В., Перышкина Ю.О.
Правовой анализ общественных отношений в
сфере конституционной обязанности уплачивать
законно установленные налоги и сборы..... 39

Коростелева М.В., Абезин Д.А.
Правовое регулирование организационных
основ местного самоуправления
в Волгоградской области..... 44

Golomanchuk E.V., Peryshkina Yu.O.
Legal analysis of social relations in the sphere
of the constitutional obligation to pay legally
established taxes and fees..... 39

Korosteleva M.V., Abezin D.A.
Legal regulation of the organizational basis
of local self-government
in the Volgograd region..... 44

ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

LAW AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Гончаров А.И.
Акция как инструмент формирования капитала
хозяйственного общества..... 49

Гончарова М.В.
Обновление гражданско-правового
регулирования фонда..... 53

Кайль Я.Я.
Объекты кассационного и надзорного
обжалования..... 59

Сергачева О.А.
О некоторых вопросах применения ответствен-
ности сторон государственного (муниципально-
го) контракта..... 62

Иловайский И.Б.
Критерий «место жительства» в отечественном
коллизийном праве..... 64

Goncharov A.I.
Action as the tool for the formation of capital by
economic organization..... 49

Goncharova M.V.
Modernization of the civil-law regulation
of the fund..... 53

Kail Y.Y.
The objects of cassation
and Supervisory appeal..... 59

Sergacheva O.A.
On some issues of application of responsibility
by government (municipal)
contract..... 62

Povayskiy I.B.
The criterion of "residence"
in the domestic collision law..... 64

Семенова В.В.
Проблематика выбора пенсионного фонда
в современных условиях..... 68

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ
И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Аширбекова М.Т.
Реализация принципа неотвратимости
уголовной ответственности в уголовном
судопроизводстве..... 73

Сенцов А.С., Волколупова В.А.
Сложные вопросы квалификации соучастия в
убийстве материю новорожденного ребенка..... 76

Шевчук И.В.
К вопросу о непроцессуальном опознании в рас-
крытии и расследовании преступлений..... 79

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ОХРАНЫ ПРИРОДЫ**

Анисимов А.П., Чикильдина А.Ю.
Актуальные аспекты формирования и реализа-
ции природоресурсной политики России..... 85

Рыженков А.Я.
Принципы международного экологического
права: проблема классификации..... 89

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Бортенев А.И.
Римское право «AB INCUNABILUS» и его
эволюция (к вопросу о периодизации
в развитии римского права)..... 95

Посник В.С.
Роль преподавателя вуза в организации
и проведении внеаудиторной работы
со студентами..... 104

Мельниченко Р.Г.
Шум в аудитории как вид коммуникационной
трудности образовательного процесса
при подготовке юристов..... 108

Трибуна молодого ученого

Курганов Н.А.
Разграничение полномочий между федеральны-
ми, региональными и местными органами вла-
сти в сфере муниципальной службы..... 113

Рахманина Н.В.
Финансовые услуги в России: гражданско-
правовой аспект..... 118

Фомина Ж.С., Гуторов Н.А.
Проблемы обеспечения экономической безопас-
ности в Российской Федерации..... 122

Цибенко А.Ю.
Соглашение об управлении партнерством и ак-
ционерное соглашение: сравнительно-правовой
анализ..... 127

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 129

Semenova V.V.
The problematic of the choice of pension fund
in the current conditions..... 68

**ISSUES OF JUSTICE
AND FIGHT AGAINST CRIME**

Ashirbekova M.T.
The realization of the inevitability of criminal
responsibility in criminal
proceedings..... 73

Sentsov A.S., Volkolupova V.A.
Complex issues of qualification of complicity
in the murder of the newborn child..... 76

Shevchuk I.V.
On the issue of not procedural identification
in disclosure and investigation of crimes..... 79

**LEGAL REGULATION
OF NATURE PROTECTION**

Anisimov A.P., Chikildina A.Y.
Actual aspects of formation and realization of natural
resource policy of Russia..... 85

Ryzhenkov A.Ya.
Principles of international environmental law:
the issue of classification..... 89

**THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN
LEGAL EDUCATION**

Bortenev A.I.
Roman law «AB INCUNABILUS» and its evolution
(to the question of periodization in the development
of Roman law)..... 95

Posnik V.S.
The role of teacher of an academy in the organizing and
conduction of out-of-class work of the teacher
with students..... 104

Melnichenko R.G.
The noise in the audience as a kind of communication
difficulties of the educational process in the preparation
of lawyers..... 108

TRIBUNE OF YOUNG SCHOLAR

Kurganov N.A.
Delimitation of powers between the federal, regional
and local governments in the field of municipal
service..... 113

Rakhmanina N.V.
Financial services in Russia:
civilistic aspect..... 118

Fomina J.S., Gutorov N.A.
The problems of guaranteeing of an economic security
in the Russian Federation..... 122

Tsybenko A.Yu.
Agreement on the management of the partnership and
shareholders' agreement: a comparative legal
analysis..... 127

ABOUT THE AUTHORS..... 129

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 340.12
ББК 67.0

ПАРАДИГМА ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.И. Грачев

Аннотация: В статье обосновывается актуальность проблематики империи в контексте тенденций мирового развития, связанных с процессами глобализации и нового витка научно-технической революции. В этих условиях происходит реставрация идеи империи и реновация имперской государственности. Поскольку Россия на протяжении последних пяти столетий строилась и развивалась как империя и не утратила многих качеств имперской организации и в настоящее время, автором делается попытка выявить и раскрыть содержание государственно-правовых признаков империи как высшего состояния государственности, и дать ей определение.

Ключевые слова: империя, государство, суверенитет, локальная цивилизация, глобализация, верховная власть, политико-территориальное устройство, форма государства, культура, территория.

THE PARADIGM OF EMPIRE IN THE CONTEMPORARY POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS

N.I. Grachev

Abstract: In the article the author explains the relevance of analysis of the range of problems of empire in the context of world trends related to globalization and a new round of technological revolution. In these conditions, the restoration and renovation of empire ideas and imperial state take place. As over the past five centuries Russia are built and developed as an empire and saves many qualities of imperial organization and at present. The author attempts to identify and disclose the content of state-legal evidence of the empire as the highest state of government, and to define this content.

Keywords: empire, state, sovereignty, local civilization, globalization, supreme authority, political-territorial structure, form of government, culture, territory.

Настоящий исторический период характеризуется погружением человеческого общества в пограничную зону, которая выступает преддверием «четвертой промышленной революции» и должна привести к господству шестого технологического уклада (ТУ). Он определяется как массовое тотальное и системное развитие и применение наукоёмких «высоких» технологий, что приведет к внедрению настоящих «интеллектуальных машин», которые почти полностью заме-

нят человека в сфере малоквалифицированного и даже среднеквалифицированного, в том числе, умственного, труда [19].

Необходимо, однако, иметь в виду, что переход к новому производственно-технологическому укладу предполагает радикальную трансформацию социальных и политических систем, идеологических парадигм, структурную перестройку общества, в том числе, появление новых политико-правовых форм устрой-

ства социума, формирование новых общественных моделей, соответствующих новому жизненному укладу. Не случайно мировое сообщество переживает в последние десятилетия глубокий системный кризис, одним из проявлений которого является упадок национально-территориальной государственности, выступавшей в течение последних четырех столетий основной политической формой существования наций и народов. Этот кризис, локомотивом которого выступают процессы глобализации и НТР, размывает суверенитет национальных государств. Они утрачивают монополию на применение легитимного физического насилия, теряют способность к проведению необходимой экономической и социально-политической модернизации общества, становятся совершенно не способными отвечать на вызовы современности и проводить необходимые преобразования.

Но в то время как национальные государства сползают к уровню обладания второстепенным статусом, политическая карта мира указывает на государства континентального типа, «стержневые государства», способные объединить под своей эгидой крупные географические регионы, то есть создать новые имперские образования [10, с. 734–735; 25, с. 238–280]. К государствам такого типа уже в настоящее время относят Китай, военно-политическая тень которого падает если не на всю Азию, то, по крайней мере, на ее юго-восточную часть [22, с. 312, 371–375]. В качестве кандидатов на эту роль называют Индию, Японию, Россию, Бразилию, Германию, определяя их как «дремлющие», «скрытые», «раскрывающиеся» либо «обороняющиеся» империи [1, с. 671–672].

О возрождении имперских традиций в новых условиях свидетельствуют тенденции развития политико-территориального устройства в современном мире, связанные с попытками создания однополярного мира на основе экономического, финансового, информационного, военного и геостратегического господства США, проекты образования мирового государства и мирового правительства [27, с. 11–12], а также глобального правления без создания такого правительства на основе деятельности сетевых структур [2; 26]. В указанном направлении движется в последние десятилетия и развитие Европейского Союза. В его нынешнем устройстве просматриваются черты формирующейся империи, которая имеет своим истоком древние традиции Западной Римской Империи и Священной Римской Империи германской нации. В связи с этим многие аспекты «европейской идеи» и сами процессы «объединения Европы» рассматриваются в качестве

«ностальгии по империи», а массовый отказ национальных государств в процессе европейской интеграции от многих важнейших атрибутов суверенности квалифицируется как «имперский ренессанс» [9, с. 206].

Еще один сценарий реактуализации имперской тематики связан с предложенной еще в конце XX века С. Хантингтоном концепцией «столкновения цивилизаций», согласно которой мир вступает в эпоху интенсивной политизации цивилизационных факторов [25]. А, как известно, основной формой политического существования и развития цивилизаций выступает империя, что в ситуации дальнейшего роста междоцивилизационной конфликтности ведет к воспроизводству элементов имперских традиций. Но если раньше империи порождали цивилизации, то теперь цивилизации, оказавшись перед лицом новых вызовов, начинают воспроизводить новые метагосударственные образования имперского типа. Они, разумеется, не могут быть абсолютной копией прежних империй, но целый ряд их элементных и статусных характеристик оказывается востребованным и воспроизведенным в новых условиях лишь с незначительными модификациями [9, с. 205–206].

В этой связи большой интерес вызывает развитие отношений в рамках международной организации БРИКС, пять участников которой представляют собой пять полюсов локальных цивилизаций, их «стержневых государств», служащих центром притяжения для всех культурно-родственных стран. Бразилия представляет латиноамериканскую цивилизацию; Россия – евразийскую; Индия сама является отдельной цивилизацией, страной-континентом; Китай – тихоокеанскую или буддистско-конфуцианскую; Южно-Африканская республика претендует на представительство от еще не до конца сформировавшейся африканской. В современном мире существуют также североамериканская (США), европейская и исламская цивилизации. Но Европа, несмотря на наличие почти законченной метафедеративной организации, обладающей практически всеми признаками государственности, все больше теряет свою геополитическую субъектность, постоянно ориентируясь во внешней политике на США. В свою очередь, исламская цивилизация не сумела пока определить для себя государства-лидера и имеет лишь рудиментарную политическую структуру.

Поэтому в настоящее время именно в формате БРИКС, под его экономической оболочкой реально прорастают контуры нового многополярного мира. В политическом отношении ему может соответствовать только мир империй –

крупных макрорегиональных геополитических и военно-стратегических блоков, построенных на основе существующих локальных цивилизаций, центрами притяжения которых выступают страны БРИКС.

Таким образом, становится все очевиднее, что новый мировой порядок, на пороге которого мы находимся – это либо мир Империи (глобальной американской или сетевой империи глобального бизнеса), либо мир империй. Тем самым, и однополярность, и многополярность, как две альтернативные, но наиболее вероятные модели скорого геополитического будущего мира несут в себе концепт империи. И сущность проблемы заключается лишь в том, будет ли этот мир представлять собой проекцию американской политической и социально-экономической системы или остальные народы и государства, объединившись по цивилизационному признаку в региональные союзы неоимперского типа, смогут отразить удар американской империи и сохранить свою цивилизационную идентичность.

Из этого вытекает особая актуальность концепта империи для Российского государства и отечественной политико-правовой науки, так как более чем очевидно, что в «дивном новом мире» однополярного глобализма России и ее народу места нет.

Во-первых, потому, что мировое государство и мировое правительство жестко элиминируют все национальное, в том числе, и государственность. Идея однополярной глобализации основывается на приравнивании западных, особенно, североамериканских ценностей, западной истории и культуры к универсальному закону бытия, попытке искусственно организовать новый мировой порядок на приоритете этих локальных исторически конкретных ценностей как всеобщих и универсальных. «Тем самым имплицитно утверждается, что ценности всех остальных народов и культур являются несовершенными, недоразвитыми, подлежащими модернизации и стандартизации по “западному образцу”». Однополярная глобализация тем самым есть не что иное, как всемирная «развернутая модель западноевропейского, а точнее, англосаксонского этноцентризма, т.е. чистейшее проявление расистской идеологии» [5, с. 53].

Во-вторых, потому что вся русская история есть диалектический спор с Западом и западной культурой, борьба за отстаивание своей (подчас схватываемой лишь интуитивно) русской истины, своей мессианской идеи, своей версии «конца истории», как бы идеологически и политически это не выражалось – через московское православие, Санкт-Петербургскую свет-

скую империю или коммунистический СССР. И сейчас, когда Запад начинает новый этап цивилизационного наступления, как никогда ясно, что России необходимо найти иной, свой, альтернативный западный путь, сохраняя тем самым себя и спасая другие народы и цивилизации от поглощения глобальной империей [5, с. 9–40].

В-третьих, Россия практически изначально, с момента объединения славянских и финно-угорских племен, была потенциально имперским государством. Фактически уже с XVI века Русское государство начинает превращаться в империю. И на протяжении всей последующей истории русский народ шел по пути политической и пространственной интеграции, имперостроительства и континентальной цивилизационной экспансии. Не случайно британский ученый и политик Дж. Макиндер считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, империй Александра Македонского и Чингиз-хана. Он называл ее «географической осью истории» и полагал, что она не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от различных и сугубо преходящих факторов [13, с. 7–30].

Россия дважды в XX веке переживала полномасштабные крушения своей государственности. И оба раза ее восстановление осуществлялось путем возрождения, пусть и в превращенных формах, прежних имперских установок, методов и механизмов – иной альтернативы просто не было. Менялись идеологии, термины, внешний облик, политико-правовая оболочка Российского государства, но суть, в конечном итоге, осталась прежней, имперской. Именно поэтому, в настоящее время Россия вновь находится под прицелом США и их союзников, не терпящих конкуренции и претендующих на статус единственной сверхдержавы.

К сожалению, особенности типа и формы российского государства на всех этапах его существования и развития, а также процессы трансформации современной государственности осмысливаются отечественной политико-правовой наукой далеко не в должной степени. Совершенно неудовлетворительно дело обстоит с выявлением закономерностей и тенденций развития именно современного российского государства. В отечественной теории государства и права произошел определенный застой, причиной которого является ее несамостоятельность, следование в фарватере западноевропейской юридической идеологии, в последние десятилетия в основном в ее либеральной версии, что привело к неоправданному сужению самого по-

нения государства, фактическому отрицанию некоторых его форм, типичным примером чего является почти полное игнорирование российскими теоретиками концепта империи как особой самостоятельной и актуальной формы государства. Ни в одном из учебников по теории государства и права для студентов-первокурсников или по проблемам теории государства и права для учащихся выпускных курсов, допущенных Министерством образования и науки РФ для обучения студентов по направлению подготовки «Юриспруденция» нет не то чтобы главы или параграфа, но чаще всего даже самого упоминания об имперской государственности. Не находит эта проблематика своего необходимого освещения и в научной литературе. Имперский универсализм по-прежнему часто считается опасной принадлежностью прошлого, а империя рассматривается как форма государственности домодерного мира, на смену которому окончательно и бесповоротно пришло национальное государство. Между тем, тенденции развития мировой политической системы свидетельствуют об обратном.

Процессы нарастающей экономической и информационной глобализации, которые носят все более объективный характер в связи с необходимостью перехода к шестому технологическому укладу, разрушают суверенную национальную государственность. Возрастающая неспособность современных государств к решению глобальных и макрорегиональных проблем и, как следствие, ослабление и утрата ими суверенитета ведет к всеобщей трансформации государственности в современном мире, видимыми признаками которой являются реновация имперских моделей политико-территориального устройства и возникновение нового вида имперского суверенитета. Исследование их природы и тенденций развития является крайне актуальным, в первую очередь, для понимания современного состояния и перспектив развития российского государства. Россия по настоящее время сохранила многие характерные элементы и черты своей имперской специфики и в последние годы все в большей степени продолжает восстанавливать их в своей внутренней организации и во внешней политике. Поэтому необходимо научное признание имперского характера российского государства и освобождение понятия империи от негативного употребления. Империя есть только лишь одна из сложносоставных форм государственного устройства, имеющая свои особенности, достоинства и недостатки. При этом, как показывает исторический опыт, развитие человеческой цивилизации и государственности в мире на определен-

ных этапах подводит отдельные страны и народы к необходимости создания имперских форм государственности. Империи образуются объективно исторически, а не по чьей-либо злой или доброй воле. Их строительство – вполне закономерный путь становления и развития великих держав. Это в полной мере относится и к России. Само ее существование в качестве суверенного государства уже предполагает имплантацию целого ряда имперских форм и методов в организацию ее государственного устройства. Россия представляет собой сложный многослойный объективно асимметричный этнополитический симбиоз. Она обладает огромной территорией, которая выступает одной из ключевых доминант политической и правовой культуры и ментальности ее населения. Характерной чертой организации власти и управления современной России является определенная преемственность по отношению к прежним, имперским, в том числе и советским организационным структурам, что лишнее раз было подтверждено легкостью построения в первые сроки президентства В.В. Путина «новой властной вертикали», во многом имперской по форме и назначению. Существует и естественное пространство для расширения сферы политического влияния России – республики бывшего Советского Союза и целый ряд стран бывшего социалистического содружества. При целенаправленном формировании интеграционных процессов на этих территориях в полной мере могут быть задействованы принципы федерализма, конфедерализма, протектората, международно-правовые формы союзов и содружеств. Их использование является важным организационно-правовым инструментом для возрождения и наращивания потенциала России в качестве центра притяжения сопредельных стран и народов, а также актуализации себя в качестве системообразующего элемента при образовании нового содружества наций на евразийском пространстве.

Легко предвидеть все возможные по этому поводу возражения: наше ужасное экономическое положение, неэффективность государственного аппарата, засилье антинационального капитала и т. д. Но необходимо помнить, что исторический разворот на геополитическое расширение происходил в России в момент наибольшего сжатия – когда вермахт стоял под Москвой, Великая армия Наполеона – в самой Москве, как польские жолнеры в 1612 году. Парадоксально, но только историческая сверхзадача – подобная построению социализма в отдельно взятой стране – оказывается для России ключом, открывающим двери к динамическому развитию. И сегодня лишь предельно выраженная претензия

на статус полноценного полюса многополярного мира позволит нашей стране стать на путь «преображенного, расширенного поворачивания вспять» от той точки сжатия, которую В.В. Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века» [16] – распада СССР. Но для этого необходимо вновь объединить народы и государства евразийского пространства на основе общих ценностей и общих стратегических интересов в новую Евразийскую империю, которая в политическом отношении окажется наследницей Советского Союза (только без классово-формационной идеологии марксизма-ленинизма), как сам СССР наследовал Российской Империи, Российская империя – Московскому царству, а Московское царство – сразу трем историческим и политическим субъектам – Киевско-Новгородской Руси Рюриковичей, Византийской Православной Империи и евразийской империи Чингизидов. В этой цепочке превращений легко увидеть, что гибель каждого из этих геополитических субъектов означала его возрождение в новой превращенной форме и в новом, более высоком геополитическом статусе [8, с. 340–342]. Появляясь на свет посредством исторического разрыва, часто революционного отрицания предыдущего периода, они представляют собой совершенно закономерные с точки зрения логики русской истории фазы развития территориальной организации государства и государственной власти: хотя между этими формами и фазами имеются важные содержательные различия, их базовые сущностные характеристики и организационные основания остаются практически неизменными на протяжении последних пяти столетий. Это свидетельствует о том, что российский социум, его пространственная и политическая организация обладают своей логикой развития, своей рациональностью, которая пробивает себе дорогу, несмотря на меняющиеся условия и различные факторы объективного и субъективного характера [24, с. 98–181]. Причем, как показала историческая практика, только имперская организация российского государства в своих различных формах и модификациях могла реально охватить пространство евразийского Хартленда, обеспечить эффективность контроля над ним и даже (в эпоху СССР, который стал пиком, высшей точкой имперской организации Евразии) придать ей глобальное измерение.

Исходя из вышесказанного, весьма актуальным для теории государства является, во-первых, разработка понятия и выявление политико-правовых признаков империи, в том числе, применительно к современным условиям эпохи научно-технической революции и глобализации.

Во-вторых – это выяснение характерных особенностей организации различных форм и модификаций российского государства как на различных этапах и фазах его исторического развития (Московское царство, Санкт-Петербургская империя, СССР), так и общих черт и признаков, присущих всем этим фазам с объяснением причин их консервации, сохранения и воспроизводства при различных условиях. И, в-третьих, определение на этой основе реального состояния и перспектив развития современного российского государства, его типа, формы, сущности, направления модернизации с позиций последних достижений философии, социологии, социальной психологии, политологии, исторической науки, культурологии, этнологии и этносоциологии, геополитики, от которых отечественная юриспруденция, плетущаяся в хвосте западной либеральной идеологии, сильно отстала за последние двадцать лет.

Разумеется, такая задача не под силу одному человеку, и мы попытаемся в данной статье дать беглый набросок только первой его части – выявлению признаков империи и определению ее понятия. При этом, в отличие от попыток сделать это в философской, политологической и исторической литературе мы в данном случае обращаемся именно к значимым политико-юридическим характеристикам имперской государственности.

Во-первых, империя есть государство во всех смыслах этого слова, имеющее много общего с другими формами государства. Она обладает всеми его элементами и признаками. В своем внешнем аспекте империя имеет свою территорию, над которой осуществляет суверенитет, что дает возможность отграничить сферу ее властвования от сферы власти других государств и противостоят им. Соответственно, над ней не существует и не может стоять иное охватывающее ее более высокое политическое целое. Во внутреннем отношении она обладает собственной верховной властью, государственным аппаратом, правовой системой, казной, сложной территориальной структурой.

Почему стоит заострить внимание на этом, казалось бы, очевидном факте? Проблема носит здесь двухсторонний характер. С одной стороны, в целом ряде либеральных концепций государства под ним понимается лишь та разновидность политической организации общества, которая сложилась в Западной Европе на пороге Нового времени и несколько позже в Северной Америке и переживает сейчас серьезный кризис [12]. С другой стороны, ряд исследователей-политологов, социологов, философов в силу специфичности характера признаков и качеств им-

перии, отличающих ее от государства-нации, считают ее чем-то большим, чем государство [23, с. 89–120; 9, с. 61–70], понимая, по-видимому, в данном случае, под государством ту же самую политическую организацию европейского Нового времени. Сторонники такого взгляда оперируют аргументами не правового или даже политического, а скорее социологического и культурологического характера. При этом с их стороны не поступает никаких предложений по поводу того, в каком понятийном ряду они видят категорию «империя», отказывая ей в государственном статусе. Поэтому так важно подчеркнуть, что империя представляет собой одну из разновидностей государства, наряду с полисом, национальным государством и другими государственными формами. Она, хотя и обладает существенными особенностями по сравнению с ними, является весьма специфической, но совсем не уникальной формой государства. Идея империи тесно связана с идеей государства вообще, выраженной в его целях, заключающихся в создании такого политико-правового единства и его внутренней упорядоченности, которые бы гарантировали свободное и независимое существование государствообразующего народа среди других наций и народов и создавали условия для обретения внешней мощи, культурного и политического роста.

Во-вторых, в отличие от других государств, которые являются формой существования отдельных наций и народов или родственных по происхождению и крови этнических групп, *империя часто выступает как государственно-территориальная форма локальной цивилизации*, представляющей собой исторический организм или «исторически-культурный тип» [4, с. 85, 87–90 и след.], т.е. такую общность наций и народов, которая занимает определенный географический ареал, «часть света», имеет общую историю, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и, тем самым, принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует.

Здесь, разумеется, необходимо иметь в виду, что не всякая цивилизация достигает политической формы империи, и практическое сопоставление количества формально-имперской государственности с численностью существовавших и существующих цивилизаций не совпадает. Однако лишь в империи государство может дорасти до целой цивилизации, до целостного универсального политически и культурно автаркийного мира, позволяющего преодолеть как крайность государственно-правового нивелирования

национальных организмов с их самобытностью и неповторимостью, так и крайность обособления и самоизоляции наций в своих этнических стандартах и границах [1, с. 116–120; 18, с. 389]. Империя выступает как универсальное, вселенское государство, преследующее цели мирового или макрорегионального господства или лидерства и обладающее некоей культурной цивилизаторской миссией (введение обычаев мира, политических, правовых, культурных, бытовых и иных стандартов и т.д.), придающих имперской власти дополнительную легитимность и оправдывающих ее существование. Объединение различных народов в рамках единой культурной парадигмы делает империю универсальным государством и позволяет ей дорасти до целостной цивилизации.

В-третьих, *империя – это всегда государство с большой территорией*. Пространственная величина – неотъемлемый элемент идеи и практической организации империи. «Маленькая империя есть терминологическое противоречие» [9, с. 29]. «Единый это с империи означает ее безбрежность» [11, с. 125] – у нее всегда есть собственная территория, но далеко не всегда присутствуют легитимные границы. Мифологический концепт империи представляет ее как сакральную всемирную державу. Поэтому любая империя утверждает либо пытается утвердить систему пространственной всеобщности – свое верховенство над всем окружающим (цивилизованным) миром или большим географическим регионом. Отсюда территориальное пространство империи представляется всегда динамичным, а границы – подвижными. Большие пространства преодолеваются посредством военной силы, духовно-нравственного (морального или религиозного) и культурного превосходства, а также политического мастерства. Поэтому сердцевину имперского мифа и имперской идеологии составляет «цивилизационная ойкуменическая идея глобального государства, что априори предполагает победу организованного космоса над хаосом и соединение (присоединение) различных разделенных частей мирового пространства» [7, с. 16]. Естественно, что это пространство оказывается весьма многообразным по своим этническим, религиозным, хозяйственным и тому подобным характеристикам, в силу чего основной целью и назначением империи является упорядочение и приведение к единству этого пестрого и хаотичного многообразия, сохраняя при этом определенное своеобразие и самобытность составляющих ее частей.

В-четвертых, само территориальное пространство империи является анизотопным [23, с. 105], т.е. неодинаковым, неоднородным как по

своим этно-культурным и социально-экономическим свойствам, так и политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей. Империя – не просто большое по своим пространственным параметрам государство, а такое, территория которого *включает в себя разнотатусные региональные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти с сохранением в некоторых случаях их политической автономии и даже собственной государственности.*

Органичное сочетание имперского универсализма в рамках сложившейся цивилизационной константы с определенной этнокультурной самостоятельностью территориальных частей империи делает не только возможным, но и необходимым формирование внутри нее вертикально-горизонтальных и диагональных связей политико-административного характера, когда разные периферийные образования обладают по отношению к центральной власти различными правовыми статусами.

Поэтому, **в-пятых**, основополагающей чертой территориальной организации империи, отличающей ее от всех других видов государственности, является *своеобразное сочетание унитаризма, федерализма, конфедерализма, самоуправления и децентрализации.* Здесь также используется форма протектората, где имперскому центру принадлежит военное руководство и представительство в международных делах. Имеются также союзнические территории и зависимые от империи полусуверенные государственные образования с собственными правительственными органами. Империя вовсе не строится на исключительно унитарном принципе, как это иногда представляется.

В-шестых, основным направлением эволюции имперской государственности является *стойкая тенденция к централизованному унитаризму посредством использования различных промежуточных политико-правовых форм* для целого ряда или отдельных территориальных подразделений, входящих в ее состав или находящихся в орбите ее влияния – членов союзов и содружеств, государственных образований, автономий, муниципий и т.д. При этом *данная тенденция никогда не достигает своего логического завершения, оставаясь лишь парадигмальным направлением развития империи.* Попытки радикальной унитаризации и централизации политико-правового пространства «подтачивают» имперскую организацию и, в конечном счете, разрушают ее, что видно на примере многих империй.

В-седьмых, *суверенный центр империи, воплощенный в имперских политических институтах, территориально, этно-социально, а следовательно, юридически образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающую гегемонией или доминирующую в ней при реализации имперской власти и управления.*

Империя всегда формируется вокруг стержневого (государствообразующего, имперского) этноса (группы родственных этносов), с которым связано воспроизводство, продолжительность жизни и распад империи, начинающейся с обскурации имперообразующей нации. Топос, место обитания или концентрации элиты, правящего этноса (нации), становится не только суверенным центром, местом нахождения верховной власти империи, но и культурным центром, средоточием и сердцевинной всей цивилизации, Мировым градом (Рим, Константинополь, Москва). Либо такой центр замещается нацией-государством, которая концептуализируется в правовом аспекте как метрополия по отношению к колониальной периферии (Карфаген, Испания, Англия). Тем самым налицо присутствие этнополитической иерархии. Политико-правовые связи выстраиваются от правящего доминирующего этноса к «базовым союзникам» и далее ко все менее полноправным в политическом отношении этносам (очень часто при сохранении формального юридического равенства). При этом на более поздних этапах существования правящий класс империи представляет, как правило, уже не чисто этническую группу, а определенную совокупность граждан, имеющих равные права (статус). Например, сословие сенаторов в Римской и Византийской империях, дворянство в России и европейских империях, янычары в Турции, номенклатура в СССР, финансовая олигархия в США и т.д. Происходит это потому, что в процессе становления империи за определяющий, доминирующий образец поведения в ней всегда берутся цивилизационно-культурные характеристики государствообразующего народа, наиболее развитого в культурном, хозяйственном, военно-техническом и иных отношениях. Его этно-культурные признаки (язык, религия, обычаи, традиции, нравы, право и др.) становятся господствующими, определяют стереотипы поведения в обществе и, в конечном счете, обуславливают структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления в государстве. Другие этносы имеют право и возможность сохранения своей культурной идентичности, однако повышение их роли и статуса в империи, их настоящее развитие в ее цивилизационной парадигме возможно лишь

на основе принятия основных культурных компонентов государствообразующей, стержневой нации. С другой стороны, эффективное имперское руководство возможно только при более или менее добровольном соучастии в осуществлении власти и управления региональных элит, что предполагает их регулярную кооптацию в центральную элиту. Одновременно последняя образует собственные «плацдармы» в периферийных нациях внутри их традиционных элит. Таким образом, имперская аристократия формируется из представителей всех наций и народностей, входящих в империю, что существенным образом влияет на устойчивость имперских государств, дает им огромные социальные ресурсы для сопротивления политическим катаклизмам и регенерации при территориальных и демографических потерях.

В-восьмых, империя всегда есть государство идеократическое (или даже теократическое), имеющее свою систему базовых ценностей, убеждений, свою «идею-правительницу» [20, с. 438–442], религиозную или этическую. И эта главная, доминирующая черта во многом определяет остальные особенности и характерные признаки имперской государственной организации. Так, например, основная идея и цель существования Византийской империи заключалась в том, чтобы нести Христову веру по всему миру, укреплять православную Церковь и жить по Христовым заповедям, приуготовляя народ империи к вечной жизни в Царствии Божьем [3, с. 5–6]. Для СССР – это построение коммунистического общества, как некоего прообраза рая на земле для всех трудящихся, для США – построение либерально-демократического рая если не на всем земном шаре, то для «золотого миллиарда», обитающего в пределах наиболее экономически развитых стран современного мира. Отсюда следует, что роль и назначение верховной власти империи, ее функции и полномочия, а также правовая система могут быть адекватно поняты и описаны лишь в традиционном и неотделимом от господствующей религии или идеологии понимании.

Достаточно часто в работах, посвященных империям, в качестве их необходимого признака называется унифицированное право или единая на всей территории система законодательства, обязательная для всех государственных образований, входящих в их состав. Однако на самом деле это не совсем точно. Одной из основ правовых систем большинства империй являются различного рода договоры и соглашения, определяющие статус целого ряда территорий, входящих в их состав, или находящихся в зоне их по-

литического влияния. Уже одно это предполагает отсутствие строго унифицированного имперского права в вопросах статуса отдельных регионов, прав и обязанностей их жителей. Так, в римском праве периода поздней республики и первых веков империи действует система норм, применяемых только к римским гражданам (*cives Romani*) и право, предназначенное для лиц, не являющихся римскими гражданами, регулирующее их отношения между собой, а также между ними и римлянами (общенародное право – *jus gentium*). На территории весьма централизованной в политико-административном отношении Римской империи, кроме общегосударственного законодательства, действовало немецкое балтийское право, особое законодательство для Польши, мусульманское право в Средней Азии и некоторых других регионах. Аналогичную картину можно наблюдать и в других империях. Определенная, необходимая, насколько это возможно степень правовой унификации или попытки достичь таковой имеют место в целом ряде империй. Но основная легитимация имперского суверенитета, верховной власти империи осуществляется не правом и носит не рациональный характер. Империя формирует свой сакральный мир – религиозный или секуляризованный, но всегда, даже в этом случае заимствующий и воспринимающий у религии ее духовную ауру и внедряющий ее в господствующую идеологию. Поэтому «практическая реализация имперской идеи никогда не совпадает с ее правовым обоснованием, факт и норма всегда существуют в разных плоскостях бытия» [7, с. 26–27], а основным (первичным) регулятором общественных отношений являются в империи культурные принципы и нормы идеократического характера, задаваемые господствующей идеологией, причем очень часто это происходит, несмотря на наличие технически совершенной системы формального позитивного права, как это было в Римской и Византийской империях, или существует в современных США, где законодательство и правовая система в целом покоятся на протестантских религиозных принципах и вытекающей из них доктрине либерализма [15]. Не случайно, юридическую структуру имперского объединения представляли достаточно часто весьма различным образом, «но его квинтэссенцию при этом искали на уровне, не совпадающем с правовым» [7, с. 22].

В-девятых, это особенности имперского суверенитета, находящие свое проявление в способах организации и легитимации верховной власти, а также распределении суверенных правомочий между верховной властью и периферийными образованиями.

Характерной чертой имперского суверенитета является то, что он практически всегда формируется и реализуется в рамках культурно доминирующей национальной духовной и политико-правовой традиции, чьи основополагающие мировоззренческие установки воспринимаются практически всеми нациями и народами, вошедшими в империю. Это придает ее верховной власти сакральный характер даже в секуляризованном, светском обществе. Поэтому *в основании всякой имперской организации, во всяком случае, в эпоху ее расцвета, находится принцип безусловного духовно-идеологического авторитета и легитимности верховной власти империи*, что позволяет ей править с минимально необходимой степенью принуждения. Родовым признаком империи становится *господство не прямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к значительной части периферии*. Центральная власть в империи всегда осуществляет непосредственное управление какой-то достаточно обширной частью территории, национальным ядром имперской организации и некоторыми другими региональными подразделениями. В отношении остальных территорий имперский центр осуществляет достаточно жесткий внешнеполитический, военный и финансовый контроль, определяет общее направление культурно-воспитательной политики, но вполне позволяет существовать двум значимым элементам их статуса, делающих правление ими непрямым: 1) сохранение их государственного или автономного положения в границах империи; 2) признание их формальной независимости и сложившегося здесь образа правления (организации власти и управления). В таких регионах реализация имперской власти происходит посредством автономных структур, которые пользуются значительной автономией в решении дел внутреннего характера взамен выполнения ее воли в вопросах общеимперского значения.

При этом суверенный контроль верховной власти империи в международных делах и военно-политической сфере, финансовой и культурной политике (общая идеология и контроль над символами; единообразная система образования; унифицированная во многих отраслях система права; единый общегосударственный язык) совсем не обязательно предполагает формальное включение подконтрольных территорий в состав империи на правах субъекта федерации, автономии, колонии, протектората и т.д. Социалистические страны «народной демократии» не входили в состав СССР, но частью «империи Кремля» они, безусловно, являлись. То же самое можно сказать о многих союзниках США по блоку НА-

ТО или о римских федератах эпохи республики или империи. Суверенные prerogatives имперского центра в области внешней политики и идеологии позволяют ему оказывать существенное влияние и фактически определять внутреннюю политику своих «союзников» непрямыми методами при помощи установления и направления вполне определенной программы действий. Случаи, когда империи «вынуждены прибегать к прямой военной интервенции для удержания своего контроля, были не столько апофеозами их мощи, сколько провалами их обычной политики непрямого контроля» [14, с. 4–11, 9].

Таким образом, реализация имперского суверенитета с необходимостью предполагает достаточно жесткие отношения *иерархической субординации между верховной властью и периферийными частями империи при решении вопросов все имперского значения и достаточно мягкую координацию при решении всех остальных или многих иных вопросов государственного характера*. Но в любом случае, координация, проводимая имперским центром, носит вертикальный, императивный характер. Она выступает скорее формой, в которой происходит принятие решений, чем реальным методом определения их конкретного содержания.

В этом проявляется еще один, **десятый** и *основной, политико-правовой признак империи – единство политического пространства и единство имперского суверенитета по отношению к внешнему миру как исключительной сферы деятельности имперского центра*. Что касается многообразия статусов территорий, входящих в состав империи или находящихся в зоне ее влияния, как и степени их правовой и фактической самостоятельности, то они могут быть тем шире, чем более духовным (идейным, культурным, интеллектуальным, моральным) и, в некотором роде, трансцендентным характером обладает объединяющий их суверенный имперский центр, чем могущественнее его уравнивающая сила, глубинное влияние. По своей природе такая верховная власть есть самодержавие, которое понимается как «опыт постоянной самоорганизации и удерживания себя в центре мировых событий» [17, с. 77], что является программ-минимум для любой империи.

В-одиннадцатых, *на международной арене империя всегда выступает как великая держава*, внешний суверенитет которой, как фактический, так и юридический, не подлежит никакому сомнению. Он никогда не нуждается во внешнем признании со стороны других государств. Более того, империя сама выступает абсолютным субъектом признания или непризна-

ния суверенитета других государств, т.е., по сути дела отношения к ним как к таковым [21, с. 11].

Державами называются такие государства, которые оказывают систематическое, регулярное влияние на политику других государств, культивируют их зависимость от себя, имеют свои сателлиты и протектораты, формируют вокруг себя коалиции для решения собственных политических задач военными и экономическими средствами [6, с. 55]. Это в полной мере относилось и относится к империям на всем протяжении истории человечества. Империи всегда всеми доступными средствами для подтверждения своего статуса или расширения своего влияния стремились осуществить вторжение в дела других государств, навязать им свою волю, подавить чужие суверенные претензии, осуществить свое доминирование. Существуют три основных компонента державного превосходства – военный, экономический и культурный. Считается, что в прежние эпохи достаточно было военного превосходства (хотя оно всегда предполагало и определенную степень развитости экономики). В последнее время все больше возрастает также роль культурного фактора, но на первое место ставят фактор экономический. Фактически же ничего принципиально не изменилось, о чем свидетельствуют примеры Сербии, Ирака, Афганистана, Ливии, события на Украине. Способность к ведению войны была и остается первейшей способностью к державному (читай – имперскому) суверенитету. При этом те государства, которым удается, благодаря своему превосходству во всех компонентах державности, навязывать принципы своей политики державам, называются сверхдержавами. В настоящее время на этот статус претендуют США.

На наш взгляд, указанные признаки дают уже сейчас достаточно полную картину политико-правовых свойств империи как особой формы государства и выступают как прочная основа для дальнейших исследований по имперской проблематике.

Весьма актуальным является вопрос о том, к какому элементу государственной формы принадлежит империя. Как считает И.А. Исаев, ее категория «не может быть найдена ни в разделе о формах государственного правления, ни в перечне форм государственного устройства. Не совпадая полностью ни с одной из этих категорий, империя как идеальный тип властвования, вместе с тем, частично присутствует в каждой из них: демонстрируя свойственную ей централизацию власти, она может напоминать диктатуру или монархию, в плане же территориального устрой-

ства и управления – федерацию или унитарную государственность» [7, с. 22].

Соглашаясь в целом с выводом ученого о своеобразии имперской формы государственности и невозможности вместить ее целиком в устоявшиеся классификации политико-правовых форм, следует все-таки заметить, что, несмотря на условность любой классификации, империя по всем своим характеристикам ближе всего стоит к формам государственного устройства. Даже особенности организации верховной власти империи и способы ее осуществления зачастую связаны именно с особенностями ее территориального строения, характером отношений между центральной имперской властью и периферийными разностатусными образованиями. Не вызывает сомнения, что только для имперского государственного устройства характерно уникальное сочетание элементов унитаризма, федерализма, конфедерализма, иногда развитого муниципального строя, не сводимое ни к одному из них.

Таким образом, *империя – это есть «высшее состояние государства»* [18, с. 388], которое выступает как политико-правовая форма локальной цивилизации, сочетает в своей организации различные принципы территориального устройства при стойкой тенденции к унитаризму, имеет идеократический характер, использует в основном методы координации и непрямого контроля по отношению к периферии, обладает абсолютным верховенством в решении вопросов внешней политики и выступает на международной арене как великая держава.

Библиографический список

1. Бабурин, С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок [Текст] / С.Н. Бабурин. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. – 769 с.
2. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
3. Величко, А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи [Текст] / А.М. Величко. – М.: Издательство «Фонд ИВ», 2008. – 248 с.
4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
5. Дугин, А.Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию [Текст] / А.Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2014. – 683 с.
6. Иванов, В. Теория государства [Текст] / В. Иванов. – М.: Территория будущего, 2010.
7. Исаев, И.А. Топос и номос: пространства правопорядков [Текст] / И.А. Исаев. – М.: Норма, 2007. – 416 с.
8. Карпец, В.И. Русь Меровингов и корень Рюрика [Текст] / В.И. Карпец. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

9. Каспэ, С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 256 с.
10. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 849 с.
11. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
12. Кревельд, М. ван. Расцвет и упадок государства / М. Ван Кревельд. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
13. Макиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Дж.Х. Макиндер // Классики геополитики XX века. – М.: АСТ, 2003.
14. Миллер, А.И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: Сб. научных трудов / Ред. и сост. А.И. Миллер. – М.: ИНИОН РАН, 2004.
15. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 275 с. – С. 8; Шлезингер, А. мл. Циклы американской истории / А. мл. Шлезингер. – М.: Прогресс, 1992. – 688 с.
16. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года // www.rg/2005/04/25/poslanie-text.html
17. Савельева, М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное» / М.Ю. Савельева. – Киев: Издатель ПАРАПАН, 2007. – 412 с.
18. Смолин, М.Б. Тайны русской империи / М.Б. Смолин. – М.: Вече, 2003. – 432 с.
19. Султанов, Ш. Глобальная война или мировая революция? Воспоминания о будущем / Ш. Султанов // Завтра. – 2014. – Ноябрь. – № 45 (1094).
20. Трубецкой, Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
21. Тюгашев, Е.А. Концепт империи в горизонте семиотики права / Е.А. Тюгашев // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2007. – Серия «Право». – Т.3. – Вып. 2.
22. Уткин, А.И. Американская империя / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 736 с.
23. Филиппов, А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема) / А.Ф. Филиппов // Вопросы социологии. – Т. 1. – 1992. – № 1.
24. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм (tres-tresgrandespacedansunetres-treslongueduree) // Фурсов А.И. Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.
25. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 576 с.
26. Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
27. Явич, Л.С. О философии права на XXI век / Л.С. Явич // Правоведение. – 2000. – № 4.

УДК 340.1
ББК 67.0

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ ФОРМЫ

Ю.Ю. Ветютнев

Аннотация. Статья посвящена визуальной природе права, которое оказывает регулятивное воздействие на поведение людей через создание зрительных образов. Рассматривается роль цветовых обозначений в правовом регулировании.

Ключевые слова: право, форма, цвет, флаг, герб, символ.

VISUALIZATION AS AN ELEMENT OF LEGAL FORM

Yu. Yu. Vetyutnev

Abstract: The article is devoted to the visual nature of law which carries out a regulative influence on a human behaviour through creation of visions. The role of colour designations in legal regulation is examined.

Keywords: law, the form, colour, a flag, the arms, a symbol.

Правовая форма может быть определена как совокупность внешних свойств текста или действия, придающих ему юридически значимый характер. Это понятие, таким образом, шире по смыслу, чем «форма права», которая понимается

обычно как способ выражения нормативно-правового предписания; правовая форма присуща не только нормам, но и требованиям индивидуального значения, и отдельным юридическим фактам-действиям.

Всевозможные цветовые обозначения и другие средства визуализации являются привычным и даже незаменимым инструментом, предназначенным одновременно для обустройства всего социального пространства и для его освоения отдельной личностью. Окрашивание предметов в определенные цвета, будь то в прямом или в переносном значении, помогает ориентироваться в социальном мире, придавая общественным отношениям и институтам наглядную форму, доступную органам чувств.

Как полагал крупнейший культуролог Б. Малиновский, «для функционального объяснения искусства, досуга и общественных церемоний необходимо, вероятно, обратиться к непосредственным физическим реакциям организма на ритм, звук, цвет, линию и форму» [5, с. 701].

Если рассматривать право-текстуальную форму властного упорядочения общественной жизни – в контексте разграничения акустических и визуальных средств передачи информации [4], то определяющим качеством для него является письменный тип фиксации, что, в свою очередь, говорит о визуальной природе права. Действительно, право воспринимается главным образом зрительно, путем ознакомления с соответствующими формально определенными и властно санкционированными текстами. Аудио-тактильный тип восприятия имеет к праву по меньшей мере весьма косвенное отношение.

Речь идет, в частности, о том, что юридическим является лишь такой текст, который особым образом выглядит, обладает необходимыми наружными приметами («реквизитами»), традиционно включающими в себя его наименование, дату и место принятия, номер, указание на властного субъекта, его подпись и т.д. Именно эти внешние признаки придают обычному письменному тексту, содержащему некую информацию, особый («юридически значимый») статус, переводят его в привилегированный режим особой авторитетности и влиятельности. Определение набора и вида этих атрибутов составляет исключительную прерогативу высшей власти, поскольку именно через эти символические средства она контролирует потоки правовой информации.

Совокупность внешних элементов документальной формы преследует такие основные цели, как локализация юридического текста в социальном времени и пространстве, его индивидуализация среди остальных, а также подтверждение его регулятивных свойств, вытекающих из властного санкционирования.

Если речь идет о законе как юридическом тексте с повышенной интенсивностью действия, особую важность приобретает то, каким спосо-

бом и когда он опубликован. Впрочем, признак публичности и открытости юридического текста, скорее всего, не абсолютен и допускает исключения (например, в Древней Японии существовал принцип: «Законы исполнять, но не знать»). Тайный характер носят некоторые статьи закона о государственном бюджете, выпускаются секретные нормативные акты, но они не перестают быть правовыми от того, что остаются неизвестными широкой публике. Следовательно, речь идет не просто о публичности, в обыденном понимании этого слова, как полной общедоступности и открытости, а о юридической публичности, которая заключается в том, что правовой текст должен быть тем или иным образом доведен до сведения своих адресатов. Собственно, современное требование обязательной публикации законов основывается на предположении, что закон предназначен для всего общества, а не для его отдельных подсистем или представителей.

Хотя в основе своей правовой механизм построен на речевых средствах, представляет собой область вербальных практик, в ряде случаев он вынужденно отступает от этого принципа и прибегает к иным способам воздействия. Зрительные образы представляют собой выражение символизма, являющегося неотъемлемой характеристикой самой правовой формы; они выступают своеобразными опознавательными знаками, которые мобилизуют людей на определенный тип поведения, причем в тех условиях, когда присущие праву вербальные формы воздействия по тем или иным причинам неприменимы. «Изобразительные правовые символы наиболее ярко выражают внешнюю наглядность и образность, что позволяет без особых интеллектуальных усилий выразить и преподнести юридическую суть тех или иных жизненных ситуаций» [2, с. 72]. Таким образом, визуальные приемы становятся дополнением к традиционному инструментарию словесных средств правового регулирования.

Первая сфера правового регулирования, в которой используются визуальные обозначения, связана с правилами безопасности дорожного движения. Эта область, впрочем, не рассматривается обычно как классический пример юридического воздействия и находится скорее на периферии исследовательского интереса юристов, хотя привлекает к себе определенное внимание социологической науки [8]. Нормативная основа регулирования представлена здесь главным образом не законодательными, а подзаконными актами, которые заведомо обладают пониженным уровнем юридической силы. Однако по всем формальным и содержательным критериям

правила дорожного движения, безусловно, представляют собой элемент правовой реальности, причем именно в его рамках наблюдается повышенная концентрация регулятивных приемов, построенных на использовании цвета.

Наиболее ярким примером является описание в Правилах дорожного движения цветových сигналов светофора: «В светофорах применяются световые сигналы зеленого, желтого, красного и бело-лунного цвета...

ЗЕЛЕНЫЙ СИГНАЛ разрешает движение;

ЗЕЛЕНЫЙ МИГАЮЩИЙ СИГНАЛ разрешает движение и информирует, что время его действия истекает и вскоре будет включен запрещающий сигнал (для информирования водителей о времени в секундах, остающемся до конца горения зеленого сигнала, могут применяться цифровые табло);

ЖЕЛТЫЙ СИГНАЛ запрещает движение, кроме случаев, предусмотренных пунктом 6.14 Правил, и предупреждает о предстоящей смене сигналов;

ЖЕЛТЫЙ МИГАЮЩИЙ СИГНАЛ разрешает движение и информирует о наличии нерегулируемого перекрестка или пешеходного перехода, предупреждает об опасности;

КРАСНЫЙ СИГНАЛ, в том числе мигающий, запрещает движение.

Сочетание красного и желтого сигналов запрещает движение и информирует о предстоящем включении зеленого сигнала» (п. 6.1, 6.2) [6].

Примечательность этих нормативных положений состоит в следующем. Во-первых, в них не просто используются наименования цветов, но и дается интерпретация их смысла. Точнее говоря, цветовым сигналам юридически приписываются некоторые значения. Право, таким образом, не довольствуется отсылкой к бытующим представлениям о цветах, но и наделяет их некоторым дополнительным содержанием, создающим необходимый регулятивный эффект.

Во-вторых, речь идет не о простом упоминании одного или нескольких цветов с разъяснением вкладываемого в них смысла, но о выстраивании целой знаковой системы, в которой не только каждому элементу принадлежит фиксированное место, но, более того, в отдельности друг от друга они существовать не могут. Значение каждого конкретного цвета может быть определено только в контексте со всеми остальными (по словам Р. Барта, «красный цвет не означает запрета, пока не включается в регулярную оппозицию зеленому и желтому» [1, с. 246]).

В-третьих, весь приведенный текст сформулирован так, что цветовым сигналам придаются

своих свойства не простых условностей, а активных деятелей (акторов), которые сами «запрещают», «разрешают», «информируют» (типичный для права прием сокрытия субъекта и замещения его предметом-посредником, в данном случае – светом, который в результате сам приобретает своеобразные субъектные качества).

Необходимость освоения цветового инструментария в случае с дорожным движением достаточно очевидна и связана с тем, что в данной сфере не срабатывают привычные для права вербальные средства влияния. Дело в том, что весь процесс правового регулирования представляет собой цепочку актов внушения («суггестии»), направленных на то, чтобы перевести поведение индивидов и социальных групп в русло, желательное для власти. Обычно для этого используются различные словесные приемы, как правило, выражаемые в письменной форме. Однако в случае с дорожным движением обнаруживается особая задача, обусловленная тем, что необходимо с чрезвычайной быстротой манипулировать массовыми социальными потоками, причем такими, в которых единицами выступают не столько человеческие индивиды, сколько технические устройства.

Поскольку здесь явно обнаруживается несостоятельность обычного арсенала средств правового регулирования, то возникает потребность в механическом приспособлении, которое бы упорядочило движение транспорта. Использование цветových сигналов в этом случае практически не имеет альтернатив, поскольку они вызывают быструю реакцию, легко переключают действия человека в нужное направление и тем самым представляют собой вполне действенное средство автоматизации социальных процессов.

Вторая сфера применения визуальных символов в правовом регулировании связана с государственной геральдикой – флагами, гербами, орденами, памятными знаками и т.п., каждый из которых снабжается соответствующим описанием, где оговариваются, в частности, его очертания и цветовые характеристики.

Разумеется, флаг (равно как герб, эмблема и др.) не является чисто правовым явлением, но это также относится к подавляющему большинству институтов, входящих в состав современного права; собственно, чисто юридическим феноменом является только сама правовая форма, все остальное – содержание, по мере необходимости привносимое из других сфер социальной жизни.

Федеральные конституционные законы «О государственном флаге Российской Федерации» и «О государственном гербе Российской Федерации» [7] являются самыми высокими по юри-

дической силе нормативно-правовыми актами, где используется цветовая терминология. Например, ст. 1 Закона о государственном гербе гласит: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья... На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона».

Более того, мы имеем дело с довольно редкими для правовой реальности случаями, когда цвета не просто упоминаются в юридических текстах, но и присутствуют непосредственно – в приложениях, представляющих собой многоцветные рисунки.

Функция геральдических цветов состоит в том, чтобы создать притягательный образ, символизирующий собой некоторую социальную ценность, благодаря чему достаточно сложные и внутренне богатые идеи – «Родина», «суверенитет», «честь», «преданность» и т.п. – приобретают сравнительно простую, наглядную и экспрессивную форму своего бытия, обеспечивая моментальное «считывание» заложенной в них информации, которое к тому же автоматически сопровождается повышенным положительным эмоциональным фоном.

Детальное описание в нормативно-правовых текстах внешнего вида различных флагов, штандартов, медалей, орденов и т.п. необходимо по той причине, что они нуждаются в максимально точной фиксации своего наружного облика, который является непосредственным и единственным передатчиком смысла.

Наконец, *третья сфера*, в которой цвета получают юридическое закрепление, связана с описанием форменной одежды представителей власти. При кажущейся незначительности этого вопроса, в действительности он имеет отношение к самым фундаментальным основам правовой реальности. Служебная форма представляет собой своего рода внешнюю выделенность субъектов, принадлежащих к правовой реальности. В этой связи цветовые различия (синий цвет прокурорского мундира, черный цвет судейской мантии и др.) необходимы потому, что не только делают узнаваемыми самих носителей юридической власти, но и сигнализируют всем остальным, что при встрече с этой униформой они вступают в соприкосновение с правовой реальностью, где действуют «правила игры», существенно отличающиеся от иных областей социаль-

ной жизни. Человек, одетый в форменную одежду, обладает властными полномочиями независимо от своих личных качеств, и в этом смысле он олицетворяет собой всю систему права, которое является общеобязательным вне зависимости от своего конкретного содержания.

Итак, во всех рассмотренных случаях использование визуальных обозначений в юридических целях обладает некоторыми общими чертами. Цвета представляют собой выражение символизма, являющегося неотъемлемой характеристикой самой правовой формы [3]; они выступают своеобразными опознавательными знаками, которые мобилизуют людей на определенный тип поведения, причем в тех условиях, когда присущие праву вербальные формы воздействия по тем или иным причинам неприменимы. Таким образом, изображения становятся дополнением к традиционному инструментарию словесных средств правового регулирования.

Однако обращает на себя внимание то, что для обнаружения изобразительной символики оказывается необходимым проникновение в глубь правовой материи, до ее отдаленных и пограничных областей. Даже в тех случаях, когда подобная символика встречается в сфере права, она скорее используется фрагментарно, из прагматических побуждений, когда без нее не обойтись, нежели представляет собой нечто органичное для правовой реальности. Действительно, по сравнению с общим масштабом действия современного права, объем тех сфер правового регулирования, где обнаруживаются цветовые средства, ничтожен.

Одно из возможных объяснений этого связано с тем, что цвет как явление, воспринимаемое органами чувств, вызывает в первую очередь эмоциональную реакцию. Но одна из важнейших особенностей права состоит именно в том, что оно образует безэмоциональную среду, в рамках которой проявления чувств и переживаний в лучшем случае рассматриваются как юридически безразличные, в худшем – как социально опасные и предосудительные. Столь сдержанное, минимально необходимое обращение к цветовым средствам в юридических целях, по всей видимости, обусловлено нежеланием привносить в правовую реальность несвойственные ей чувственные, образные, экспрессивные начала.

Библиографический список

1. *Барт, Р.* Воображение знака // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989.
2. *Вопленко, Н.Н.* Правовая символика / Н.Н. Вопленко // Правоведение. – 1995. – № 4–5.

3. *Исаев, И.А.* Символизм правовой формы: Историческая перспектива / И.А. Исаев // Правоведение. – 2002. – №6.

4. *Маклюэн, М.* Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект, 2005.

5. *Малиновский, Б.* Функциональный анализ / Б. Малиновский // Антология исследований культуры.

Т.1. Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997.

6. // Российская газета. – 2000. – 27 декабря.

7. Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – №47. – Ст. 4531

8. *Халиуллина, Л.И.* Институт дорожного движения: конструирование юридического факта правонарушения / Л.И. Халиуллина // Новая правовая мысль. – 2003. – №2.

УДК 341.1/8

ББК 67.51

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

А.Е. Епифанов, В.М. Абдрашитов

Аннотация. Целью работы является исследование влияния международного и европейского права на развитие механизмов защиты прав и свобод человека в России и ЕС на современном этапе. Методы, используемые в статье: сравнительно-правовой, историзма, комплекс диалектических методов познания. Результатом проведенного исследования стали отдельные выводы и предложения по модернизации основ и базовых положений механизмов защиты прав и свобод человека в современной России и ЕС в аспектах влияния мирового кризиса и перспективы права России в совершенствовании способов защиты прав и свобод человека в современных условиях.

Ключевые слова: права человека, международное и европейское право, права и свободы человека, механизмы защиты прав и свобод человека, право России, право Европейского Союза, мировой кризис, принципы права, принцип презумпции невиновности, Европейский Суд по правам человека.

TO THE QUESTION ON THE IMPACT OF INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW ON THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE EU IN THE FIELD OF THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

A.E. Epifanov, V.M. Abdrashitov

Abstract: The aim of the work is a study of the influence of international and European law on the development of mechanisms for the protection of human rights and freedoms in Russia and the EU at the present stage. The methods used in the article: comparative law, Historicism, the dialectical methods of cognition. The result of the study were some of the findings and proposals for modernization of bases and base of the mechanisms for the protection of the rights and freedoms of the individual in modern Russia and the EU in terms of the impact of the global crisis and prospects of law of Russia in improving the protection of human rights and freedoms in today's environment.

Keywords: human rights, international and European law, human rights and freedoms, protection mechanisms human rights and freedoms, the right of Russia, European Union law, the global crisis, the principles of law, the presumption of innocence, the European Court of Human Rights.

Общеизвестно, что права человека представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага. Проблема прав человека, выражаемая в той или иной форме, сопутствует всей истории человечества. Права человека представляют собой один из способов трактовки

и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает и официальным представителем которой выступает власть. Они утверждают в этих взаимоотношениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус. Взаимоотношения индивида и государства составляют ту систему координат, в которой осознается и оценивается сама проблема прав человека. На заре человечества в условиях родоплеменного строя

проблема прав человека не возникала и не могла возникнуть, так как в то время не было отчужденной от индивидов власти, а значит и необходимости утверждать и защищать во властных отношениях ценность личности, ее свободу. Кроме того, простой человек догосударственной и раннегосударственной эпохи еще не обладал развитым самосознанием и индивидуальностью, руководствовался в отношениях с государством прежде всего вековыми традициями, не отделял себя от рода, общины, селения и государства, обычно с покорностью воспринимал свое положение в общественной иерархии, даже если это было положение раба. Возникновение проблемы прав человека неразрывно связано с развитием общества, государства и человеческой индивидуальности. Не случайно впервые идеи прав личности возникают лишь у немногих материально обеспеченных мыслителей, обладающих развитым самосознанием и чувством собственного достоинства. Исторически первой формой осмысления и утверждения индивидуального достоинства и автономии личности по отношению к власти стали идеи естественного права, возникшие в I тысячелетии до н.э. Так, такие идеи встречаются у древнегреческих философов-софистов – Ликофрона, Антифона, Алкидама и др. – в VI–V вв. до н.э. Они утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права. Само же государство Ликофрон трактовал как результат общественного договора [12, с. 12]. Идею договорного происхождения государства и равенства всех людей перед небом отстаивал в V в. до н.э. китайский философ Мо-Цзы [18, с. 12]. Значительный вклад в концепцию прав человека внес Аристотель. Он защищал права, присущие человеку от рождения, и прежде всего его право на частную собственность. Это право коренится в самой природе человека и основывается на его любви к самому себе. Аристотель высказал ряд идей, близких к современной концепции прав человека [16, с. 18]. Эта идея верховенства естественного права над законами государства получила свое развитие в современных теориях прав человека [15, с. 23], в том числе в концепции правового государства.

Выдающийся вклад в массовое распространение гуманистических ценностей, лежащих в основе концепции прав человека, внесло христианство. Оно придало гуманистическим идеям высший ценностный статус, соединив их с религиозно-нравственными ценностями. Христианство обращается к внутреннему миру человека, его свободному выбору веры и ценностных ориентаций и тем самым способствует развитию челове-

ческой индивидуальности. Оно требует уважения каждого человека как творения, наделенного душой и созданного Богом по своему образу и подобию. Божественное происхождение обусловливает принципиальное равенство и свободу всех людей [15, с. 15]. Гуманистические идеи христианства, выступая в качестве нравственных регуляторов поведения людей, оказали огромное влияние на все последующее развитие Старого Света. Они не нашли политико-институционального признания и воплощения в реальных государственно-правовых нормах [10, с. 15], получивших распространение наряду с принципами взаимоотношения между индивидом и властью, унаследованными от античного общества и германских обычаев и смягченными патриархальной и христианской моралью. Отношения между индивидом и властью представляли собой сложную общественную иерархию прав и обязанностей. Человек, в соответствии с местом, занимаемым на социальной лестнице, был обязан выполнять указания своего господина (сюзерена) и в то же время мог рассчитывать на его покровительство и защиту, а также на послушание подданных (если они существовали), неся перед ними, в свою очередь, определенные обязанности. В целом же во времена феодализма идея равенства от рождения естественных прав всех людей или хотя бы правового равенства всех свободных граждан была отвергнута [10, с. 12].

Свое воскрешение, либеральное переосмысление и развитие эти идеи получили в XVII–XVIII вв. в трудах выдающихся мыслителей либерализма и Просвещения. Виднейшие представители либерализма – Локк, Монтескье, Руссо, Кант, Джефферсон, Смит, Милль, Бентам и др. – по существу заложили основы современного понимания прав человека. Они обосновали понимание фундаментальных прав человека на жизнь, свободу и собственность, сопротивление угнетению и некоторых других как естественных, неотъемлемых (неотчуждаемых) и священных императивов и норм взаимоотношений между людьми и властью [17, с. 28].

При этом естественность прав означает, что они присущи индивиду от рождения вследствие его принадлежности к роду человеческому; неотъемлемость (неотчуждаемость) отражает их имманентность индивиду как живому существу (без наличия которых он не может проявить свои человеческие качества), а также как свойственность человеку вообще, независимо от времени и пространства, в котором он существует (вследствие этого права человека могут служить общим критерием гуманистической оценки любых госу-

дарств, существовавших в истории); священность характеризует высочайшее уважение и почитаемость прав человека, их высший ценностный статус в иерархии общественных ценностей [11, с. 105].

Историческая заслуга Просвещения в вопросе о правах человека состоит не только в их теоретическом обосновании как гуманистических целей человечества, но и в нахождении важнейших способов их практического осуществления. К ним относятся прежде всего принципы народного суверенитета и разделения властей.

Первый из них, разработанный в первую очередь Локком и Руссо, означает подчиненность власти индивидам, добровольно объединившимся в народ (общество) и обладающим правом на расторжение «общественного договора» и свержение власти в том случае, если она посягает на фундаментальные права человека на жизнь, свободу и собственность.

Второй принцип, гарантирующий индивидуальные свободы, – разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Первым его сформулировал в современной форме Шарль Монтескье в 1748 году. Этот принцип и сегодня является важнейшим инструментом, ограждающим личность от злоупотреблений и притеснений со стороны власти [10, с. 15].

Впервые либеральная концепция прав человека нашла систематизированное юридическое выражение в 1776 году в Вирджинской декларации, положенной в основу Билля о правах конституции США, принятого в 1791 года. В 1789 году основополагающие права – свобода личности, права на собственность, безопасность и сопротивление угнетению – были конституционно закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина [10, с. 18]. Эти выдающиеся политико-правовые акты не утратили актуальности и сегодня, хотя, конечно же, нынешние представления о правах человека намного богаче по содержанию.

Особо следует отметить процесс формирования системы международных гарантий прав человека в историческом развитии. Еще сравнительно недавно, вплоть до начала нынешнего века, права человека вообще регулировались исключительно внутригосударственным правом. Государства-участники международных отношений исходили из того, что эти вопросы относятся исключительно к их внутренней юрисдикции. Общепринятым постулатом было рассматривать взаимоотношения между государством и его гражданами как внутреннее дело каждого государства, и международное право не вторгалось в этот процесс. Традиционное международное

право, рассматривая взаимоотношения между государством и его собственными гражданами как входящие в его внутреннюю юрисдикцию, делало лишь одно исключение. Считалось правомерным применение силы в «гуманных» целях вплоть до развязывания войны в одностороннем порядке для защиты жизни и имущества своих граждан, находившихся на территории другого государства, а также национальных и иных меньшинств [5, с. 16]. Точка зрения о законности вмешательства в дела других государств и правомерности интервенции по мотивам «гуманности» для защиты основных прав и свобод человека разделялась большинством юристов-международников как в XVIII, так и в XIX в.

XX век ознаменовался революционными изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Международное право претерпело разительные изменения за прошедшее столетие (в особенности со второй половины XX века): изменилось как отношение к нему государств и иных участников международных отношений, рассматривающих его как основу современных международных отношений и внешнеполитической деятельности, так и сама его структура, существенно расширился предмет международно-правового регулирования. В международном праве стали появляться новые отрасли, в предмет международно-правового регулирования вошли отношения, ранее находившиеся в исключительном ведении государств. Быстрыми темпами стала развиваться институционализация международного права, появилось большое количество различных институциональных образований, многие из которых в классическом международном праве отсутствовали.

Окончание Второй мировой войны, становление послевоенного устройства, создание системы ООН существенно изменили картину мира. Переломный исторический момент стал рубежным и для международного права, изменившего свою природу, сферу действия, круг и виды субъектов, иные важнейшие характеристики. Устав ООН зафиксировал принципиальные основы современного международного права, став его центральным и конституирующим документом: все отрасли и институты базируются на целях и принципах Устава, развиваются на его основе. Непреходящую ценность Устава подтвердили государства – члены ООН, выразив в Декларации тысячелетия свою приверженность его целям и принципам, «которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер» [6, с. 257–269].

Вместе с тем, спустя 60 лет после создания ООН, в начале нового столетия и тысячелетия современное международное право также претерпело немалые изменения. Они обусловлены крупными переменами в социальной и политической картине мира, усилением взаимосвязанности и взаимозависимости государств, а также процессом глобализации, который, очевидно, является неуклонным и необратимым. Многие проблемы, имевшие ранее внутрисударственный или региональный характер, стали всеобщими. Очевидна тенденция к интеграции, «стиранию» границ, созданию единого политического, экономического, финансового, правового пространства, которая наиболее ярко проявляется в пределах европейского региона и имеет предпосылки к развитию и расширению. Все это неизбежно сказывается на содержании и развитии международного права, его характерных чертах, значении на общемировом и национальном уровнях [14, с. 43]. Все новые стороны взаимодействия государств получают правовое закрепление. По более радикальным оценкам, «происходит поистине ошеломляющее развитие международного публичного права», которое в нынешнем столетии еще более ускорится [1]. Едва ли не самый яркий пример – сфера прав человека, традиционно являвшаяся «закрытой» для международного сообщества, предметом внутренней компетенции государств. Ее беспрецедентно быстрое развитие в международном праве за последние 60 лет (включающее широкий спектр норм различного характера – от общепризнанных стандартов до положений о международных механизмах с обязательной юрисдикцией по защите нарушенных прав [18, с. 82–87]) – одно из самых значительных достижений. По образному выражению, произошло «вторжение» международного права в область прав человека. Сегодня правовой статус личности определяется не только конституционными, но и международно признанными правами и свободами [9, с. 101].

В начале нового века и тысячелетия есть основания говорить об очевидном усилении субординационных элементов. Получили развитие действующие, появились новые международные структуры, обладающие компетенцией (на основе международных договоров (соглашений) или решений международных органов) принимать соответствующие решения, в том числе обязательного характера:

- Суд ЕС;
- Европейский суд по правам человека;
- Трибунал по Руанде;
- Трибунал по бывшей Югославии;

- Специальный суд по Сьерра-Леоне;
- Международный уголовный суд;
- Международный трибунал по морскому праву и другие.

Очевидно, это неизбежная и необходимая тенденция. Без подобных элементов международно-правовая система вряд ли сможет играть заметную роль и вообще нормально функционировать во все усложняющемся мире [16, с. 47]. В современных условиях особенно важно принятие оперативных и результативных мер со стороны международных органов от имени сообщества в целом для пресечения угрозы международному миру или применения оружия массового уничтожения, массовых нарушений прав человека, для наказания за тяжкие преступления, а также и от имени государств конкретного региона – для защиты индивидуальных прав или разрешения межгосударственных споров. В общих интересах – признание государствами компетенции или обязательной юрисдикции подобных органов [16, с. 48].

Динамизм современной жизни определяет необходимость и более динамичных способов формирования норм международного права. Безусловно, развитие международного права обособленно связывалось и связывается в конечном итоге с договорным закреплением взаимных обязательств государств. Заключение договоров обеспечивает строгость и точность достигнутых договоренностей, большую определенность в отношениях, укрепление международного правопорядка. В этом же смысле несомненна ценность и кодификации – договорного оформления целых институтов и отраслей. В конечном итоге она способствует преобразованию международного права в стройную, согласованную правовую систему.

В процессе договорного закрепления обязательств и кодификации укрепляются юридические свойства и увеличиваются регулятивные возможности норм международного права: договор или комплекс договоров могут предусматривать наряду с нормами материального права и систему средств обеспечения их выполнения, более качественно решать проблему их юридической гарантированности. Знаменательно, что в Резолюции по докладу Комиссии международного права на 28-й сессии Генеральная Ассамблея придала особое значение необходимости дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права с тем, чтобы «сделать его более эффективным средством осуществления целей и принципов, содержащихся в статьях 1 и 2 Устава ООН и в Декларации о принципах меж-

дународного права, и увеличить его роль в отношениях между государствами» [2].

Что касается сотрудничества государств в сфере прав человека, то оно развивается как на универсальном, так и региональном уровнях. Причем, на региональном уровне международному сообществу удалось добиться потрясающих результатов в сфере защиты прав человека. Одним из таких региональных уровней является европейский, к которому и тяготеет современная Россия. Защита прав человека на европейском уровне осуществляется в рамках таких международных межгосударственных организаций, как Совет Европы, Европейский Союз и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе¹. Основным международным договором на европейском региональном уровне является принятая в рамках Совета Европы Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., участниками которой в настоящее время являются 47 государств, т. е. практически все государства Европы (в географическом понимании этого термина, за исключением Белоруссии). В ней были закреплены лишь некоторые права человека из провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., основные, по мнению ее разработчиков, без обладания которыми и эффективного их осуществления была бы немыслима личность в демократическом государстве. В целях надлежащего контроля за соблюдением государствами-членами своих обязательств по Конвенции был учрежден и более 50 лет успешно действует контрольный институциональный механизм, основным элементом которого является Европейский Суд по правам человека. Бывший Президент ЕСПЧ, Люциус Вильдхабер в своем выступлении на открытии очередного судебного года еще в январе 2007 г. охарактеризовал ЕСПЧ как символ и практическое воплощение идеала общества, в котором «семейный союз эффективной демократии и господства права обеспечивают политическую стабильность и экономическое процветание наряду с самореализацией индивидов» [3]. Контрольный механизм Суда справедливо признается наиболее эффективным контрольным институциональным механизмом в сфере прав человека в мире [7, с. 2].

¹ К сожалению, вклад СНГ в указанной сфере крайне незначителен. Свое согласие на обязательность основополагающего документа СНГ в сфере прав человека, Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в г. Минске 26 мая 1995 года) выразили только четыре государства, а уставной консультативный орган СНГ в сфере прав человека, Комиссия по правам человека СНГ, по текущую дату так и не приступил к работе.

Его эффективность выражается в практически полном и безусловном исполнении постановлений ЕСПЧ государствами-участниками Конвенции [4, с. 4]. За время своего существования контрольный механизм Конвенции прошел длительный путь эволюции от механизма с преобладанием квази-судебных функций и высокой ролью государств в его функционировании до по-настоящему независимого международного контрольного механизма, основой которого является именно международный суд [19, с. 157–168].

В современных политических условиях, в период глобальных кризисных процессов в экономике, в условиях жесткой конкуренции и возврата к обстоятельствам холодной войны, первоочередной задачей остается активизация деятельности государств ЕС в области упрочения и защиты прав человека, а также сотрудничество с Россией в правозащитной деятельности и эффективном экономическом сближении.

Библиографический список

1. Brian Urquhart and Eskin Childers. A World in Need of Leadership: Tomorrow's United Nations, Dag Hammarskjold Foundation, Uppsala, Sweden, 1996.
2. Resolution N 3071 (XXVIII) Report of International Law Commission (A/9334).
3. Solemn hearing of the European Court of Human Rights on the occasion of the opening of the judicial year Friday, 19 January 2007. Speech by Mr Luzius Wildhaber Former President of the European Court of Human Rights.
4. *Абдрашитов, В.М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека и проблемы реализации принципа презумпции невиновности [Текст] / В.М. Абдрашитов // Московский журнал международного права. – 2008. – №4.
5. *Даниленко, Г.М.* Международная защита прав человека [Текст] / Г.М. Даниленко. – М.: Юридическая литература. – 2000.
6. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Текст] // Московский журнал международного права. – №1. – 2001. – 269 с.
7. *Дженнис, М.* Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии) [Текст] / М. Дженнис, Р. Кэй, Э. Брэдли. – М., 1997.
8. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Бюллетень международных договоров. – №3. – 2001.
9. *Игнатенко, Г.В.* Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности [Текст] / Г.В. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – №1.
10. Историческое развитие концепции прав человека и гражданина // Международные стандарты по правам человека [Текст]: учебное пособие / Под ред. Е.Л. Виленского, М.Б. Заславской. – Алматы, 1999.

11. *Карташкин, В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве [Текст] / В.А. Карташкин. – М.: Юридическая литература, 1999.

12. *Козулин, А.И.* Об источниках прав человека [Текст] / А.И. Козулин // Государство и право. – 1994. – №2.

13. *Левченко, В.Н.* История политических учений [Текст] / В.Н. Левченко. – М.: Юрист, 2004.

14. *Лукашук, И.И.* Победа в Отечественной войне и развитие международного права [Текст] / И.И. Лукашук // Международное публичное и частное право. – 2005. – №4.

15. *Мазитова, И.Р.* История защиты прав человека [Текст] / И.Р. Мазитова. – М.: ТИСБИ, 2005.

16. *Марочкин, С.Ю.* Международное право: 60 лет после создания ООН [Текст] / С.Ю. Марочкин // Журнал российского права. – №3. – 2006..

17. Международная защита прав и свобод человека [Текст]. – М.: Юристъ, 2000.

18. *Епифанов А.Е., Абдрашитов В.М.* Принцип презумпции невиновности и современные тенденции в области прав человека в современном мире // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Юриспруденция. – 2011. – № 1.

19. *Епифанов А.Е., Абдрашитов В.М.* Проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека в глобализирующемся мире. В сборнике: Инновационное развитие российской экономики; под ред. Тихомирова Н.В., Федоров П.Ю., Самойлова В.В. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, Институт Права. – М., 2012.

20. *Пугачев, В.П.* Введение в политологию. [Текст]: учебное пособие / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М.: Юрист, 2005.

21. *Саидов, А.К.* Международное право прав человека [Текст] / А.К. Саидов. – М.: НОРМА, 2004.

22. *Тункин, Г.И.* Теория международного права / Г.И. Тункин. – М., 1970.

23. *Черниловский, З.М.* Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юрист, 1996.

24. *Чертов, А.А.* Европейский суд по правам человека и развитие международного права прав человека: автореф. дис. кад. юрид. наук / Чертов А.А. – М., 2007.

УДК 340

ББК 67.0

ПРАВОВАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

М.Н. Козюк

Аннотация. Проблема правовых коммуникаций очень актуальна и мало исследована современной юриспруденцией. От абстрактного уровня рассмотрения проблемы необходимо перейти на более практический, связанный с реальными проблемами правового регулирования. По мнению автора, здесь важной является проблема правовой публицистики, которая пока не рассматривалась с позиции теории права.

Ключевые слова: правопонимание, коммуникативная теория права, правовая коммуникация, правовое общение, правовая публицистика.

LEGAL JOURNALISM IN THE SYSTEM OF LEGAL COMMUNICATION (THE PROBLEM STATEMENT)

M.N. Kozuk

Abstract: The problem of legal communication is very relevant and very little studied in modern jurisprudence. From the abstract level of the problem you need to switch to a more practical, associated with the real problems of legal regulation. According to the author, is important here is the problem of legal journalism, which have not been discussed from the standpoint of the theory of law.

Keywords: understanding, communicative theory of law, legal communication, legal communication, legal journalism

Одной из популярных современных правовых теорий является коммуникативная теория права, которую развивает ряд отечественных исследователей [1] в тесном содружестве с зару-

бежными коллегами [2]. В рамках этой теории право рассматривается в рамках социального взаимодействия людей и суть права в этих социальных интеракциях (коммуникациях). Идея

правовой коммуникативистики опирается на солидные философские разработки ряда европейских философов (прежде всего Н. Лумана). Вместе с тем, будучи довольно перспективной, эта теория пока что замкнута на довольно высокий уровень абстракции. Причиной тому, по нашему мнению, является изначальная встроенность ее в дискуссию о правопонимании и необходимость соответствовать, так сказать, уровню дискурса. Если бы правовая коммуникативистика опиралась на более приземленные, практические нужды, то вероятнее всего в ее основе был бы более солидный фундамент, не позволявший критикам предъявлять ей поверхностные претензии. Дело в том, что в правовом пространстве существует довольно много совсем не теоретических, а прежде всего практических явлений и нужд, имеющих в своем основании информационно-коммуникационные вызовы и в то же время находящиеся вне традиционных классических правовых парадигм. Это и правовая информатика (кибернетика), это и проблема правового общения, о которой стали писать только в последнее время [3], это и различные проблемы правовой психологии, связанные с осмыслением и пониманием правовой информации, а также важнейшие проблемы международного обмена правовой информацией [4, с. 218–238].

Право может быть представлено как система сообщений о правилах (нормах), регулирующих внешнее поведение людей в социально-значимых ситуациях. На этом основании в системе массовой коммуникации мы можем выделить как отдельный вид – правовую коммуникацию, совокупность коммуникационных актов в правовой сфере. О том, что право связано с массовыми коммуникационными процессами, так или иначе, указывают многие исследователи, которые занимались данными проблемами. По своей внешней форме правовая коммуникация полностью соответствует особенностям массовой коммуникации как социального явления. Среди этих особенностей обычно называют следующие:

- публичный характер и открытость;
- ограниченный и контролируемый доступ к средствам передачи;
- опосредованность контактов передающей и принимающей сторон;
- асимметричность (несбалансированность) отношений передающей и принимающей сторон;
- множество реципиентов;
- влияние институциональных предписаний на отношения передающей и принимающей сторон [5, с. 11].

Право предназначено для упорядочивания и стабилизации общественных отношений, регулирования поведения людей в обществе посредством норм – правил поведения. Исторически право может появиться только в обществе в ситуации человеческого общения. Как писал Р. Штаммлер, «существует лишь одна единственная идея, которая с безусловной принципиальностью действительна для всякого права, – это идея человеческого общения» [6, с. 75]. Поэтому правовое регулирование вполне можно представить в виде разновидности человеческого общения, т.е. правового общения или правовой коммуникации. Правда, понятие правового общения нельзя полностью соотносить с правовой коммуникацией. Так В.Г. Графский отмечает: «Определенным достоинством термина «общение» в сравнении с термином «коммуникация» является общежительный (дружественный, а также гражданственный) акцент в понимании смысла и назначения правового регулирования...» [7, с. 36]. По нашему мнению, данную проблему снимает наличие такого вида правовой коммуникации, как правовая публицистика.

Рассмотрение права в его инструментальной плоскости как регулятора не должно закрывать собой того факта, что право – нормативно-ценностный регулятор. По верному замечанию С.С. Алексеева, «право представляет собой социальную подсистему, обеспечивающую такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой в соответствии с потребностью в реализации начал нормативности достигается постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода “увековечение”) выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов функционирования общества» [8, с. 314]. Отсюда можно очертить функции права как социального регулятора: воспроизводство данной социальной системы; утверждение в жизни общества нормативных начал; регулятивное правовое воздействие на общественные отношения.

Право относится к публичным феноменам социальной жизни. Публичный характер права определяется его ролью и значением в социальном регулировании общественных отношений. Как и источник права, так и его последствие – вариант поведения лица – явления, открытые для знания и оценки другими лицами и социальными институтами. В другом бы виде никакой социальной ценности право как регулятор общественных отношений не имело. Правда здесь необходимо сделать оговорку о том, что не нужно путать публичность права как выражения официальных социальных институтов и внутреннего

деления права на частное и публичное. Такое деление во многом условно и имеет историческое происхождение. Частное право, имеющее своим предметом регулирование поведения частных лиц и защиту их интересов по своему происхождению и функционированию является не менее публичным феноменом, чем право публичное, распространяющее свое действие на сферу государственных властеотношений.

Особое значение имеет такое свойство права, как открытость. Право – открытый свод правил, и существуют специальные приемы и методы доведения правовых требований до населения. Обычно такие процедуры называются обнародованием или опубликованием правовых норм. О важности этого для социальной жизни говорит тот факт, что вопросы открытости права регулируются даже на конституционном уровне. Так, ст. 15 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Большое значение в коммуникационной деятельности имеют коммуникационные каналы. Для контроля коммуникации иногда вполне достаточно контролировать сам канал. Каналы передачи правовой информации обычно надежно контролируются органами, производящими эту информацию. Существует довольно строгий, законодательно определенный порядок прохождения нормативной информации к реципиентам. В своей массе в настоящее время этот канал представляет собой периодические, в том числе и электронные издания, в которых массовым тиражом публикуется текст правового акта. Причем время прохождения правовой информации специально регулируется нормативными актами и с ними связаны юридические последствия, как правило, приобретение актом юридической силы. Всякие нарушения в процессе опубликования юридических актов влекут за собой ответственность органов или лиц, причастных к таким нарушениям. Таким образом, можно сделать вывод о том, что средства передачи правовой информации являются важнейшим компонентом правовой коммуникации и находятся под надежным контролем.

Посредником между законодателем и гражданами является порожденный им текст юридического акта. Будучи принятым в установленном законом порядке и опубликованным, текст отчуждается от своего создателя. С этого време-

ни положения нормативного текста обязательны и для самого законодателя. Он не может их произвольно отменить, изменить, трактовать. Текст нормативного акта опосредует отношения законодателя с иными социальными институтами, как правило, жестко ограничивая и формализуя «обратную связь». Можно даже, несколько утрируя ситуацию, сказать, что правовой текст уничтожает своего автора, поскольку он живет своей самостоятельной жизнью, а для гражданина он выступает не как мнение совокупности депутатов Федерального Собрания очередного созыва, а как Закон.

Правовая коммуникация часто характеризуется жесткой односторонностью направленности контактов и асимметричностью положения передающей и принимающей стороны. Коммуникатор-законодатель и реципиенты-граждане с информационной точки зрения (и не только) находятся в неравном (асимметричном) положении. Это неравенство выражается в том, что правовая информация направляется строго по одностороннему каналу «законодатель (власть) – граждане». Лишь в достаточно ограниченных случаях (референдум, всенародное обсуждение, обращение) реципиент может проявить активность и породить юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях. В асимметричном положении законодателя и правоисполнителей четко проявляется система властеотношений общества.

Правовая нормативная информация распространяется на неопределенное число реципиентов и действует (соответственно воспринимается и интерпретируется) в неопределенном количестве случаев. Это один из основных признаков правовой нормы. Особенность правовой коммуникации в том, что здесь нужно различать собственно информированных о содержании правового положения и его реализаторов. Если в отношении осведомленности о праве действует презумпция его знания всеми субъектами права, то реализатором (правоприменителем) требования правовой нормы может быть различное количество лиц, а может и одно лицо, например, президент страны.

Важной особенностью правовой коммуникации является то, что весь процесс ее, все стороны взаимоотношения передающей и принимающей сторон четко урегулированы юридическими нормами. Изучение этих норм представляет собой отдельную проблему. Такая формализованность передачи правового сообщения, как правило, в дальнейшем не требует специальной проверки его получения.

Сложность анализа правовой коммуникации заключается в том, что она включает в себя как межличностную, так и массовую формы. Это предопределяется двумя формами правового регулирования: нормативным (массовым) и индивидуальным. Индивидуальное правовое регулирование заключается в воздействии на поведение персональных участников. Поэтому правоотношения с полным правом могут быть отнесены к межличностной правовой коммуникации.

Таким образом, правовую коммуникацию можно определить как специфический тип социального общения, в процессе которого происходит систематическое распространение (передача) информации о правилах поведения людей, нормах, обеспеченных принудительной силой государства с целью организации социальной жизни.

Среди различных сторон правовой коммуникации в интересующем нас аспекте можно выделить следующие:

- субъектами права являются физические и юридические лица, т.е. люди и их объединения, обладающие сознанием и волей. Поэтому правовое регулирование – это информационное воздействие на сознание и волю людей с определенной целью;

- изданная правовая норма направлена на большие аудитории, если точнее, на неопределенное число реализаторов правовой нормы. При этом необходимо иметь в виду, что правовая форма регуляции поведения людей могла возникнуть только в условиях неоднородности общества, наличия большого количества несовпадающих и конфликтующих интересов;

- специфичность юридических сообщений порождает необходимость рассматривать правовую коммуникацию в терминах «кодирование» и «декодирование», где кодирование представляет собой выражение нормативной мысли средствами юридического языка, а декодирование – толкование юридического текста. Право в основном выражается коммуникативными средствами присутствующими естественному языку. Но это особый профессиональный язык, отличающийся от его обиходного варианта. В юридическом языке применяются особые средства и формы, позволяющие сформулировать правовые нормы, совершить иные правовые действия, выполнить назначение права в обществе;

- само право оказывает громадное воздействие на ход коммуникации, не только за счет внешних принудительных средств, но и за счет своих информационно-психологических свойств. В свое время Л.И. Петражицкий отметил, что действие права «состоит, во-первых, в возбужде-

нии или подавлении мотивов к разным действиям и воздержанием (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и искоренении других, вообще, в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)» [9, с. 3]. Петражицкий обращает внимание на влияние права на внутренний мир человека, формирование ценностных представлений, правовую социализацию личности.

Можно выделить четыре вида правовой коммуникации: межличностная правовая коммуникация, юридическая коммуникация, массовая правовая коммуникация, правовая публицистика (журналистика). Здесь нельзя представлять себе дело таким образом, что, например, массовая правовая коммуникация – это сумма межличностных коммуникативных актов. Соотношение этих элементов более сложное.

Межличностная правовая коммуникация обладает всеми признаками обычной межличностной коммуникации с тем лишь отличием, что содержанием сообщений здесь выступает правовая информация. При изучении межличностной правовой коммуникации большее внимание должно уделяться полноте и достоверности информации и особенно вопросам правового сознания, в частности, его психологической сферы. Правовые чувства, эмоции, переживания, установки в своей полноте проявляются как раз в процессе межличностной правовой коммуникации. В характеристиках сторон здесь нас больше интересует их мировоззрение, социальный и правовой опыт, интеллектуальные и психологические параметры. Межличностная правовая коммуникация не входит в специфическую сферу правового регулирования, она лишь создает условия, предпосылки для такой деятельности.

Юридическая коммуникация выражается во взаимодействии лиц и их объединений в процессе реализации права. В специфически юридической сфере стороны, в общем плане обозначаемые как физические и юридические лица, в конкретных коммуникационных актах-правоотношениях обозначаются специальными понятиями, определяющими их юридическую роль: прокурор, ответчик, военнообязанный, покупатель, должник, потерпевший, подсудимый и т.п. Юридическая коммуникация в отличие от межличностной коммуникации является уже специфическим правовым явлением. Здесь на первый план выступают вопросы технической полноты информации, своевременности ее передачи, формальной точности действий участников коммуникации. Межличностные аспекты комму-

никации в юридической коммуникации учитываются довольно слабо, в отличие от других форм социального регулирования: религии, морали и т. п.

Массовая правовая коммуникация может быть рассмотрена в двух видах: во-первых, как передача официальных сообщений о праве правотворческими органами, во-вторых, передача правовой информации средствами массовой информации. Обычно в разных видах не совпадает источник информации и коммуникатор. В первом случае источник информации – правотворческий орган, коммуникатор – средства массовой информации. Во втором, источник и коммуникатор, как правило, совпадают, т.е. речь идет о правовой публицистике (журналистике). Как видно, в этих видах может совпадать канал коммуникации. Приемниками массовой правовой коммуникации выступает неограниченный круг лиц, однако среди этой аудитории необходимо выделять группы, для которых информация поступает для сведения, и круг лиц, для которых та

же правовая информация поступает для исполнения, т.е., как правило, это должностные лица и другие субъекты правоотношений. Соответственно, эффекты коммуникации в этих случаях будут различными.

В процессе правового регулирования общественных отношений участвуют все четыре выделенных вида правовой коммуникации. Однако их роль и конкретный вклад далеко неодинаковы. Кроме того, каждый из указанных видов представляет собой вполне самостоятельные социальные явления с присущими им закономерностями и внутренней структурой. Так, юридическая коммуникация и массовая правовая коммуникация являются специфическими структурами правового регулирования. Межличностная правовая коммуникация и правовая публицистика участвуют скорее не в правовом регулировании, а в механизме правового воздействия, более общей социальной категории (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды правовой коммуникации

Параметры коммуникации	Межличностная правовая коммуникация	Юридическая коммуникация	Массовая правовая коммуникация	Правовая публицистика
Источник	люди, знакомые, соседи, члены семьи и т. п.	субъекты правовых отношений, физические и юридические лица	правотворческие органы	редакция (журналист) средства массовой информации
Канал	межличностная связь, общение	формализованные каналы взаимодействия	формализованные каналы информирования	печатные или электронные средства массовой информации
Время передачи	непосредственно	непосредственно или с задержкой	непосредственное или с задержкой	непосредственное или с задержкой
Расстояние	минимальное, замкнутое	различное	отдаленное	различное, в зависимости от вида СМИ
Приемник	собеседник	лицо, специально указанное нормами права	неограниченное количество лиц	неограниченное количество лиц
Обратная связь	прямая	прямая	не прямая, или отложенная	не прямая, или отложенная
Характер регулирования	личный, взаимно согласованный	формальный или по усмотрению одной из сторон	формальный, с высокой степенью регуляции	частично формальный, с элементами групповой саморегуляции

Если брать за точку отсчета нормативное понимание права, то элементы правовой коммуникации можно расположить следующим образом, выделив фазы правовой коммуникации. На первом месте логически должна стать массовая правовая коммуникация. Правотворческий орган принимает правовую норму и доводит ее до сведения широкого круга лиц. На основе этой информации совершаются бесчисленные коммуникативные акты, т.е. вторичная передача и пере-

работка информации от лица к лицу. При наличии юридических фактов включается механизм реализации права, и появляются юридические коммуникации. Весь процесс правовой коммуникации может сопровождаться деятельностью средств массовой информации, т.е. журналистским освещением правовых проблем через газеты журналы, передачи радио и телевидения.

Если рассматривать понятие права более широко, то можно выделить еще одну фазу, на

которой формируются общественные ожидания и представления о будущем праве, т.е. здесь действуют только межличностная правовая коммуникация и правовая публицистика. Известный российский социолог Б. Фирсов выделял в процессе коммуникации три фазы: докоммуникативную (запросы и ожидания аудитории); коммуникативную (непосредственная реализация запросов); послеккоммуникативную (использование полученной информации) [10, с. 15]. Вместе с тем, строго говоря, докоммуникативной фазы коммуникации быть не может, здесь логическое противоречие. Общественная потребность прямо не диктует форм ее удовлетворения. Многие общественные проблемы можно решать различными средствами: правовыми, экономическими, политическими. Поэтому, когда мы говорим о правовой коммуникации, то лучше исходить из того, что первая фаза – это издание правовых норм, введение в массовое сознание четкого образца, модели поведения, требующей проявления личностной активности субъекта. Только в таком случае мы можем быть уверены, что имеем дело именно с актом правовой коммуникации.

Проблема правовой публицистики пока что не была предметом пристального интереса юридической науки, несмотря на ее значение и распространенность. Считается, что это – сфера не юридическая, а скорее социологическая или филологическая. Следует иметь в виду, что в настоящее время в номенклатуре научных дисциплин нет науки, которая бы прямо и непосредственно изучала журналистику во всех ее проявлениях. Пока что эта проблема междисциплинарная, а следовательно, некоторые ее аспекты могут «провалиться» между дисциплинами. По нашему мнению, это произошло и с правовой журналистикой. Действительно, этот важный феномен в правовой жизни страны, в правовом регулировании массовых правовых отношений, воздействия на правосознание как правотворцов, так и правоисполнителей, прямо не изучается ни в одном разделе общетеоретической юриспруденции. Нами найдена только одна кандидатская диссертация десятилетней давности, посвященная этой проблеме. Это исследование М.В. Богомолова «Онтологический аспект социального воздействия правовой публицистики» [11]. Примечательно, что эта диссертация была написана в рамках филологии.

Многие аспекты политико-правового управления социальными процессами нуждаются в правовых коммуникациях самого различного вида. И если на данный момент все технические проблемы прохождения правовых сообщений в основном решены, то проблемы их понимания, воздействия и реализации нуждаются в постоянном и пристальном научном внимании. В этой связи правовая публицистика становится важным ракурсом для видения проблем не только правовой коммуникативистики, но и социально-управления.

Библиографический список

1. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография в двух томах. Т.1 Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права. – СПб., 2014.
2. Ван Хук, М. Право как коммуникация / М. Ван Хук. – СПб., 2012.
3. Правовое общение. Постановка проблемы: монография. – М., 2012.
4. Кудрявцев, М.А. Международный обмен правовой информацией как форма коммуникации правовых систем / М.А. Кудрявцев // Правовая коммуникация и правовые системы Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – №4.
5. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М.М. Назаров. – М., 2000.
6. Штаммлер, Р. Сущность и задачи права и правоведения / Р. Штаммлер. – М., 1908.
7. Графский, В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение / В.Г. Графский // Правовая коммуникация и правовые системы Труды Института государства и права Российской академии наук. – М., 2013.
8. Алексеев, С.С. Право: азбука-теория-философия? Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М., 1999.
9. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1909.
10. Массовая коммуникация в социалистическом обществе. – Л., 1979.
11. Богомолов, М.В. Онтологический аспект социального воздействия правовой публицистики. Дис. канд. ... филолог. наук / Богомолов М.В. – Краснодар, 2002.

УДК 342.76
ББК 67.300

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

А.М. Диноршоев

Аннотация: Ограничение прав и свобод человека и гражданина, т.е. определение пределов свободы человека в государстве,— один из важнейших аспектов взаимоотношений человека и государства. Будучи важным элементом при реализации прав и свобод человека, оно требует детальной разработки, в частности определения классифицирующих признаков. В статье предпринята попытка классифицировать ограничения прав человека в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

Ключевые слова: права человека, ограничение, классификация, чрезвычайное положение.

THEORETICAL ASPECTS OF THE CLASSIFICATION OF RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS UNDER THE LAWS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

A.M. Dinorshoev

Abstract: The restriction of the rights and freedoms of man and citizen, ie definition of the limits of human freedom in the country, one of the most important aspects of the relationship between man and the state. As an important element in the implementation of human rights and freedoms, it requires a detailed design, in particular the definition of classifiers. The article attempts to classify the restriction of human rights in accordance with the legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: human rights, restrictions, classification of emergency.

Ограничения прав и свобод человека и гражданина являются одним из важнейших элементов механизма реализации прав и свобод человека и гражданина. Он представляет собой исключительные изъятия из правового статуса человека и гражданина, устанавливаемые в конституционно-правовом порядке.

Ограничение прав и свобод как правовое явление включает в себя ряд структурных элементов, к числу которых относится правовое закрепление, определяющее характер и содержание ограничений, цель ограничений, субъектов ограничительных мер и условия применения ограничений.

Вопросы правового закрепления ограничений прав и свобод человека и гражданина нашли четкое закрепление в международно-правовых актах по правам человека и в Конституциях государств. Так, вопросы ограничения прав и свобод закреплены в ст. 29 Всеобщей декларации прав и свобод человека, а также в ст. 19 Международного Пакта о гражданских и политических правах. В Таджикистане вопросы ограничений прав и свобод человека установлены в ст.14 Конституции Республики Таджикистан.

В указанных нормах определяются цели ограничений прав и свобод человека и гражданина, к которым относятся, в частности обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других граждан, удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Исходя из данных положений, можно определить основные признаки целей ограничения прав и свобод человека:

1) определяются интересами различных субъектов и предполагают обеспечение справедливого регулирования взаимоотношений личности и государства;

2) юридически закрепленные Конституцией и международно-правовыми договорами они создают для участников взаимные права и обязанности;

3) являются ведущими ориентирами для нормотворческого процесса;

4) объясняют предназначение ограничений и оправдывают их существование;

5) целью ограничений выступают вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства [1].

Также положения указанных международно-правовых актов по правам человека и Конституции, раскрываясь в текущем законодательстве, закрепляют круг субъектов, на которых распространяются ограничения прав и свобод человека. Безусловным участником этих отношений выступает государство в лице своих компетентных органов, которые призваны обеспечивать соблюдение указанных ограничительных мер. При этом следует подчеркнуть касательно ограничительных мер в отношении индивидов как субъектов подобного рода отношений: в законодательстве они могут носить как общий характер, т.е. распространяться на широкий круг субъектов (например, положения статьи 14 Конституции Республики Таджикистан), так и узко профилированный, т.е. распространяться на конкретный круг субъектов (например, в соответствии с избирательным законодательством осужденные не могут принимать участие в выборах).

Другим немаловажным моментом в правовом закреплении ограничений прав и свобод является определения условий ограничений. Анализ указанных нормативных актов позволяет выделить три условия, при наличии которых ограничение прав и свобод является приемлемым:

1. Ограничения должны быть предусмотрены законом.
2. Ограничения должны преследовать правомерные цели.
3. Эти ограничения необходимы в демократическом обществе.

Иными словами, словами любое ограничение, которое вводится в государстве, должно быть основано на нормах закона, а не какого-либо подзаконного нормативного акта, должно преследовать правомерные цели, которые были указаны выше и не нарушать демократические устои государства, такие как правовое государство, разделение властей, свободные выборы и т.д.

Таким образом, ограничения прав и свобод представляют собой сложное правовое явление, требующее глубокого осмысления. И одним из важных вопросов в данном направлении является вопрос классификации ограничений прав и свобод человека. Классификация представляет собой логически выстроенную систему с целью подробного изучения исследуемого явления. Не является исключением и вопрос ограничений прав и свобод человека и гражданина.

В юридической литературе имеются различные подходы к классификации ограничений в праве.

Так, М.В. Немцев дает следующие основания классификации ограничений прав и свобод человека:

1. В зависимости от сферы ограничения прав и свобод – ограничения гражданских и политических прав и ограничения экономических, социальных и культурных прав.

2. В зависимости от времени действия – постоянные, и временные;

3. В зависимости от сферы действия – общие (распространяются на все права и свободы) и индивидуальные (распространяются только на отдельные права и свободы);

4. С учетом пределов использования – государственные (федеральные, субъектов Федерации) и муниципальные.

5. По содержанию – финансово-экономические (запрет определенной экономической деятельности), личные (арест, заключение под стражу) и организационно-политические (отставка и т. п.) [2].

На основе широкого понимания прав и правоотношений, В.В. Долинская указывает следующие основания ограничения: 1) по цели; 2) по субъекту; 3) по объекту; 4) по основаниям возникновения и прекращения; 5) по правомочиям; 6) отраслевые и т.д. [3, с. 5]

А.А. Зайцев, анализируя основания для ограничения, приходит к выводу, что они могут быть классифицированы по следующим основаниям: по субъективному составу лиц, в отношении которых предпринимаются ограничительные действия (нормы), – ограничения прав физических лиц, иностранцев, служащих, должностных лиц и т.п., ограничения, действующие в равной степени в отношении всех лиц, и ограничения, направленные лишь в отношении конкретных лиц.

Ограничения вытекающие из формы (источников) права, могут быть предусмотрены международно-правовыми актами, общепризнанными принципами международного права, Конституцией РФ, федеральными законами и осуществляться с помощью иных правовых актов, а также судебных решений.

Также он отмечает, что различаются следующие виды ограничений: конституционно-правовые ограничения (ограничения конституционных прав и свобод), отраслевые, межотраслевые ограничения прав [4].

Изучение различных точек зрения, а также международно-правовых актов и текущего законодательства Республики Таджикистан позволяют нам дать следующие разновидности классификации ограничений прав и свобод человека и гражданина:

1. По условиям объявления и применения – ограничения в стабильное время и в условиях чрезвычайного положения.

2. По правовому закреплению – международно-правовые, конституционные и отраслевые.

3. По субъектам ограничительных мер – общие и специализированные ограничительные меры.

4. По территориальному применению – общенациональные и местные.

5. По временному промежутку – постоянные и временные ограничения.

Остановимся на них более подробно.

Классификация по условиям объявления и применения ограничений означает выделение тех условий, которые послужили основанием для введения ограничительных мер. В соответствии с положениями правовых актов таких условий два: общие случаи ограничения прав и свобод человека и гражданина, возникшие объективно в умеренных условиях и установившиеся в пределах государственного и международного законодательства, и ограничение прав и свобод человека и гражданина при чрезвычайных ситуациях, которым присущи исключительные условия.

Как было отмечено выше, ограничение прав и свобод человека и гражданина в умеренных условиях осуществляется посредством различных нормативно-правовых актов. Их общие основания установлены в Конституции Республики Таджикистан, МПГПП и МПЭСКП и другими правовыми актами.

Конституция Таджикистана признала ограничения прав и свобод человека и гражданина в определенных условиях основными средствами сохранения порядка, защиты прав и свобод людей и других ценностей независимого Таджикского государства, исходящих из общих целей Таджикского народа. Часть 3, ст. 14 Конституции Республики Таджикистан устанавливает, что в стабильное время осуществлять ограничение прав и свобод граждан возможно только по таким основаниям и целям, как обеспечение прав и свобод других, обеспечение общественного порядка, обеспечение защиты конституционного строя и защиты всех ценностей.

Вторым условием является ограничение прав и свобод человека и гражданина при чрезвычайных ситуациях. Чрезвычайным положением называются временные мероприятия и законы, объявленные с целью обеспечения безопасности граждан и государства в случае возникновения действительной угрозы и опасности государственной системе, правам и свободам граждан, независимости государства и его целостности и(или) природных катаклизмов с невидимым ущербом, не позволяющим нормальной деятельности государственных органов.

В таком случае, в соответствии со ст. 46 Конституции Республики Таджикистан и Закона Республики Таджикистан «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 сентября 1995 года, Президент Республики Таджикистан имеет право объявить чрезвычайное положение.

Чрезвычайное положение в Республике Таджикистан объявляется и вводится в соответствии со ст. 46 и 47 Конституции Республики Таджикистан и Закона «О правовом режиме Чрезвычайного положения» от 3 сентября 1995 года.

Наряду с правами и свободами человека и гражданина, ограниченными при чрезвычайном положении, есть права и свободы человека и гражданина, которые не ограничиваются ни при каких обстоятельствах. К их числу относятся равноправие мужчин и женщин (ст. 17 Конституции Республики Таджикистан), право на жизнь, проживание, личную неприкосновенность (ст. 18 Конституции Республики Таджикистан), гарантии судебной защиты, право на беспристрастный, независимый и честный суд, право на защиту (ст. 19 Конституции Республики Таджикистан), презумпция невиновности (ст. 20 Конституции Республики Таджикистан), неприкосновенность жилья (ст. 22 Конституции Республики Таджикистан), право ознакомления с документами, относящимися к интересам личности (ст. 25 Конституции Республики Таджикистан) и право объединяться и участвовать в организации политических партий (ст. 28 Конституции Республики Таджикистан).

Вторым основанием для классификации является правовое закрепление ограничений. В соответствии с данным основанием, ограничения можно подразделить на международно-правовые, конституционные и отраслевые. К первым можно отнести ограничения, которые предусмотрены в международно-правовых актах, в частности в МПГПП, МПЭСКП и других международных актах по правам человека. Ко второй группе относятся ограничения, закрепленные в Конституции Республики Таджикистан. Так, в Конституции Таджикистана, помимо общего ограничения прав, закрепленного в ст. 14, предусматриваются и ряд других норм, содержащих ограничения прав человека. Например, в ст. 50 Конституции Республики Таджикистан предусматривается, что члены Правительства, судьи, сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие не могут быть членами **Маджлиси Милли**. Наиболее обширно ограничения прав и свобод регулируются в отраслевом законодательстве. В частности, в соответствии с положениями Семейного кодекса иностранные граждане

не имеют права усыновлять граждан Республики Таджикистан, или в соответствии со ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» устанавливаются ограничения, связанные с выполнением государственной или приравненной к ней должности.

Следующим основанием для классификации ограничений прав и свобод выступает ограничение прав по субъектам ограничительных мер, которые можно подразделить на общие ограничительные меры и специализированные ограничительные меры. Общие ограничительные меры распространяются на широкий круг субъектов и закреплены в ст. 14 и 47 Конституции Республики Таджикистан. К специализированным ограничительным мерам следует отнести те виды ограничений, которые применяются к определенному кругу субъектов. Так, в соответствии с положениями ст. 50 Конституции Республики Таджикистан, депутаты Маджлисиномаюндагон не могут быть депутатами других представительных органов, занимать другую должность или заниматься предпринимательской деятельностью.

Два следующих основания тесно связаны с вопросами ограничений прав человека в условиях чрезвычайного положения. К ним относятся ограничения прав человека по территориальному применению, которые можно подразделить на общенациональные и местные, и по временному промежутку, которые можно подразделить на постоянные и временные ограничения.

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Таджикистан, чрезвычайное положение на всей территории Республики Таджикистан или отдельных местностях объявляется Указом Президента Республики Таджикистан с незамедлительным внесением его на утверждение совместного заседания Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон и сообщением в Организацию Объединенных Наций. Указ Президента Республики Таджикистан о введении чрезвычайного положения утверждается на совместном заседании

Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан не позднее, чем в трехдневный срок с момента вступления его в силу. Далее в статье указывается, что чрезвычайное положение на всей территории республики может быть введено до трех месяцев. В необходимых случаях этот срок может быть продлен Президентом Республики Таджикистан. Таким образом, можно утверждать, что ограничения прав человека в Таджикистане может иметь место как на всей территории, так и в определенных частях. Также ограничения прав человека в условиях чрезвычайного положения, в отличие от ограничений в стабильное время, носят временный характер.

Подводя итоги, следует отметить, что при определении понятия конституционных ограничений прав и свобод следует учитывать ее классификацию, чтобы отразить многогранность данного юридического термина [5]. Классификация дает возможность достаточно четко определять пределы и способы осуществления ограничения прав и свобод человека, тем самым способствует четкой их реализации.

Библиографический список

1. Права человека: учебник для вузов [Текст]; под ред. Холиков А.Г. Диноршоев А.М. – Душанбе, 2008.
2. Немцев, М.В. Классификация конституционных ограничений прав и свобод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/uri40.html>
3. Долинская, В.В. Ограничения права собственности: понятие и виды [Текст] / В.В. Долинская // Закон. – 2003. – №11.
4. Зайцев, А.А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Зайцев А.А. – Белгород, 2014.
5. Гомьен, Д. Европейская Конвенция о правах человека и Европейская Социальная Хартия: право и практика [Текст] / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М.: МНИМП, 1998.

УДК 340.15
ББК 67.1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ (ТРАДИЦИИ) ТАДЖИКИСТАНА

Б.А. Сафаров

Аннотация. Формирование прав человека и механизмов их защиты имеет долгую историю. Значительный вклад в формирование данного института принадлежит и государствам мусульманского Востока и, в частности государствам, существовавшим на территории исторического Таджикистана. В данной статье рассматриваются механизмы защиты прав человека в этих государствах.

Ключевые слова. Мазалим, суд, глава государства, защита прав человека.

HISTORICAL BACKGROUND OF IDEAS ABOUT HUMAN RIGHTS IN LEGAL HISTORY (TRADITION) OF TAJIKISTAN

B.A. Safarov

Abstract: The formation of human rights and mechanisms for their protection have a long history. Significant contribution to the formation of the Institute and the Institute belongs to the Muslim countries of the East, and in particular those that existed on the territory of historical Tajikistan. This article discusses the mechanisms to protect human rights in the states existed on the territory of historical Tajikistan.

Keywords: Mazalim, the court, the head of state, protection of human rights.

В рамках правовой истории Таджикистана просуществовали и вели свою политическую деятельность многие государства средневековья, и в рамках этих государственных образований было принято множество правовых актов, которые положили свою лепту в развитие идеи прав человека.

В VII–VIII вв. территория исторического Таджикистана была завоёвана арабами, которые стали распространять на завоёванных территориях новую религию – ислам. Также ими стали внедряться новые способы управления завоёванными территориями.

В конце VIII – начале IX в. Арабский халифат переживал тяжелый политический кризис. Связано это было с тем, что халифам все сложнее было управлять завоёванными территориями, в результате чего на данных территориях стали часто вспыхивать народные восстания, что привело к ослаблению власти Арабского халифата и возникновению самостоятельных государств на территории исторического Таджикистана.

Для сохранения своего влияния арабские халифы начинают опираться на местную знать. Их роль особо возросла при халифе Маъмуне. На период его правления, а также правления его приемников приходится возникновение первых таджикских государств – государства Тахиридов и государства Саманидов [8, с. 113].

Арабы практически добровольно предоставили им самостоятельность, добившись от них обязательств обеспечивать регулярное поступление в халифат налогов и распространение на подвластных территориях ислама. Первым образованным таким образом государством стало государство Тахиридов. Его основателем был Тахир ибн Хусейн. Наибольшего расцвета данное государство достигает в период правления Абдуллы ибн Тахира – в 828–844 гг. [14, с. 128].

Как отмечает А.Э. Шмидт, в своем стремлении установить в стране порядок и твердую власть Абдулла ибн Тахир большое внимание уделял интересам именно коренного населения – земледельцев, заботы о которых нашли выражение в установлении им правил водопользования, изложенных в составленной законооведами по его поручению «Книге об арыках», в издании приказа, в котором Абдулла ибн Тахир предписывал своим чиновникам защищать крестьян [18, с. 130; 6].

В.В. Бартольд, описывая жизнедеятельность Абдуллы ибн Тахира, отмечает, что именно сочувствие к низшему сословию привело его к идее о необходимости сделать образование и науку доступными для всех [2].

В государстве Тахиридов в качестве основной правовой системы выступало мусульманское право. Однако при этом широко были рас-

пространены и позитивные формы права, такие как указы царей и правителей. Другой распространенной формой правотворчества выступали царские зеркала, или, иными словами, наставления (поучения) владыкам. И самым известным из такого рода наставлений является послание Тахира ибн Хусейна к сыну Абдулло ибн Тахиру. Данное наставление содержит в себе перечень заветов, которыми должен был пользоваться Абдулла ибн Тахир при управлении государством. Особое место в данном послании уделяется вопросам обеспечения равенства, справедливости и человеколюбия [15, с. 126].

Данное наставление является из ряда категорий государственно-правовых документов, которые подтверждают высокое мастерство практики государственного управления, правотворчества, человеколюбия и справедливости, справедливости политиков таджикского народа того времени. Наставления написаны в форме писем и заветов Тохира ибн Хусайна своему сыну Абдулле, на которые он должен был опираться при управлении страной. Содержание наставления является свидетельством того, что в нем отражены способы управления государством по опыту и подобию стран Востока [14, с. 134].

Требования наставлений посвящены различным отраслям правоведения. В них существует и много правовых норм об управлении государством и обеспечении прав человека. В вопросах управления страной «Наставления» ограничивают свободу правителя определенными обязательствами, что является очень интересным. Например, правитель должен:

- не быть беспечным в защите народа;
- сохранять социальную справедливость в отношениях с подданными;
- обеспечивать права народа, защиту их здоровья, охрану дорог и их безопасность;
- в определенное время принимать народ и знать его состояние [16, с. 82].

А.Э. Шмидт отмечает: «Поистине, – обращается Тахир Ибн-аль-Хусейн к своему сыну, – Аллах оказал тебе милости, а тебе вменил в обязанность кротость в отношении тех рабов Своих, дела которых Он поручил тебе, и обязал тебя быть к ним справедливым, неуклонно держаться в отношении к ним Его истины и Его постановлений, защищать их, оберегать их жен и дочерей, беречь их кровь, обезопасить их дороги и обеспечить им спокойную жизнь».

Далее он продолжает: «Выдавай больным пособия из государственной казны; в первую, перед другими, очередь выдавай пособия тем из них, кто знает Коран, вообще, и, в частности, тем,

кто помнит большие отрывки из него. Устрой для больных мусульман особые дома, где они могли бы найти приют; назначь людей, которые ходили бы за ними, и врачей, которые лечили бы их болезни, и исполняли все их прихоти, поскольку это не может привести к растрате государственных средств» [18, с. 130; 6].

В данном наказе отец призывал Абдуллу воплотить идеал мудрого и справедливого правителя. «Давай людям свободный доступ к себе, показывай им свое лицо, заставляй стражей своих относиться к ним спокойно, будь с ними ласков и приветлив, будь с ними мягок в своих вопросах и речах и обращай на них свою щедрость и милость» [18, с. 130].

Подводя итог, следует отметить, что данное послание является любопытным документом государственной мудрости мусульманского Востока IX века. Показательным является тот факт, что вопросы защиты прав человека и социального обеспечения, равенства и справедливости выступали в качестве основных элементов при осуществлении управления государством.

В литературе по истории государства и права Таджикистана справедливо отмечается, что политическое и поучительное значение, а также духовная сущность данного послания до такой степени важны и совершенны, что они и сегодня могли бы служить в качестве хорошего руководства по управлению государством для политиков и правителей нашего времени [11, с. 595].

Возникшее после падения государства Тахиридов государство Саманидов оставило глубокий след в истории Таджикского народа. Сформированное в период раздробленности государство Саманидов под управлением Исмаила Самани в достаточно короткий срок превратилось в сильное и независимое государство с развитой экономикой. Этому во многом способствовало проведение ряда реформ и мероприятий, в результате которого была упорядочена система центрального управления государством. Суть данной реформы заключалась в упрощении системы управления государством, которое возникло еще при Сасанидах и было развито при Аббасидах. В соответствии с этой системой, Саманиды, будучи эмирами государства, сосредотачивали в своих руках всю полноту государственной власти и функции управления делили между двумя важнейшими структурными частями государственно-го аппарата: даргахом и диваном [1, с. 45].

Таким образом, в государстве Саманидов было четкое распределение функций между органами власти. Но в нашем исследовании особое значение имеют те государственно-правовые яв-

ления, которые вели свою деятельность в области защиты прав человека.

Одним из таких важных органов управления в государстве выступал диван казия, который возглавлял главный казий, и в задачу которого входило осуществление правосудия. Аппарат казия состоял из наибов – заместителей, мирз – письмоводителей, катибов – секретарей судебного заседания, приставов, привратников и муллазимов–посланцев [8, с. 350–351]. При этом высшей судебной инстанцией являлся глава государства.

С формированием такой судебной системы в государстве Саманидов получил развитие институт мазалима. Мазалим представлял собой институт правосудия. Возникнув еще в период рабовладельческих государств, институт мазалим в государстве Саманидов трансформировался в структурный институт по осуществлению правосудия. Мазалим представлял собой осуществление главой государства правосудия в отношении чиновников, на которых поступили жалобы. В нашем случае именно институт Мазалима имеет особое значение, ибо данный институт в дальнейшем преобразовывается в современный институт по защите прав человека – Омбудсмен.

Как отмечает Р.С. Одинаев, глава Саманидского государства являлся высшим должностным лицом в государстве, в то же время он осуществлял верховную судебную власть. В случае, если местного судью или правителя той или иной области подозревали в злоупотреблениях, эмир совершал над ними правосудие. Бывали случаи, когда жалобщики добивались пересмотра ранее принятого эмиром решения.

Изучив структуру и форму деятельности института мазалим, Р.С. Одинаев приходит к выводу, что по роду своей деятельности мазалим выполнял схожие с институтом омбудсмена – уполномоченного по правам человека – функции. Механизм мазалимского правосудия приводили в действие жалобы частных лиц. Но этим его полномочия не ограничивались. Мазалим был вправе по собственному усмотрению или по результатам проведенной надзорной деятельности начать судебное разбирательство в отношении чиновников [10, с. 26–27].

Таким образом, в государстве Саманидов был впервые создан институт защиты прав человека, целью которого была защита населения от произвола чиновников.

Об этом можно познакомиться и с помощью повествований. И.Б. Буриев отмечает, что саманидские эмиры выслушивали жалобы населения и занимались осуществлением правосудия. Саманидский эмир Исмаил, недовольный дея-

тельностью существовавшей судебной системы, назначил своего брата судьей мазалим для разбора исков и дел могущественных людей своего времени [4, с. 132]. Так, брат Исмаила Сомони Абуяькуб Исхокбин Ахмад Сомони был назначен судьей мазалим в городе Бухара, где разбирал дела [13, с. 174].

После Саманидов Газневидская династия также учредила суд мазалим. Среди Газневидов второй амир Масъуд также обещал знати г. Нишапура лично проводить мазалим два дня каждую неделю [3, с. 178]. При этом он приказал объявить всем, чтобы приходили и рассказывали о притеснениях и спорах, которые он будет решать по справедливости и по праву [17, с. 888; 13, с. 365]. Масъуд разбирал жалобы населения по средам и принимал решения по ним [13]. При этом в мазалиме участвовали хаджиб, казий, сипахсалар и другие доверенные лица. Потерпевшие могли подать жалобу не только прямо в мазалим, но и в канцелярию главы государства и в диваны – отраслевые министерства, которые обязали принимать и передавать высокому суду эти жалобы. По случаю проведения мазалима заключенных освобождали от оков, и после этого осуществлялось правосудие [10, с. 101].

На территории Таджикистана местные правители или казии специально назначались для решения дел в мазалим. Решение дел посредством обращения к мазалиму и активизация его деятельности наблюдаются при Газневидях и Сельджукидах.

Сельджукиды не только сами занимались мазалимом, но и назначали в него лиц для управления правосудия. Интересно в этом отношении определение полномочий хакимавилоятов и городов при Сельджукидах, которые излагались обычно в приказе об их назначении. Например, в приказе о назначении на должность правителя Гургана и его округа перечислены многие полномочия судьи мазалима: «Свою деятельность мы всегда направляли на заботу о народах, порученных нам Господом, доходили до предела возможного при распространении справедливости, назначали опытных, милостивых и набожных наибов на окраины и в центры государства, в дальние и близкие области, в различные округа страны и доверяли им устройство и упорядочение дел мусульман. И всякий раз, когда мы становились свидетелями дурного поступка, исходящего от одного из них, или слышали то, что не вызывало нашего одобрения, замену его мы считали одним из обязательных предписаний и не допускали в этом отношении промедления и безразличия»; «мы пожелали удостоить жителей Гургана ... дать им отведа-

вкус спокойствия, безопасности, правосудия и справедливости, которых они были лишены некоторое время»; «мы повелеваем, чтобы приказ и распоряжение дорогого сына при любых обстоятельствах, будь то решение или заключение, унижение и возвышение, арест и освобождение, расторжение и утверждение, пожалование и лишение, увольнение и назначение, помилование и наказание, обласкание и изгнание, считались равным нашему приказу и распоряжению»; «и пусть считает обязательным условием вести закон и наказывать развратников и нечестивцев, воров, злоумышленников и грабителей»; «что ни совершалось бы им, отвечало бы правилам справедливости и благоразумия, и было защищено и хранимо от беззакония и порока», «и пусть укажет всем вали (Чиновник, глава административной единицы), мукт (военный обладающий муктой, землей в условном владении.) и уполномоченным лицам, чтобы они не чинили насилия над райятами (подданные) и учтиво требовали бы от них в назначенное время определенные и установленные законом харадж (земельный налог.), ушр (налог десятина) и диванские налоги и не вымогали бы лишнего, и чтобы каждый из них успокоил своих подчиненных под сенью справедливости и правосудия»; «и пусть он предупредит начальника дивана мазалим, чтобы тот проявил необходимую осторожность и бдительность при выслушивании споров лиц, обращающихся с претензиями, должным образом вникал бы в их жалобы, отнимал бы право угнетенного у притеснителя, вершил бы в отношении его справедливость и воздерживался бы от уклонения от истины, проявления снисходительности, лицемерия и притворства»; «и пусть дорогой сын, высочайший малик, будет уверен в том, что это наше слово относительно данного поручения соответствует тому, что сказал и повелел Творец Всевышний: “О, Дауд, Мы послали тебя наместником на земле: суди же среди людей по истин”». Султан в приказе о назначении правителя перечисляет почти все направления деятельности мазалима, кроме того, что еще и наставляет сына о мазалиме. Следовательно, сельджукские султаны, укрепляя институт мазалим, рассматривали жалобы райятов, которые в большинстве случаев касались поднятых в приказе вопросов [10, с. 95].

Великий везир Сельджукидов Низамулмулк в своей книге «Сиёсатнаме» посвящает мазалиму отдельную главу. По его мнению, царь должен непосредственно проводить суд мазалим два дня каждую неделю, выслушивать жалобы, осуществлять правосудие. Свои идеи он обосновывает тем, что если царь проводит мазалим,

разбирает жалобы, то информация об этом дойдет до окраин государства, и каждый притеснитель, услышав это, не сможет и дальше продолжать притеснять народ, боясь царского правосудия. Когда распространится по государству такой слух, что государь созывает к себе челобитчиков и жалобщиков два раза в неделю и выслушивает их речи, все обидчики устроятся, прекратят насилия, и никто не осмелится из-за страха наказания совершать обиды и своеволие [12, с. 12]. В результате установятся правопорядок и спокойствие в стране. Низамулмулк считал, что нельзя достичь правосудности, сидя во дворце, оградив себя от народа чиновниками. Он хорошо понимал, что притеснения и насилие совершают в основном должностные лица, которые могут препятствовать и не допускать людей к царю. Он приводит рассказы из жизни предыдущих царей, которые строили высокие здания, выходили на высокие холмы, чтобы каждый имел к ним доступ. В частности, он сообщает о царе, который был глухим, но справедливым. Чтобы быть в курсе всех событий и не давать волю притеснителям, он приказал всем, кто имеет жалобу, одеваться в одежду красного цвета. В другие же дни они не имели права надеть красную одежду [9, с. 13]. Царь в дни мазалим сидел на слоне, собирал всех тех, кто имел красную одежду, т.е. жалобу, потом он сидел в мазалиме и осуществлял правосудие [9, с. 13]. Сельджукские правители, начиная от Тогрула, в качестве судьи мазалим и занимались судебным разбирательством. По сообщению Ибн Асира, Тогрул-бек оставался в резиденции царя и дважды в неделю заседал в диване мазалим Нишапура для приема жалоб [7, с. 195].

С помощью дивана мазалим осуществлялось и справедливое административное (или «светское») правосудие. Правосудие при Сельджуках, как, впрочем, и при других правителях исторического досоветского Таджикистана имело и религиозную основу, потому что Халифа государства считался защитником интересов всех халифов перед главой Сельджуков. В источниках также сообщается, что Алп-Арслан также выступал в качестве судьи мазалима. Мазалим при Сельджуках в основном вел надзор и рассматривал жалобы о нарушениях норм мусульманского права, требований религии, правил использования земель вакфа и икта [5, с. 129]. Таким образом, представители данной династии, учредив диван мазалим, сами непосредственно или с помощью назначенных лиц занимались рассмотрением жалоб и осуществлением правосудия [10, с. 96].

В дальнейшем династии, правившие досоветским Таджикистаном, начиная от Газневидов

и вплоть до Мангытов, назначали обычно казиев для ведения дел мазалима. Место проведения суда мазалим называлось «дор ул-омма» (букв. – «общественное место») или «боб ул-адл» («дом справедливости»).

Династия Гуридов, переняв опыт государственности Саманидов, создала свой аппарат управления, состоящий из диванов и должностных лиц, не входящих в эти диваны. Диван мазалим был тем новшеством, которого не было в Саманидском государстве. В отличие от практики позднего Арабского халифата, судопроизводством в мазалиме занимался как глава государства – малик, так и его везир. Диван мазалим Гуридов рассматривал в основном те иски и правовые споры, которые по формальным причинам не мог рассматривать казий [15, с. 212]. Кроме того, к нему обращались также при несогласии с решением суда [15, с. 212].

Буриев И.Б. отмечает, что особенности дел, рассматриваемых мазалимом, были не в предмете тяжбы, а в субъектах, участниках процесса, одной из сторон в котором в обязательном порядке выступало должностное или влиятельное лицо. Возникнув как специальный суд в отношении должностных лиц, мазалим рассматривал в основном те дела, участниками которых являлись должностные лица. Можно уверенно утверждать, что основным мотивом создания дивана мазалим являлось именно рассмотрение должностных преступлений и совершение правосудия в отношении влиятельных чиновников государства. В этих случаях мазалим выступал как административный или специализированный суд по разрешению споров, стороной (сторонами) которых выступали чиновники государства. Данную категорию чиновников называли «Кут-тобудавовин» – секретарями диванов – министерств. Разбор дел, связанных с правонарушениями со стороны мухтасибов или определением их компетенции, также входил в компетенцию мазалима [13, с. 290]. В этом случае мазалим выступал в качестве конституционного правосудия, являясь арбитром между чиновниками разных ведомств и определяя компетенцию каждого из них [4, с. 75].

Таким образом, исследуя исторические предпосылки формирования идей о правах человека в правовой истории (традиции) Таджикистана, можно с уверенностью сказать, что институт прав человека до вступления современной фазы своего развития прошел тернистый и труд-

ный путь. И на данном пути вложил свою лепту и таджикский народ.

Библиографический список

1. *Азимов, Ш.* Государство и право Саманидов [Текст] / Ш. Азимов. – Душанбе, 1999.
2. *Бартольд, В.В.* Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В.В. Бартольд. – М., 1966. Байхаки. История.
3. *Босворт, К.Б.* История Газневидов [Текст] / пер. Хусни Ануша / К.Б. Босворт. – Тегеран, 1378. – Т. 1–2.
4. *Буриев, И.Б.* Становление и развитие институтов государственности на территории Таджикистана (досоветский период) / Отв. ред. академик Ф.Т. Тахиров [Текст] / И.Б. Буриев. – Душанбе, 2008.
5. Династии в истории Ирана. Сельджукиды / Перевод ЯкубаОжанди. – Тегеран, 1390.
6. *Диноршоев, А.М.* Права человека в истории общественной мысли [Текст] / А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2013.
7. *Ибн Асир.* Аль-камил фи-т-т-аърих (Полный свод истории) [Текст] / пер. с араб. П.Г. Булгакова. Введ. и прим. Ш. Камолиддина / Асир Ибн. – Ташкент; Цюрих, 1997.
8. *Насурдинов, Э.С.* История государства и права Таджикистана [Текст] / Э.С. Насурдинов, Д.С. Сафаров. Часть 1. – Душанбе, 2013.
9. *Низамалмулк.* Сиёсатнаме [Текст]. – Тегеран, 1389.
10. *Одинаев, Р.С.* Формирование и развитие института мазалим в досоветском Таджикистане: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Одинаев Р.С. – Душанбе, 2012.
11. *Рахмон, Эмомали.* Таджики в зеркале истории [Текст] / Рахмон, Эмомали. – Душанбе, 2012.
12. Сиёсатнаме. Хрестоматия по истории государства и права Республики Таджикистан (досоветский период) [Текст] / Сост. Г.С. Азизкулова. – Душанбе, 1998.
13. *Сокит, М.Х.* Правосудие в исламском праве [Текст] / М.Х. Сокит.
14. *Тахиров, Ф.Т.* История государства и права Таджикистана [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе, 2004. Т. 2, ч. 1.
15. *Халиков, А.Г.* История государства и права Таджикистана [Текст] / А.Г. Халиков. – Душанбе, 2002.
16. *Халиков, А.Г.* Краткое изложение истории прав человека (на тадж. яз.) [Текст] / А.Г. Халиков. – Душанбе, 2007.
17. *Хусни, А.* История права Ирана [Текст] / А. Хусни. – Тегеран, 1382.
18. *Шмидт, А.Э.* Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века хиджры): Послание Тахира ибн-ал-Хусейна к сыну своему Абдаллах Ибн-Тахиру [Текст] / А.Э. Шмидт // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Вып. 8. – Ташкент, 1925.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

LEGAL SUPPORT OF ACTIVITY OF STATE AND MUNICIPAL AUTHORITIES

УДК 342.743
ББК 67.300

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ УПЛАЧИВАТЬ ЗАКОННО УСТАНОВЛЕННЫЕ НАЛОГИ И СБОРЫ

Э.В. Голоманчук, Ю.О. Пёрышкина

Аннотация: В настоящей статье анализируется конституционная обязанность уплаты законно установленных налогов и сборов. Исследуется правовая сущность указанной обязанности, пробелы в законодательстве, а также механизм правового регулирования исполнения обязанности по уплате налогов и сборов. Дается анализ особенностей налоговых правоотношений. Указывается на необходимость введения в действующее законодательство о налогах и сборах поправок, согласно которым налогоплательщикам представляется возможность получения у налоговых органов по письменному запросу сведений о потенциальном контрагенте.

Ключевые слова: налоги, платежи, минимизация, элементы налога, уклонение от уплаты.

LEGAL ANALYSIS OF SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF THE CONSTITUTIONAL OBLIGATION TO PAY LEGALLY ESTABLISHED TAXES AND FEES

E.V. Golomanchuk, Yu.O. Peryshkina

Abstract: This article analyzes the constitutional obligation to pay legally established taxes and fees. We investigate the legal essence of this duty, the gaps in the legislation, as well as the mechanism of legal regulation of the obligation to pay taxes and fees. Analyzes the features of the tax relations. Points to the need to enact legislation on taxes and fees amendments, according to which taxpayers have the opportunity to obtain the tax authorities upon written request information about potential contractors

Keywords: taxes, fees, minimization, tax elements, evasion from payment.

Важнейшее значение для защиты прав человека имеет конституционное закрепление его прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Права человека неотделимы от обязанностей.

Действующей Конституцией Российской Федерации [1] закреплена обязанность уплаты законно установленных налогов и сборов. Налоги и сборы являются признаком любого государ-

ства и вместе с тем необходимым условием существования самого государства, они позволяют государству выполнять его функции, в том числе социально значимые. Обязанность по уплате налогов является безусловной, то есть каждый обязан платить установленные виды налогов и сборов [12]. Она адресована как гражданам, так и юридическим лицам. В свою очередь для обеспечения обязанности по уплате налогов и сборов

созданы специализированные государственные органы.

Хотелось бы отметить, что обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы неразрывно связана с такими правами, как право на бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование и т.д. [10]. Финансовой основой для реализации перечисленных прав являются федеральный и местные бюджеты, пополнение которых происходит за счет исполнения конституционной обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов.

Стремясь получить максимальную финансовую выгоду, налогоплательщики зачастую пытаются уменьшить налогооблагаемую базу с целью снижения итоговой суммы налога, подлежащего уплате в бюджет, причем уменьшение производится не всегда законными методами.

На современном этапе экономического развития Российской Федерации особо актуальной является проблема своевременного пополнения бюджета, его сбалансированности по доходам и расходам, сокращения дефицита и обеспечения финансирования федеральных и региональных потребностей. Налоги – основной источник доходов государства.

Актуальность темы выбранного исследования обусловлена, прежде всего, наличием пробелов в законодательстве, а также несовершенством механизма правового регулирования исполнения обязанности по уплате налогов и сборов, что в свою очередь не обеспечивает баланса интересов налогоплательщиков и государства. Кроме того, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день Налоговый кодекс Российской Федерации [2] относится к числу нормативно-правовых актов с самым большим количеством ежегодно вносимых изменений, вместе с тем данные меры недостаточны, о чем свидетельствует отсутствие единообразно сложившейся судебной практики по многим вопросам.

История налогов уходит корнями в глубокую древность. В форме налогов государство получило в свои руки мощный инструмент не только поддержания собственной дееспособности, но и активного воздействия на экономическую жизнь страны путем усиления накоплений капитала, протекционизма национальной экономики, регулирования процесса общественного воспроизводства, решения широкого круга социальных проблем общества. Ни одно государство не может нормально существовать без взимания налогов; с другой стороны, налоги – один из

признаков государства. В основе налогов лежат экономические и юридические понятия, соотношение которых зависит от политических процессов, происходящих в государстве.

Налоги в настоящее время являются основным источником доходов бюджетов всех уровней в Российской Федерации. Общие принципы налогообложения в РФ устанавливает Налоговый кодекс Российской Федерации.

Так согласно п. 1 ст. 8 НК РФ, под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Учеными неоднократно высказывалось мнение, что данное определение неоправданно усложнено и не может восприниматься гражданами достаточно ясно. Существенными недостатками приведенной в НК РФ формулировки являются:

1) отсутствует указание на то, что данный платеж должен быть законодательно установлен, т.е. взимание налога осуществляется только по юридически установленным правилам;

2) в дефиниции допущена неточность в определении порядка уплаты налога, поскольку в большинстве случаев налоги не взимаются государством, а уплачиваются плательщиком самостоятельно;

3) вызывает обоснованное сомнение правомерность предусмотренной в определении формы взимания налогового платежа как отчуждения принадлежащих организациям и физическим лицам на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств; «отчуждение» противоречит принципам свободы собственности, закрепленным в Конституции Российской Федерации. Сам термин отчуждение трактуется как «отнимать», «отбирать», что не совсем совместимо с понятием налога, поскольку изначально вызывает негативные ассоциации у налогоплательщиков;

4) еще один существенный недостаток – отсутствие в определении такого обязательнейшего признака налога как регулярность. Под понятие налога, данное в Кодексе, можно отнести штраф, конфискацию и другие формы отчуждения имущества.

Дефиниция налога, данная законодателем, отличается от определений, предлагаемых известными теоретиками в области экономики и права и имеющихся в словарях, монографической и учебной литературе.

На наш взгляд, интерес представляет определение понятию «налог», данное в 1997 году в одном из постановлений Конституционного Суда РФ: «Налоговый платеж – это основанная на законе денежная форма отчуждения собственности с целью обеспечения расходов публичной власти, осуществляемого, в том, числе на началах обязательности, безвозвратности, индивидуальной безвозмездности» [4]. Однако и данное определение не идеально, поскольку в нем, так же как и в дефиниции, закрепленной Налоговым кодексом РФ, налоговые взносы определяются через термин «отчуждение».

Понятие налога включает ряд элементов:

1) объект налога – доходы, стоимость отдельных товаров, отдельные виды деятельности, операции с ценными бумагами, пользование ценными ресурсами, имущество юридических и физических лиц и другие объекты, установленные законодательными актами;

2) субъект налога – налогоплательщик (физическое или юридическое лицо);

3) источник налога – доход, из которого выплачивается налог;

4) ставка налога – величина налога с единицы объекта налога;

5) налоговая льгота – полное или частичное освобождение плательщика от налога;

6) налоговая база – часть объекта налогообложения (за вычетом налоговых льгот), на которую практически начисляются налоги;

7) налоговое бремя – доля всех уплачиваемых налогов в годовых доходах групп налогоплательщиков.

Помимо налогов для пополнения своей казны современные государства используют и другие виды поступлений и платежей (сборы).

Сборы – обязательные взносы, взимаемые с организаций и физических лиц, уплата которых является одним из условий совершения в интересах плательщиков государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий) [3]. При этом под «юридически значимыми действиями» подразумеваются юридические факты, закрепленные в гипотезах правовых норм, конкретные жизненные обстоятельства, наступление которых влечет правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

Вопрос о критериях разграничения налогов от сборов неоднократно поднимался среди ученых. Так, И.И. Янжул отмечал, что различия ме-

жду налогами и сборами весьма существенна и касается прежде всего следующего:

1) самого основания этих сборов: в налогах контрибуэнт не получает от государства никакого эквивалента, кроме общих выгод и удобств жизни в государственном союзе; наоборот, вслед за уплатой пошлины следует непременно какое-нибудь одолжение плательщику со стороны государства;

2) их организации: вытекая из общей податной обязанности, налоги соотносятся с податной способностью каждого; напротив, пошлины, платимые лишь в случае нужды в услугах государства, несутся не всеми гражданами по одинаковому масштабу, а соразмеряются со степенью пользования государственными учреждениями;

3) роли государства при взимании тех и других: взимая налог, государство не имеет в виду прямой выгоды плательщика; взимая же пошлину, государство тем самым обязывается произвести известные для плательщика действия [13].

Центральным налоговым правонарушением является «Неуплата или неполная уплата сумм налога» (ст. 122 НК РФ). Неуплата или неполная уплата сбора не может повлечь применение ответственности, предусмотренной указанной статьей НК. Исключение составляет ситуация, когда суд установит, что на самом деле речь идет об обязательном, индивидуально безвозмездном платеже, поименованном как «сбор», но подпадающем под определение налога, сделанное в ст. 8 НК РФ. Неуплата такого сбора при наличии указанных в ст. 122 НК РФ обстоятельств действительно влечет применение налоговой ответственности [5].

В целом вопрос об отграничении налоговых и неналоговых платежей носит дискуссионный характер и еще нуждается в доктринальной проработке. Судебная практика, как правило, не пытается разобраться в этой проблеме, вследствие чего данная тема остается актуальной по настоящее время.

Таким образом, налоги сегодня – комплексное экономико-правовое явление, с помощью которого государство может влиять на экономику страны.

Правовая урегулированность отношений, возникающих в связи с обязанностью по уплате законно установленных налогов и сборов необходима для достижения целей, поставленных государством и органами местного самоуправления в области финансовой деятельности. Урегулированные нормами финансового права, они становятся финансово-правовыми отношениями,

их участники находятся во взаимосвязи через субъективные юридические права и обязанности, такие связи (отношения) охраняются принудительной силой государства [8].

Следует иметь в виду, что в процессе финансовой деятельности государства возникают также отношения, не нуждающиеся в правовой регламентации (при осуществлении организационной, подготовительной, информационной, аналитической, массово-разъяснительной и иной деятельности государственных органов и органов местного самоуправления).

Только при взаимосвязанных юридических правах и обязанностях, реализация которых гарантируется мерами государственного принуждения, может быть обеспечено получение государством запланированных доходов, их распределение и использование соответственно намеченным планам и программам.

Обладая общими с другими правоотношениями чертами, рассматриваемые правоотношения имеют и особенности.

Основная особенность, которая определяет и другие отличительные черты данных правоотношений, заключается в том, что они возникают в процессе планового образования, распределения и использования государственных доходов, т.е. в процессе финансовой деятельности государства и органов местного самоуправления [7]. Отсюда и другая их особенность: правоотношения, возникающие в связи с уплатой налогов и сборов являются разновидностью имущественных отношений, имеющих публичный характер, так как возникают по поводу денежных средств, точнее – финансовых ресурсов государства и муниципальных образований, используемых на общезначимые потребности. Такой объект правоотношений налицо, например, при возникновении их между государством и предприятиями в случаях внесения обязательных платежей в бюджет или, напротив, при получении из него налоговых вычетов или возмещения; между государством и гражданами (организациями) в связи с уплатой налогов и т.д.

Следующая особенность состоит в том, что одной из сторон в них всегда выступает государство и его уполномоченный орган [11]. Это обусловлено тем, что само государство в интересах общества осуществляет финансовую деятельность: организует поступление денежных средств в различные государственные (муниципальные) денежные фонды, распределяет и использует их на социально-экономические программы и другие общественно необходимые потребности [9]. При этом государственные органы наделены властными полномочиями: они вправе

издавать предписания, обязательные для исполнения другими участниками финансовых правоотношений – предприятиями, организациями, учреждениями, гражданами. Права всех участников правоотношений находятся под защитой государства, реализация их, как и выполнение финансовых обязанностей, обеспечивается его принудительной силой.

Особое внимание уделяется налоговыми органами и судьями арбитражных судов при вынесении решений, по вопросу проявления налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента.

Поскольку вопрос применения налогоплательщиком налоговой льготы не урегулирован законодательством, а сложившаяся в настоящее время судебно-арбитражная практика не систематизирована, очень многие вопросы остаются на усмотрение судьи, которому предстоит вынести решение по конкретному делу.

Налоговым законодательством установлен определенный перечень условий для получения налоговой льготы [6]. При этом налогоплательщик обязан доказать приобретение товаров (работ, услуг) именно от конкретного поставщика. Кроме того, налогоплательщик в любом случае должен доказать принятие им мер должной осмотрительности при выборе контрагента. Представленные ИФНС доказательства в подтверждение факта не совершения спорных хозяйственных операций по возмездному приобретению товаров (работ, услуг) и проявленная обществом неосмотрительность при их совершении должны оцениваться в совокупности (как единое основание) для вывода о получении необоснованной налоговой льготы.

Хотелось бы отметить, что если факт реального осуществления указанных в документах операций, будь то поставка товарно-материальных ценностей или оказание работ (услуг) еще представляется возможным проверить в рамках мероприятий налогового контроля (в особенности если речь идет о выездной налоговой проверке), то степень проявления налогоплательщиком осмотрительности при выборе контрагентов на практике является камнем преткновения во всех налоговых спорах данной категории.

Судьям стало недостаточно той доказательной базы, которая ранее использовалась налоговыми органами при выявлении схемы минимизации налогов. Так, при вынесении судебных актов указывается, что до привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности за уклонение от уплаты налогов с использованием

фирм-«однодневок» необходимо проверять следующие обстоятельства:

- проявил ли налогоплательщик должную осмотрительность при выборе контрагента;
- есть ли у компании-контрагента (предположительно фирмы-«однодневки») расходы на ведение хозяйственной деятельности;
- носят ли платежи, проходящие через эту компанию, транзитный характер;
- поступили ли денежные средства реальному производителю товаров (работ, услуг) либо вернулись тому, от кого ушли;
- соответствует ли размер цены на товар, закупаемый налогоплательщиком, средним ценам, сложившимся на рынке;
- экономическую целесообразность осуществляемых сделок.

Решения арбитражных судов различных инстанций также говорят о том, что налоговые службы стали менять методы проводимых проверок с целью более грамотного и эффективного доказывания уклонения коммерческой структуры от уплаты налогов.

Следует заметить, что грань между законными схемами минимизации налогов и попыткой уклониться от их уплаты довольно тонкая. С конца 90-х годов налоговые органы в своих документах стали использовать понятие «недобросовестный налогоплательщик», которое с тех пор так и не получило четкого нормативного определения, что давало возможность применять его в самых разнообразных ситуациях. При отсутствии критериев судам приходилось руководствоваться в данном вопросе исключительно субъективными усмотрениями. Доказать тот факт, что налогоплательщик на момент совершения сделки был осведомлен о том, что контрагент не представляет в налоговый орган отчетность или представляет ее с минимальными показателями невозможно, поскольку налогоплательщик не обладает возможностью для получения информации такого рода.

На основании изложенного, считаем целесообразным введение в действующее законодательство о налогах и сборах поправок, согласно которым налогоплательщикам была бы представлена возможность получения у налоговым органов по письменному запросу сведений о потенциальном контрагенте, не подпадающих под действие ст. 102 НК РФ. К данным сведениям относятся в том числе сведения о фактах нарушения налогового законодательства.

Целесообразней всего, на наш взгляд, было бы представлять данные сведения исключительно по письменному запросу налогоплательщика

(юридических или физических лиц), указывая ссылку на норму законодательства о налогах и сборах, которая была нарушена налогоплательщиком, а также промежуток времени, в течение которого произошло данное правонарушение.

Вместе с тем хотим отметить, что в представляемых сведениях налоговым органом не должен делаться конкретный вывод о добросовестности того или иного контрагента, контролирующий орган должен будет лишь представлять данные по запросу. Вывод о том, стоит ли иметь финансово-хозяйственные взаимоотношения с потенциальным контрагентом, остается за налогоплательщиком.

Данные изменения, по нашему мнению, смогут внести положительную динамику в спорные вопросы, возникающие при возмещении НДС из бюджета и тем самым усовершенствовать практику правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы.

Для успешной реализации налоговой политики государства на практике необходима эффективная система организационно-управленческих мероприятий, т.е. управление налогами или налоговыми отношениями, или налоговой системой. Предложенные изменения позволят при оценке степени добросовестности налогоплательщика, проявленной при выборе контрагента, учитывать, воспользовался ли он своим правом на проверку надежности контрагента или нет, а также, на наш взгляд, позволит систематизировать перечень требований, предъявляемых к налогоплательщикам в данном вопросе.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст // СЗ РФ. 04.08.2014. №31. Ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2015) // СЗ РФ. №31. 03.08.1998. Ст. 3824.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2015) // СЗ РФ. 07.08.2000. №32. Ст. 3340.
4. Постановление КС РФ от 11.11.1997 г. №16-П «По делу о проверке конституционности ст.11.1 Закона РФ от 01.01.1993 г. «О государственной границе Российской Федерации» в ред. от 19.07.1997 г.» // Российская газета. – №222. – 18.11.1997.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 28.02.2001 №5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 5.

6. Данченко, С.П. Необоснованная налоговая выгода: очередные итоги налоговиков [Текст] / С.П. Данченко // Налоговая проверка. – 2014. – №1.

7. Демин, А.В. Налоговое право России: учебное пособие [Текст] / А.В. Демин. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006.

8. Егорова, А.О. Сменили гнев на милость, или Новые правила проведения налоговых проверок [Текст] / А.О. Егорова // Торговля: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2011. – №7.

9. Кучеров, И.И. Налоговое право России: курс лекций [Текст] / И.И. Кучеров. – М.: «Юрид. Центр Пресс». – 2010.

10. Покачалова, Е.В. Налоги, их понятие и роль: Финансовое право: учебник [Текст] / Е.В. Покачалова. – М.: «Бек», 1995.

11. Саттарова, Н.А. К вопросу о государственном финансовом контроле [Текст] / Н.А. Саттарова // Финансовое право. – 2006. – № 1.

12. Химичева, Н.И. Финансовое право: учебник [Текст] / Н.И. Химичева. – М.: «Норма», 2003.

13. Янжул, И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах [Текст] / И.И. Янжул. – М.: «Новый Юрист», 2002.

УДК 342.95

ББК 67.301

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

М.В. Коростелева, Д.А. Абезин

Аннотация. С недавнего времени регулирование способа формирования представительного органа муниципального района, а также порядка избрания и основных полномочий главы муниципального образования осуществляется законами субъектов Российской Федерации (в рамках возможностей, предоставленных соответствующими нормами федерального законодательства). В данной работе рассматриваются особенности правового регулирования организационных основ местного самоуправления в «региональном» законодательстве, и анализируется практика Волгоградской области в данной сфере.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальный район, городской округ, поселение, представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования.

LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATIONAL BASIS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE VOLGOGRAD REGION

M.V. Korosteleva, D.A. Abezin

Abstract: Currently, regulation of the method of forming the representative body of the municipal district, as well as the order of the election and the major powers of the head of the municipality is carried out by the laws Subjects of the Russian Federation. This article discusses the features of the legal regulation of the organization of local government in regional laws and analyzes the practice of the Volgograd region in this area.

Keywords: Local governments, metropolitan borough, urban district, settlement, representative body of the municipality, Head of Municipality.

Эффективная реализация местного самоуправления возможна лишь при наличии определенных предпосылок и условий, которые в своей совокупности составляют основы местного самоуправления [6, с. 199].

Впервые данное понятие было закреплено в Федеральном законе от 28 августа 1995 года №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4]. Действующий в настоящее время Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] в ст. 4 закрепляет правовую основу местного са-

моуправления. В восьмой главе обозначенного акта регламентирована экономическая основа местного самоуправления. Термин «территориальные основы местного самоуправления» данный закон не содержит, но во второй главе устанавливает принципы территориальной организации местного самоуправления, то есть фактически базовые начала правового регулирования отношений, возникающих в процессе определения и установления границ муниципальных образований.

Таким образом, в Федеральном законе установлены такие составные элементы основ местного самоуправления, как правовая, террито-

риальные и экономическая. Несмотря на это, в научной и учебной литературе перечень трех установленных в федеральном законодательстве составных элементов основ местного самоуправления дополняется еще одним – организационными основами местного самоуправления [6, с. 199; 7, с. 28; 8, с.17; 9, с. 8–9].

Организационные основы местного самоуправления можно определить как совокупность норм, регулирующих реализацию права граждан на местное самоуправление через формы непосредственного народовластия, органы местного самоуправления и иные выборные органы [9, с. 8–9].

Большинство местных вопросов решается именно через органы местного самоуправления. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ определяет их как избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. В течение достаточно длительного периода вопросы их организации и деятельности (в частности, порядок формирования) определялись уставом муниципального образования только в соответствии с требованиями федерального законодательства. Но в мае 2014 г. в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ внесли изменения, расширившие полномочия субъектов Российской Федерации в части правового регулирования вопросов организации местного самоуправления на своей территории [3]. Так, теперь условия формирования представительного органа муниципального района или городского округа с внутригородским делением закрепляются в уставе муниципального образования лишь в строгом соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Правда, субъект может выбрать для муниципального района или городского округа с внутригородским делением только один из «предлагаемых» в Федеральном законе вариантов формирования представительного органа. Например, в муниципальном районе представительный орган может формироваться путем проведения прямых выборов, когда его депутаты избираются населением муниципального образования (это первый вариант). Второй вариант предполагает, что в его состав входят главы поселений, находящихся в составе муниципального района, и депутаты представительных органов этих поселений, которые данными органами самостоятельно и из своего состава избираются. Этот вариант имеет разновидности. Во-первых, при его применении депутаты представительных органов поселений, находящихся в составе му-

ниципального района, могут избираться в соответствии с одинаковой нормой представительства, которая не зависит от численности населения поселений, равна для каждого из них. То есть от каждого поселения в составе муниципального района в представительный орган «районного» уровня делегируется равное количество депутатов. В Методических рекомендациях, разработанных Министерством регионального развития Российской Федерации в соответствии с пп. «в» п. 2 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 22 июня 2014 г. №Пр-1448 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления 26 мая 2014 г. и пп. «в» п. 2 поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. №ДМ-П16-4824 говорится, что, как правило, это 1–2 депутата от поселения.

Во-вторых, в законе субъекта Российской Федерации и, на основе его положений, в уставе муниципального района и уставах поселений может быть установлена норма представительства поселений, находящихся в составе муниципального района, в его представительном органе, которая зависит от количества жителей поселения. Данная норма может определяться в твердых числах (например, 2 депутата). Она может быть установлена и в процентном отношении от установленной численности общего числа депутатов. Но при ее определении необходимо учитывать, что для одного поселения она не может быть больше одной трети от общего количества депутатов в представительном органе муниципального района. На это положение Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ следует в обязательном порядке обращать внимание тем муниципальным районам, где значительная часть жителей сконцентрирована в одном-двух крупных поселениях.

В-третьих, в составе территории муниципального района могут быть поселения, которые не формируют представительные органы вследствие осуществления их полномочий сходом граждан. Так, представительный орган поселения не формируется, если численность проживающих на его территории избирателей не превышает 100 человек. Кроме того, представительный орган может не формироваться, и его полномочия в этом случае осуществляются сходом граждан, в поселениях, где количество жителей варьируется от 100 до 300 человек, если такой вариант предусмотрен в уставе поселения. Поэтому и избирает депутатов от таких поселений в состав представительного органа муниципального рай-

она в порядке и на срок, которые установлены уставом такого поселения, сход граждан.

Похожие варианты могут быть предусмотрены законом субъекта Российской Федерации для формирования представительного органа городского округа с внутригородским делением (если такие муниципальные образования созданы в границах субъекта). Субъект может закрепить, что входящие в его состав депутаты или избираются населением внутригородских районов на основе прямого избирательного права, или делегируются путем избрания из состава представительных органов внутригородских районов. Норма их представительства «по умолчанию» является равной. При этом законом субъекта Российской Федерации может быть закреплена ее зависимость от «населенности» внутригородских районов.

Также следует отметить, что в отношении городского округа с внутригородским делением и внутригородского района законом субъекта Российской Федерации определяется численность депутатов представительного органа.

Что касается главы муниципального образования, то порядок его избрания в настоящее время также закрепляется уставом муниципального образования только в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Теперь региональные власти определяют, как избирается глава муниципального образования – населением на муниципальных выборах либо депутатами представительного органа муниципального образования из его состава. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ императивно закреплено лишь то, что в поселении, которое не формирует представительный орган вследствие осуществления его полномочий сходом граждан, глава муниципального образования избирается на этом сходе и руководит местной администрацией.

Законом субъекта Российской Федерации определяется и место главы муниципального образования в структуре органов местного самоуправления. В случае проведения муниципальных выборов он либо является членом представительного органа муниципального образования, исполняя функции его председателя и обладая правом решающего голоса, либо становится во главе местной администрации. Если же он избран из состава депутатов представительным органом муниципального образования, то как глава муниципального образования он исполняет полномочия председателя данного органа. Одновременно возглавлять представительный орган муниципального образования и местную адми-

нистрацию запрещено, исключая муниципальные образования, имеющие статус сельских поселений, внутригородских муниципальных образований городов федерального значения.

То, как избирается глава муниципального образования, равно как место, которое он занимает в системе муниципальных органов, законом субъекта Российской Федерации может устанавливаться не только для всех муниципальных образований в границах территории субъекта Российской Федерации. Регламентация возможна и дифференцированно по их видам (причем допускается поименное перечисление исключений из общего правила), и в отношении определенных, четко названных поименно муниципальных образований.

В уже упомянутых Методических рекомендациях Минрегиона России вполне обоснованно отмечается, что субъекты Российской Федерации, регламентируя данные вопросы, должны делать это с учетом местных особенностей и, прежде всего, в интересах жителей муниципальных образований.

Таким образом, в зависимости от закрепленного законом субъекта Российской Федерации места главы муниципального образования в структуре органов местного самоуправления, в муниципальном образовании может быть сформирован один из следующих основных вариантов организации системы местного самоуправления.

Первый характеризуется тем, что глава муниципального образования избирается жителями муниципального образования и после избрания становится главой местной администрации (председателя представительного органа депутаты выбирают из своего числа). Для второй характерно, что глава муниципального образования избирается из депутатского состава представительного органа, и после избрания становится его председателем (местную администрацию возглавляет назначенный на конкурсной основе представительным органом муниципального образования глава). В третьей модели глава муниципального образования, так же как и в первой, избирается на муниципальных выборах, но после избрания он возглавляет представительный орган муниципального района (местную администрацию, как и во второй модели, возглавляет назначенный на конкурсной основе представительным органом муниципального образования глава).

Поскольку относительно определенных видов муниципальных образований в федеральном законодательстве предусмотрены особенности статуса, в них возможно формирование спе-

цифических моделей системы организации местного самоуправления.

Как уже отмечено, уставом сельских поселений, внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения может быть предусмотрено совмещение одним лицом полномочий руководителя местной администрации и местного представительного органа. Поэтому первая и третья модель здесь как бы «сливаются» в одну.

В тех же поселениях, где нет представительного органа, и его полномочия осуществляет сход граждан, данным сходом избирается глава, после избрания получающий полномочия руководителя местной администрации. Этот вариант возможен в весьма ограниченном числе поселений.

Формирование органов местного самоуправления городского округа закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) определяется с учетом особенностей, закрепленных Законом Российской Федерации от 14 июля 1992 г. №3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании». В соответствии с ч. 3 ст. 4 данного акта, главой местной администрации ЗАТО является лицо, которое назначается на эту должность по контракту, заключаемому по результатам конкурса [2]. В силу этих положений, глава ЗАТО как городского округа получает полномочия председателя представительного органа безотносительно к процедуре его избрания на должность.

Минрегион России обратил внимание субъектов на необходимость учета при подготовке и принятии законов предусмотренные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ ситуации, когда местная администрация не формируется, и рекомендовал наделять в таких случаях главу муниципального образования полномочиями председателя представительного органа муниципального образования.

Законы субъектов Российской Федерации, определяющие порядок формирования представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением (если они созданы на территории субъекта), а также порядок избрания глав муниципальных образований, должны быть приняты не позднее 27 ноября 2014 года. В течение трех месяцев со дня вступления их в силу уставы данных муниципальных образований приводятся в соответствие с установленными ими требованиями.

В Волгоградской области такой закон принят Волгоградской областной Думой 29 мая 2014 года [5]. Согласно его положениям, представительные органы муниципальных районов Волго-

градской области формируются из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, которые избираются данными органами из своего состава. Поскольку в законе ничего не говорится о том, влияет ли на норму представительства депутатов от поселений в представительном органе муниципального района численность населения поселения, то данная норма является равной. Представительные органы всех поселений избирают в представительный орган муниципального района одинаковое число депутатов.

Главы поселений Волгоградской области (сельских и городских) избираются на муниципальных выборах и возглавляют местные администрации. В случае, если в уставах муниципального района и поселения, являющегося административным центром муниципального района, предусмотрено, что исполнение полномочий администрации этого поселения осуществляет администрация муниципального района, в силу чего местная администрация в нем не образована, то глава поселения избирается населением, входит с правом решающего голоса в состав представительного органа муниципального образования и является его председателем.

Главы всех муниципальных районов Волгоградской области избираются представительными органами муниципальных районов из своего состава и исполняют полномочия председателей представительных органов муниципальных районов.

Главы всех городских округов Волгоградской области избираются представительными органами городских округов из своего состава и исполняют полномочия председателей представительных органов городских округов.

То есть в Волгоградской области для поселений нормативно закреплена первая модель системы организации местного самоуправления, рассмотренная нами выше. Главы городских поселений избираются населением и возглавляют местную администрацию, а председателя представительного органа депутаты выбирают из своего состава. Главы сельских поселений также избираются населением и возглавляют местную администрацию, но они, вместе с тем, могут одновременно с исполнением полномочий главы местной администрации исполнять полномочия председателя представительного органа сельского поселения. И лишь в поселениях, являющихся административными центрами муниципальных районов, и не имеющих своей местной администрации (исполнение ее полномочий осуществляет администрация муниципального района),

глава поселения избирается на муниципальных выборах, но входит в состав представительного органа этого поселения с правом решающего голоса и исполняет полномочия его председателя.

Для муниципальных районов и городских округов Волгоградской области нормативно определена вторая модель: глава муниципального образования выбирается депутатами представительного органа из своего состава и после избрания становится председателем данного органа. Глава же местной администрации назначается на должность по итогам конкурса представительным органом муниципального образования.

В Методических рекомендациях Минрегиона России отмечено, что первая модель с избираемым населением главой муниципального образования предполагает по причине «выборности» его тесную взаимосвязь с местными жителями и его личную ответственность за социальное и экономическое развитие муниципалитета. Вместе с тем, ее применение не предполагает обязательного предъявления требований к профессиональным качествам лиц, руководящих муниципальным образованием.

Вторая модель, с так называемым «сити-менеджером» во главе местной администрации, наоборот, должна учитывать эти качества при назначении конкретного человека на данную должность. Однако на практике такое назначение нередко сопряжено с ухудшением контакта между жителями муниципалитета и должностными лицами органов местного самоуправления.

В целом по Российской Федерации обе эти модели имеют сопоставимое распространение. При этом первая больше распространена в поселениях (сельских и небольших городских), вторая – в муниципальных районах и городских округах (преимущественно крупных, например, в административных центрах субъектов Российской Федерации).

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в

Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ [принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г.: одобр. Советом Федерации 24 сентября 2003 г.] // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

2. Российская Федерация. Законы. О закрытом административно-территориальном образовании [Текст]: закон Российской Федерации от 14 июля 1992 г. №3297-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – №33. – Ст. 1915.

3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст]: федер. закон: [принят 27 мая 2014 г. №136-ФЗ Гос. Думой 20 мая 2014 г.]: одобр. Советом Федерации 21 мая 2014 г.] // СЗ РФ. – 2014. – №22. – Ст. 2770.

4. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон [принят 28 августа 1995 г. №154-ФЗ Гос. Думой 12 августа 1995 г.] // СЗ РФ. – 1995. – №35. – Ст. 3506 (утратил силу).

5. Закон Волгоградской области от 29.05.2014 г. №70-ОД «О некоторых вопросах формирования органов местного самоуправления в Волгоградской области» // Волгоградская правда. – 2014. – №97 (31 мая).

6. *Кутафин, О.Е.* Муниципальное право Российской Федерации: учебник [Текст] / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев. – М.: Юрист, 2000. – 552 с.

7. *Пылин, В.В.* Основы и принципы местного самоуправления [Текст] / В.В. Пылин // Журнал российского права. – 1999. – №7/8.

8. *Тюхтенов, А.С.* Экономическая (материальная) основа местного самоуправления в Российской Федерации: теоретико-правовой аспект [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / Тюхтенов А.С. – М., 2009. – 23 с.

9. *Шугрина, Е.С.* Организационные основы местного самоуправления [Текст]: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Московская государственная юридическая академия / Шугрина Е.С. – М., 1997. – 24 с.

ПРАВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

LAW AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 347.457.1

ББК 67.304

АКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КАПИТАЛА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.И. Гончаров

Аннотация. Гражданскому кодексу Российской Федерации без малого 20 лет, при этом только в 2013 г. состоялись самые существенные его изменения и дополнения за все прошедшие годы, их необходимость была обоснована в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Седьмая глава ГК РФ о ценных бумагах переработана особенно глубоко, в частности, впервые законодательно закреплено понятие и правовой режим бездокументарных ценных бумаг, из которых самой многочисленной и наиболее интенсивно используемой в обороте является акция.

Акция возникает в предпринимательском обороте для формирования уставного капитала и организационного оформления нового акционерного общества, а также для пополнения капитала уже существующего. Акционер, вкладывая свои средства в коммерческое дело, официально не становится собственником станков, оборудования, зданий, денег, иного имущества. Соглашаясь с данной юридической фикцией, в подтверждение своих вложений и пропорционально им он получает акции. Юридически собственником всего имущества акционерного общества становится сама эта организация. Учётная система на рынке ценных бумаг интегрирует два взаимоконтролирующих «параллельно действующих» учётных института: организации, осуществляющие депозитарную деятельность, и организации, осуществляющие деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Указанная система выполняет функции подтверждения прав на ценные бумаги, а также функции подтверждения прав, закреплённых ценными бумагами, в целях передачи этих прав и их осуществления.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, эмиссия, эмитент, проспект эмиссии, обязательственные права, имущественные права, неимущественные права.

ACTION AS THE TOOL FOR THE FORMATION OF CAPITAL BY ECONOMIC ORGANIZATION

A.I. Goncharov

Abstract: To the civil code of the Russian Federation nearly 20 years, in this case only in 2013. its most essential changes took place and addition in all past years, their need was substantiated in the concept of the development of the civil legislation of the Russian Federation. The seventh chapter GK RF about securities of reformed it is especially deep, in particular, is for the first time is legislatively fixed concept and lawful regime of uncertificated securities, from which most numerous and is most intensively utilized in turnover is the action.

Action appears in the owner's volition for the formation of regulation capital and organizational formulation of new joint-stock company, and also for completing capital of that of already existing. Shareholder, packing its means into the business affair, does not officially become the owner of machine tools, equipment, buildings, money, another property. Agreeing with this juridical figment, in the confirmation of its investments and proportionally by it obtains actions. Legally, same this organization becomes the owner of entire property of joint-stock company. Stock-taking system on the market for securities integrates two mutually-controlling "in parallel acting" of the stock-taking of the institute: the organizations, which achieve depository activity, and the organizations, which achieve activity in conducting of the list of the owners of securities. The system indicated fulfills the functions of the confirmation of rights to se-

curities, and also the functions of the confirmation of the rights, fixed by securities, for purposes of the transfer of these rights and their realization.

Keywords: uncertificated securities, emission, emitent, the prospectus of emission, obligatory rights, property rights, the unproperty rights.

В реальной экономической деятельности для совместного вложения капитала в определённых долях в какое-то коммерческое дело партнёры – предприниматели могут его оформить как хозяйственное общество, которое станет самостоятельной организацией. Чтобы удостоверить факт внесения денежных средств или иных активов, такая организация выпустит и выдаст каждому пропорционально полученному от него капиталу определённое количество особых ценных бумаг. Даже если одно лицо без партнёров осуществит вложения в какое-то дело, всё равно в подтверждение такие ценные бумаги могут быть выпущены для этого лица. Указанное вложение капитала вкладчину или от одного лица в коммерческое дело на безвозвратной и бессрочной основе представляет собой акционерное финансирование.

Акция возникает в предпринимательском обороте для формирования уставного капитала и организационного оформления нового акционерного общества, а также для пополнения капитала уже существующего. Акционер, вкладывая свои средства в коммерческое дело, официально не становится собственником станков, оборудования, зданий, денег, иного имущества. Соглашаясь с данной юридической фикцией, в подтверждение своих вложений и пропорционально им он получает акции. Юридически собственником всего имущества акционерного общества становится сама эта организация. Акционер не может выйти из коммерческого дела, изъяв свои вложенные деньги и (или) имущество из действующего акционерного общества обратно, деньги можно вернуть только путем продажи акций какому-то другому лицу.

Акция – это ценная бумага, которая удостоверяет внесение лицом (акционером) денежных средств и (или) иного имущества в уставный капитал хозяйственного (акционерного) общества в определённой доле от стоимости капитала и подтверждает права этого акционера, в том числе следующие:

- право на периодическое получение части прибыли акционерного общества, которая называется «дивиденды»;
- участие в управлении делами акционерного общества;
- получение информации о его деятельности;
- доступ к бухгалтерской и иной документации общества;

- преимущественное приобретение дополнительно выпускаемых акций или бумаг, которые в установленный срок будут обмениваться на акции, перед неакционерами;

- часть имущества, которое останется после расчёта с кредиторами акционерного общества, если будет решено это общество ликвидировать.

Акция, предоставляющая своему владельцу такие права – это обыкновенная или простая (*ordinary share*) акция. Если акционер владеет в обществе значительной долей от всех акций, у него возникают дополнительные права. Например, доля в 1% от всех голосующих акций даёт право знакомиться со списком лиц, которые имеют право участвовать в общем собрании акционерного общества. Доля в 2% – право выдвигать кандидатов в Совет директоров, ревизионную комиссию, в Правление, счётную комиссию, кандидата на должность Генерального директора акционерного общества. Доля в 10% – право требовать внеочередного собрания акционеров.

Современные акции обязательно регистрируются на имя конкретного владельца. С 4 января 2003 г. в нашей стране акции существуют только в бездокументарной форме [1]. Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 142 устанавливает, что бездокументарные ценные бумаги – это обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учёта этих прав [2].

Из трактовок законодателя видно, что бездокументарная ценная бумага (акция – в том же числе) суть обязательственное право, иногда ещё и какое-то иное право (права), которые порождает и закрепляет в особом документе (решении о выпуске или ином акте) некое лицо. Следует обратить внимание, что вся совокупность прав, удостоверяемых акциями, изначально стандартизирована и регламентирована законодателем. Генерируя эти права, данное лицо обязуется исполнять всё необходимое для того, чтобы акционер мог все удостоверяемые акциями права осуществить, а при необходимости – передать другому субъекту. Генерирующее права лицо в исследуемом контексте есть предпринимательская организация – акционерное общество. Если решение о выпуске акций возникает и существует в

реальной форме бумажного документа, то сами акции возникают и существуют виртуально, как результат юридического факта оформления указанного документа. На наш взгляд, такая правовая конструкция вполне рациональна и работоспособна. Можно сэкономить большие ресурсы и не изготавливать из бумаги тысячи (возможно, сотни тысяч или даже миллионы) документарных акций, достаточно одного документа – решения о выпуске. Главное, неукоснительно соблюдать правила учёта прав, вытекающих из акций, при осуществлении их каждым акционером, а также при их передаче другим субъектам. Очевидно, что ключевую роль приобретает фигура, ответственная за учёт прав, удостоверяемых акциями. В нашем правовом порядке – это юридическое лицо, наделяемое специальной правоспособностью.

В России акционерное финансирование предпринимательства берет свое начало с 1850-х гг. с учреждения акционерных обществ железных дорог. Акции Варшавско-Венской железной дороги выпускались в 1859 и 1870 гг., Московско-Рязанской железной дороги в 1863 г., Новоторжской железной дороги в 1869 г., Варшавско-Тираспольской – в 1880 г., Юго-Восточных железных дорог – в 1893 г. и др.

В Советской России первым акционерным обществом стало созданное 1 февраля 1922 г. АО «Кожсырьё». Затем был создан Российский коммерческий банк, который в 1924 г. стал называться Банком для содействия внешней торговле (Внешэкономбанком) СССР. «Внешнеэкономическое акционерное общество по туризму и инвестициям «Интурист» было создано в ходе слияния в 1933 г. АО «Отель» с «Государственным акционерным обществом по иностранному туризму в СССР». Последнее имело уставный капитал в 5 млн. рублей, разделённый на 200 акций. К 1930-м гг. относится и создание акционерного общества «Ингосстрах» на базе Управления иностранных операций Главного управления государственного страхования Минфина СССР, которое с 1947 г. было преобразовано в унитарное предприятие «Управление иностранного страхования СССР».

В современной России первыми акционерными обществами стали АО «Камаз», Акционерный коммерческий банк социального развития и Акционерный коммерческий агропромышленный банк. С 1992 г. в газетах и на телевидении регулярно появляются публикации о курсах (рыночных ценах) акций российских акционерных обществ.

Каждое акционерное общество обязательно выпускает обыкновенные акции. Кроме них

существуют ещё привилегированные или гарантированные, преференциальные, приоритетные (preference shares) акции. Привилегированная отличается от обыкновенной акции тем, что на неё акционер получает часть прибыли не в виде дивиденда, который прямо зависит от заработанной обществом прибыли, а получает доход в заранее установленном, фиксированном размере. Важным отличием привилегированной акции является ещё и отсутствие у её владельца права голоса на общем собрании акционерного общества, за исключением вопросов о его реорганизации и ликвидации. Если общество будет ликвидировано, после расчётов со всеми кредиторами сначала привилегированные акционеры получают часть оставшегося имущества акционерного общества. Привилегированных акций может быть не более 25% от всего уставного капитала акционерного общества.

Первой разновидностью указанных акций является кумулятивная привилегированная (cumulative preference share) акция. Она даёт акционеру право получить доход за счёт прибыли следующего года, в случае если в текущем году прибыли нет и дивидендные выплаты не производятся. Второй разновидностью указанных акций является конвертируемая привилегированная (convertible preferred stocks) акция. Она может превращаться в обыкновенную акцию или в другую привилегированную акцию, если такая возможность будет записана в уставе акционерного общества. Особенностью этой привилегированной акции является обретение ею права голоса на общем собрании акционерного общества по всем вопросам, начиная с собрания, следующего за тем, на котором не было принято решение о выплате дохода по данной привилегированной акции.

Допускается существование дробных акций. Акция очень большой стоимости дробится на мелкие части, чтобы соответствовать финансовым возможностям небогатых приобретателей. Дробление акций осуществляется, если акционер не может приобрести целого количества акций. Такая акция предоставляет своему владельцу все права, соответствующие обыкновенной акции, но в объёме, составляющем дробную часть целой акции. Например, в 2007 г. рыночная цена акций Сбербанка России превысила 100 тыс. рублей. Поскольку акционерами Сбербанка являются несколько тысяч физических лиц, было принято решение о выпуске взамен прежней акции 1000 новых акций, после чего цена каждой акции закономерно уменьшилась до 100 рублей.

Уточним далее содержание удостоверяемых акциями прав.

Итак, акционер прежде всего реализует свой интерес на получение дивидендов. Это часть чистой прибыли акционерного общества, распределяемая среди акционеров пропорционально числу акций, находящихся в их собственности, решением общего собрания акционерного общества.

Каждый акционер имеет законную возможность участия в управлении делами акционерного общества, а именно: может голосовать на общем собрании акционерного общества, имея количество голосов, равное количеству своих обыкновенных акций. Привилегированные акции тоже дают право голоса в случаях, отмеченных выше.

Акционеру обществом предоставляется информация:

- о наличии у него преимущественного права приобретения акций дополнительного выпуска;
- созыве и проведении общего собрания акционеров;
- решениях, принятых общим собранием акционеров и итогах голосования;
- предстоящем приобретении акций;
- возможности требовать выкупа у него акций.

Для формирования собственной позиции по какому-то вопросу, который касается акционерного общества, акционер имеет право на ознакомление с его хозяйственной документацией.

Следует отдельно отметить, что акционер вправе требовать выкупа у него акций обществом по рыночной цене, если принимается одно из следующих решений:

- реорганизация акционерного общества;
- крупная сделка, которая одобряется решением общего собрания акционеров;
- изменение устава общества, которое ограничивает права данного акционера.

Бездокументарные акции гораздо удобнее для активного хозяйственного оборота, нежели их документарные предшественники. Современные развитые коммуникационные компьютерные системы позволяют совершать сделки с акциями субъектам, находящимся в любом городе, где есть филиал регистратора, ведущего реестр ценных бумаг соответствующего эмитента. Еще 40 лет назад такое было совершенно невозможно.

При покупке акций крупного открытого акционерного общества связь акционера с обществом теряется. Когда не осуществляется покупка контрольного или крупных пакетов акций, а бумаги приобретаются с целью получения по ним дохода, в этом качестве капитал, вложенный в акции, может быть представлен как капитал,

отданный акционерному обществу в бессрочное пользование. Тем более, если акционер не использует своё право голоса, не участвует в общих собраниях акционеров. Вместе с тем, акция имеет существенные отличия от денежных вкладов, аналогичных банковским:

1. Путем выпуска акций и их распределения среди партнёров-учредителей происходит формирование уставного капитала акционерного общества и его организационное оформление. Все последующие выпуски акций нацелены на увеличение уставного капитала, сформированного первоначально. Акция выступает структурообразующим элементом данной организационно-правовой формы предпринимательской деятельности – акционерного общества. Других ценных бумаг с таким качеством не существует.

2. Акция не фиксирует и не гарантирует долг акционерного общества акционеру, не подлежит оплате (выкупу, погашению) в какой-то определённый срок. Как было отмечено выше, выпуск акций обеспечивает специфический – акционерный способ финансирования, как правило, коллективной предпринимательской деятельности.

3. Акция закрепляет право на получение дивидендов. Но в зависимости от успешности предпринимательской деятельности и потребностей в финансировании акционерное общество-эмитент может не выплачивать дивиденды довольно длительное время. Предполагается, что терпеливые ожидания акционеров, годами не получающих дивиденды, со временем вознаграждаются очень большими выплатами из прибыли акционерного общества.

4. Акция в отличие от всех других ценных бумаг даёт право на участие в управлении акционерным обществом путем голосования за те или иные решения или против них на общем собрании акционеров. Согласно Федеральному закону «О рынке ценных бумаг», «акция – это эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права её владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Акция является именной ценной бумагой». При этом «эмиссионная ценная бумага – это любая ценная бумага, в том числе бездокументарная, которая характеризуется одновременно следующими признаками: закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных настоящим Федеральным законом формы и порядка; размещается

выпусками; имеет равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги» [3].

Все владельцы акций обязательно учитываются в реестре владельцев именных ценных бумаг. Деятельность по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг может осуществляться только юридическими лицами. Юридическое лицо, осуществляющее деятельность по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг, – регистратор, не вправе совершать сделки с ценными бумагами эмитентов, ведение реестров которых оно осуществляет. Не допускается совмещение деятельности по ведению реестра с другими видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Эмитент обязан поручить ведение реестра по всем своим именованным эмиссионным ценным бумагам одному регистратору [4].

С целью обеспечения экономической безопасности для владельцев бездокументарных ценных бумаг, повышения защищенности их прав как инвесторов, с целью построения единой учётной системы, которая со временем сделает возможной дематериализацию всех эмиссионных ценных бумаг, в Российской Федерации регламентируется депозитарная деятельность. Учётная система на рынке ценных бумаг интегрирует два взаимоконтролирующих «параллельно действующих» учётных института: организации, осуществляющие депозитарную деятельность, и организации, осуществляющие деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Учётная система на рынке ценных бумаг выпол-

няет функции подтверждения прав на ценные бумаги, а также подтверждения прав, закрепленных ценными бумагами, в целях передачи этих прав и их осуществления [5].

Таким образом, акции, будучи бездокументарными ценными бумагами, могут применяться и интенсивно применяются в предпринимательском обороте для осуществления и передачи прав, закрепляемых акциями; в Российской Федерации функционирует надлежащая инфраструктура.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах: федер. закон: [принят 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 28.12.2013)] // Российская газета. – №248, 29.12.1995.
2. Российская Федерация. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Российская газета. – № 238-239, 08.12.1994.
3. Российская Федерация. Законы. О рынке ценных бумаг: федер. закон [принят 22.04.1996 №39-ФЗ (ред. от 28.12.2013)] // Российская газета. – №79. – 25.04.1996.
4. Российская Федерация. Постановление ФКЦБ РФ от 02.10.1997 №27 (ред. от 20.04.1998) «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» // Вестник ФКЦБ России. – №7. – 14.10.1997.
5. Российская Федерация. Постановление ФКЦБ РФ от 16.10.1997 №36 «Об утверждении Положения о депозитарной деятельности в Российской Федерации, установлении порядка введения его в действие и области применения» // Вестник ФКЦБ России. – №8. – 05.11.1997.

УДК 347.195.3
ББК 65.272.21

ОБНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОНДА

М.В. Гончарова

Аннотация. Авторы исследуют юридическое лицо, являющееся некоммерческой организацией, которое может создаваться в организационно-правовой форме фонда. Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными. Вновь созданная законодателем норма – ст. 65.1. «Корпоративные и унитарные юридические лица» Гражданского кодекса РФ – относится к унитарным юридическим лицам, в частности, фонды. Унитарное юридическое лицо обладает имуществом неделимой целостности, в такой организации не могут возникнуть участники, члены, пайщики, акционеры, в отличие от корпоративных юридических лиц.

По мнению авторов, специальный Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» недопустимо противоречит ГК РФ, поскольку невозможно фонд, являющийся некоммерческим унитарным юридическим лицом, объявить не являющимся юридическим лицом. В то же время авторы согласны с законодателем, что коллективные инвесторы объединяют своё имущество в единый комплекс для более успешного инвестирования (получения высокой прибыли), это имущество, отграниченное от любого другого имуще-

ства любых других лиц, само по себе – действительно не юридическое лицо. Однако снова возникает противоречие с тем, что, и акционерный инвестиционный фонд, и паевой инвестиционный фонд создаются именно с целью получения прибыли коллективом инвесторов. Основной акцент, который пытался сделать законодатель, в том, чтобы отграничить имущество коллектива инвесторов от имущества всех других лиц. Но для этого не следует искажать содержательные установки ГК РФ об унитарных юридических лицах. Авторы предлагают в Федеральном законе от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» изменить словосочетание «акционерный инвестиционный фонд» на словосочетание «акционерная инвестиционная корпорация», а также изменить словосочетание «паевой инвестиционный фонд» на словосочетание «паевой инвестиционный имущественный комплекс».

Ключевые слова: цели, некоммерческий, общественный, социальный, полезный, унитарный, учредитель, фонд, неделимый, орган, юридическое лицо.

MODERNIZATION OF THE CIVIL-LAW REGULATION OF THE FUND

M.V. Goncharova

Abstract: The authors investigate legal person, that is been noncommercial organization, who can be created in the organizational - lawful form of fund. Legal persons, whose founders do not become their participants and they do not acquire in them the rights of membership, are unitary. The newly created by legislator standard - article 65.1. "Corporate and unitary legal persons" of the Civil Code RF carry to unitary legal persons, in particular, funds. Unitary legal person possesses the property of the indivisible integrity, in this organization cannot arise the participants, members, shareholders, shareolders, in contrast to corporate legal persons. In the opinion the authors, special Federal law from 29.11.2001 № of 156-FZ "About the investment trusts" inadmissibly contradicts CC RF, since it is not possible the fund, which is been noncommercial unitary legal person, to declare not being legal person. At the same time, the authors are agreeable with the legislator, that the collective investors unite their property into the single complex for the more successful investment (obtaining high profit), this property, delimited from any other property of any others, by itself actually not legal person. However, again appears contradiction with the fact that, and joint-stock investment trust, and share investment trust are created precisely for the purpose of obtaining profits by the association of investors. The basic accent, which attempted to make legislator, in delimiting of the property of the association of investors from the property of all others. But for this one ought not to distort meaningful installations CC RF about unitary legal persons. The authors propose in the Federal law from 29.11.2001 № of 156-FZ "About the investment trusts" to change word combination "joint-stock investment trust" to the word combination "joint-stock investment corporation", and to also change word combination "share investment trust" to the word combination "share investment property complex".

Keywords: purpose, noncommercial, public, social, useful, unitary, founder, the fund, indivisible, organ, legal person.

Федеральным законом от 05.05.2014 №99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [1] созданы некоторые новеллы в правовой регламентации юридических лиц. Рассмотрим далее юридическое лицо, являющееся некоммерческой организацией, которое может создаваться в организационно-правовой форме фонда.

Указанным Федеральным законом [1] в Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) введена новая ст. 65.1. «Корпоративные и унитарные юридические лица». Согласно ч. 2 этой статьи, «юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами». Вновь созданная законодателем норма далее относит к унитарным юридическим лицам, в частности, фонды.

В интернет-версии словаря Т.Ф. Ефремовой [3] слово «унитарный» трактуется как: 1) составляющий одно целое; объединенный, единый; 2) направленный к объединению, единству; объединяющий. В интернет-версии словаря Д.Н. Ушакова [4] находим похожее значение – (от лат. *unitus* – объединённый) объединяющий, единый. В.И. Даль в своём Толковом словаре живого великорусского языка [5] данный термин не рассматривает. В Большой Советской Энциклопедии «унитарный» трактуется (от франц. *unitaire*, от лат. *unitas*) как объединённый, единый, составляющий одно целое [6].

Опираясь на новую норму ГК РФ и этимологическое значение категории «унитарное юридическое лицо», следует сделать вывод, что такая организация обладает имуществом неделимой целостности, следовательно, в ней не могут возникнуть участники, члены, пайщики, акционеры, в отличие от корпоративных юридических лиц. Согласно ч. 1 ст. 65.1. «Корпоративные и унитарные юридические лица», «юридические

лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями)».

Однако в специальном законодательстве, например, в Федеральном законе от 29.11.2001 №156-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) [7], можно увидеть сразу два унитарных юридических феномена. Так, в ч. 1 ст. 2 «Понятие акционерного инвестиционного фонда» Федерального закона [7] установлено, что акционерный инвестиционный фонд – это открытое акционерное общество, исключительным предметом деятельности которого является инвестирование имущества в ценные бумаги и иные объекты, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Согласно ч. 3 ст. 3 Федерального закона [7], имущество акционерного инвестиционного фонда подразделяется на имущество, предназначенное для инвестирования (инвестиционные резервы), и имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов управления и иных органов акционерного инвестиционного фонда, в соотношении, определенном уставом акционерного инвестиционного фонда. Ст. 4 в ч. 1 устанавливает, что акционерный инвестиционный фонд не вправе размещать иные ценные бумаги, кроме обыкновенных именных акций. Акционером может стать любое лицо, кроме специализированного депозитария, регистратора, аудиторской организации, а также кроме физического лица или юридического лица, с которыми в соответствии с требованиями Федерального закона от 29 июля 1998 года №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» может заключаться договор на проведение оценки, если указанные лица заключили соответствующие договоры с этим акционерным инвестиционным фондом.

Особенно интересна ст. 5 Федерального закона [7], в которой закреплено, что акционеры акционерного инвестиционного фонда в определенных случаях вправе требовать выкупа принадлежащих им акций. В ст. 7 ч. 1 определено, что общее собрание акционеров акционерного инвестиционного фонда проводится в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» [8] с учетом особенностей, установленных данной статьей.

В акционерном инвестиционном фонде могут создаваться Совет директоров (Наблюдательный совет) и исполнительные органы акционерного инвестиционного фонда. Согласно ч. 1 ст. 9 Федерального закона [7] допускается реорганизация акционерного инвестиционного фонда

в форме слияния, разделения и выделения при условии, что в результате такой реорганизации будет создан (будут созданы) акционерный инвестиционный фонд (акционерные инвестиционные фонды). Также допускается реорганизация акционерного инвестиционного фонда в форме присоединения, если присоединяется к реорганизуемому акционерному инвестиционному фонду другой акционерный инвестиционный фонд (акционерные инвестиционные фонды).

Вторым унитарным юридическим феноменом в Федеральном законе [7] можно с полной уверенностью назвать паевой инвестиционный фонд. Согласно ч. 1 ст. 10, паевой инвестиционный фонд – это обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией. Паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом.

По нашему мнению, здесь специальный Федеральный закон [7] недопустимо противоречит ГК РФ, поскольку невозможно фонд, являющийся некоммерческим унитарным юридическим лицом, объявить не являющимся юридическим лицом. В то же время, соглашаясь с законодателем, что коллективные инвесторы объединяют своё имущество в единый комплекс для более успешного инвестирования (получения высокой прибыли), это имущество, ограниченное от любого другого имущества любых других лиц, – само по себе, действительно, не юридическое лицо. Возвращаясь к трактовке фонда как некоммерческой организации, снова возникает противоречие с тем, что и акционерный инвестиционный фонд, и паевой инвестиционный фонд создаются именно с целью получения прибыли коллективом инвесторов.

Паевой инвестиционный фонд есть обособленный комплекс имущества, которое передано в доверительное управление управляющей компании пайщиками – учредителями доверительного управления (в этот комплекс входит и прирост имущества, полученный в процессе такого управления). Каждый пайщик соглашается на объединение в единый фонд вкладываемых денег (имущества) с имуществом (деньгами) других учредителей доверительного управления. Право на долю собственности в таком фонде удостоверяется ценной бумагой, которая называ-

ется инвестиционный пай и выдается управляющей компанией.

Паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом, у него нет работников, как в обычной организации, всеми делами руководит управляющая компания. Она инвестирует деньги фонда в различные активы, прежде всего, ценные бумаги, затем в определенные моменты продаёт их дороже цены приобретения. Как и пайщик, управляющая компания заинтересована в максимальном увеличении доверенного ей капитала, размер ее вознаграждения, согласно договору доверительного управления, фиксируется именно как определённая часть (в процентах) прироста имущества инвестиционного фонда. Пайщик получает доход тоже от прироста стоимости своих паёв, когда их продает по цене, выросшей относительно цены приобретения [9].

По нашему мнению, термин «фонд» в Федеральном законе [7] законодателем привлечён ошибочно и неудачно. Основной акцент, который пытался сделать законодатель, состоял в том, чтобы отграничить имущество коллектива инвесторов от имущества всех других лиц. Но для этого не следует искажать содержательные установки ГК РФ об унитарных юридических лицах. Предлагаем в Федеральном законе [7] изменить словосочетание «акционерный инвестиционный фонд» на словосочетание «акционерная инвестиционная корпорация», а также изменить словосочетание «паевой инвестиционный фонд» на словосочетание «паевой инвестиционный имущественный комплекс». В остальных принципиальных аспектах считаем Федеральный закон [7] вполне работоспособным.

Правовым положением фонда законодатель начинает § 7 «Некоммерческие унитарные организации» обновлённой Гл. 4 ГК РФ. Согласно ст. 123.17 этого параграфа, фонд – это унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства, учреждённая гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели. Реорганизация фонда не допускается, за исключением реорганизации негосударственных пенсионных фондов. Здесь мы снова видим противоречия ГК РФ и Федерального закона [7]. Ст. 123.18 ГК РФ устанавливает, что имущество, переданное фонду его учредителями (учредителем), является собственностью фонда. Учредители фонда не имеют имущественных прав в отношении созданного ими фонда и не отвечают по его обязательствам, а фонд не отвечает по обязательствам своих учредителей. Фонд использует

имущество исключительно для целей, определенных в его уставе. Ежегодно фонд обязан опубликовывать отчеты об использовании своего имущества.

Из положений ст. 123.18 ГК РФ [2] видим, что, однажды создав фонд, в дальнейшем его учредитель (создатель) может вообще больше никогда судьбой своего творения не интересоваться. Таким создателем может быть, как минимум, один гражданин, как минимум, одно юридическое лицо, один гражданин и одно юридическое лицо и далее в бесконечных увеличенных сочетаниях и тех и (или) других. С позиции наполнения данной организации имуществом для ведения целевой уставной деятельности, очевидно, что фонд, за исключением нематериальных благ, результатов работ и оказания услуг, может получить любые объекты гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ [2]. Учитывая нашу практику, отметим, что в большинстве случаев фонд получает именно денежные средства, реже денежные средства в сочетании с объектом (объектами) недвижимости, ещё реже получает ценные бумаги.

Согласно ч. 2 ст. 123.17 ГК РФ, «устав фонда должен содержать сведения о наименовании фонда, включающем слово “фонд”, месте его нахождения, предмете и целях его деятельности, об органах фонда, в том числе о высшем коллегиальном органе и о попечительском совете, осуществляющем надзор за деятельностью фонда, порядке назначения должностных лиц фонда и их освобождения от исполнения обязанностей, судьбе имущества фонда в случае его ликвидации» [2].

Анализируя далее посвященные фонду ст. 123.19 и 123.20 ГК РФ [2]? находим целый ряд положений, отражающих свободу воли, характерную для развитых гражданских правоотношений. Исключительные компетенции в вопросах управления фондом имеет его высший коллегиальный орган. ГК РФ не запрещает, чтобы такой высший коллегиальный орган состоял, например, из двух человек (на наш взгляд, двое – это минимум для коллегиальности), а также не запрещает в таком органе два юридических лица, одно физическое лицо и одно юридическое лицо и далее в бесконечных увеличенных сочетаниях и тех и (или) других. Данный высший коллегиальный орган фонда *избирает* единоличный исполнительный орган фонда, например, директора (очевидно, термин «избирает» предполагает альтернативу, состязание, как минимум двух лиц). ГК РФ также не запрещает, чтобы единоличным исполнительным органом был избран некий гражданин, либо индивидуальный предприниматель,

либо юридическое лицо. При этом ч. 2 ст. 123.19 ГК РФ предусматривает, что высший коллегиальный орган фонда *может назначить* коллегиальный исполнительный орган фонда (правление) [2].

Как отмечено выше, устав фонда должен содержать сведения о высшем коллегиальном органе и о попечительском совете, осуществляющем надзор за деятельностью фонда, по нашему мнению, вполне допустимо совмещение этих двух упомянутых органов в одном, например, попечительском совете фонда. Действуя в интересах фонда лица из высшего коллегиального органа (согласно ч. 3 ст. 123.19 ГК РФ их должно быть не менее двух) *могут* потребовать от лиц, уполномоченных выступать от имени фонда, и причинивших убытки фонду, возместить такие убытки [2].

Согласно ч. 1 ст. 123.19 ГК РФ у высшего коллегиального органа фонда имеется исключительная компетенция, в частности, на изменение устава фонда, если эта возможность предусмотрена уставом. Если в уставе фонда не предусмотрена возможность его изменения никем, устав фонда никогда меняться не может. В то же время, согласно ч. 1 ст. 123.20 ГК РФ, устав фонда может быть изменен высшим коллегиальным органом фонда, если уставом не предусмотрена возможность его изменения по решению учредителя. Однако исследуя правовое положение фонда в целом, можно заметить, что единственным учредительным документом при создании фонда является его устав. Очевидно, что именно в этом уставе закрепляются фигуры (лица) высшего коллегиального органа фонда, а также фигура (лицо) единоличного исполнительного органа. Следовательно, если учредитель (создатель фонда) отнесётся к подготовке устава фонда жёстко консервативно, упомянутые фигуры теоретически обречены на вечную связь с таким фондом. Вместе с тем, в такой ситуации возможен юридический тупик, например, в случае ликвидации юридических лиц (смерти физических лиц), входящих в высший коллегиальный орган фонда. Следуя букве закона, такая же коллизия возможна в случае ликвидации юридического лица (смерти физического лица, индивидуального предпринимателя), избранного в качестве единоличного исполнительного органа фонда [2].

Следует поддержать предусмотрительность законодателя, отраженную в абз. 2 ч. 1 ст. 123.20 ГК РФ. Устав фонда может быть изменен решением суда, принятым по заявлению органов фонда или государственного органа, уполномоченного осуществлять надзор за деятельностью фонда. Это произойдёт в случае, если со-

хранение устава фонда в неизменном виде влечет последствия, которые было невозможно предвидеть при учреждении фонда, а высший коллегиальный орган фонда или учредитель фонда не изменяет его устав. Часть 2 ст. 123.20 ГК РФ закрепляет положения об исключительно судебной ликвидации фонда в ряде случаев [2].

Рассматривая унитарность фонда и некоммерческий характер его деятельности, следует обратить внимание прежде всего на то, что учредитель (учредители) при создании наполняют его имуществом неделимой целостности, что означает недопустимость его распределения (передачи, выплаты) никаким лицам. Судьба имущества фонда неразрывно связана с добровольностью надления его имуществом, а также с социальными, общественно полезными целями. Именно для этой благой высокой цели некие лица единовременно и навсегда отчуждают фонду своё собственное имущество, которое обратно из фонда получить невозможно.

К сожалению, такая вполне полезная и необходимая в современном гражданском обороте организационно-правовая форма унитарной некоммерческой организации, какой является фонд, иногда некорректно используется в нормативных правовых актах. Выше мы отмечали противоречия Федерального закона [7], документы Правительства РФ тоже содержат подобные ошибки. Это можно увидеть, например, в Распоряжении Правительства РФ от 13.04.2010 №544-р «О создании федерального государственного автономного учреждения «Российский фонд технологического развития» путем изменения типа существующего Федерального Государственного учреждения «Российский фонд технологического развития» [10]. Здесь уже в самом названии намешана чересполосица сразу трёх различных организационно-правовых форм некоммерческих организаций: автономная некоммерческая организация, учреждение, фонд.

В начале сентября 2014 г. премьер-министр РФ Д.А. Медведев подписал Постановление о создании в России фонда развития промышленности с объемом средств 18,5 млрд. руб. на три года: «Одна из основных задач нового фонда – выдача займов на этапе *предбанковского* (?) финансирования промышленных предприятий. Поддержка новых проектов особенно важна в самом начале – при проведении НИОКР, при составлении технико-экономического обоснования, работа этого фонда будет способствовать реализации научного потенциала нашей промышленности» [11]. Примечательно, что фонд создан из того же, упомянутого выше «Российского фонда технологического развития»,

планируется финансировать средние проекты от 150 млн. руб. до 2 млрд. рублей. Однако известно, что проекты с меньшими объемами кредитуется МСП Банк – дочерний банк Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», проекты с большими объемами кредитуется сам Внешэкономбанк. Непонятно, что помешало руководству Правительства РФ решить задачу финансового обеспечения средних проектов, поручив это какому-нибудь банку с государственным участием, выделив целевые бюджетные ассигнования.

По нашему мнению, повторно организационно-правовая форма фонда «упомянута всеу», поскольку просматриваются явно коммерческие цели кредитования коммерческих промышленных организаций. Возникает вопрос о повышенном риске «предбанковского» финансирования. Получается, что Правительство РФ, оберегая коммерческие банки от повышенных рисков, само рискует бюджетными деньгами налогоплательщиков. Также возникает вопрос, чем тогда с 2006 г. занято ОАО «Российская венчурная компания», в уставе которого (новая редакция), утверждённом распоряжением Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 28.05.2011 № 1029-р, в пункте 4.1 определено, что «Целью деятельности общества является: содействие реализации государственной политики в сфере развития российской инновационной индустрии и развития инфраструктуры инновационного рынка...» [12]. Поразительно, но и здесь в названии открытого акционерного общества, учредителем которого является сама Российская Федерация, мы видим, как снова намешана чересполосица двух различных организационно-правовых форм – акционерное общество и компания. Вопиющая безграмотность обнаруживается нами на официальном интернет-сайте ОАО «Российская венчурная компания» во вкладке «Краткая информация». Здесь официально и публично указано, что «ОАО «РВК» – государственный фонд фондов и институт развития Российской Федерации, один из ключевых инструментов государства в деле построения национальной инновационной системы» [12]. По нашему мнению, невозможно, чтобы акционерными обществами, учредителем ко-

торых является Россия, руководили настолько некомпетентные люди, допускающие такие безобразные ошибки, будто открытое акционерное общество – это фонд, причём не просто фонд, а фонд фондов.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон: [принят 05.05.2014 № 99-ФЗ] // Российская газета. – № 101. – 07.05.2014.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Российская газета. – № 238-239, 08.12.1994.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/> Ефремова Т.Ф. – М.: Русский язык, 2000.
4. Ушаков, Д.Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> Толковый словарь онлайн.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. В 4-х т. – СПб., 1863–1866.
6. Большая советская энциклопедия: В 30 т. [Текст]. – М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.
7. Российская Федерация. Законы. Об инвестиционных фондах: федер. закон: [принят 29.11.2001 №156-ФЗ (ред. от 12.03.2014)] (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Российская газета. – № 237-238, 04.12.2001.
8. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах: федер. закон: [принят 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 21.07.2014)] (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Российская газета. – № 248. – 29.12.1995.
9. Гончаров, А.И. Инвестиционный пай как удостоверение права на собственную долю имущества в фонде [Текст] / А.И. Гончаров // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. – № 3 (27). – Волгоград, 2014.
10. Собрание законодательства РФ, 19.04.2010, № 16, ст. 1967.
11. <http://ria.ru> – официальный Интернет-сайт Информационного агентства РИА Новости.
12. <http://www.rusventure.ru> – официальный Интернет-сайт Российской венчурной компании.

УДК 347.95
ББК 67.310

ОБЪЕКТЫ КАССАЦИОННОГО И НАДЗОРНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Я.Я. Кайль

Аннотация. Статья посвящена раскрытию объектов кассационного и надзорного обжалования в суде общей юрисдикции.

Ключевые слова: объекты обжалования, решения, определения суда.

THE OBJECTS OF CASSATION AND SUPERVISORY APPEAL

Y.Y. Kail

Abstract: The article is devoted to the disclosure of interest of cassation and Supervisory review in the court of General jurisdiction.

Keywords: the objects of appeal, decisions of the court.

С 1 января 2012 года вступили в законную силу изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, в частности, они коснулись глав, посвященных пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на объектах кассационного и надзорного обжалования.

В ст. 371 ч. 1 ГПК РФ закреплено, что вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Верховного Суда Российской Федерации, могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном главой 41 ГПК РФ, в суд кассационной инстанции.

В указанной статье не перечисляется, какие конкретно судебные акты могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции. Можно сделать вывод, что это решения (в том числе заочные), определения (обжалование которых прямо предусмотрено в ГПК РФ или они препятствуют дальнейшему движению дела), судебные приказы и апелляционные определения (за исключением тех, которые приняты верховным судом) и постановление Президиума, принятое судом субъекта, выступающего в роли первой кассационной инстанции. Причем судебные акты могут быть обжалованы как полностью, так и в части – это могут быть мотивировочная или резолютивная части. Можно подать кассационную жалобу как на все принятые по делу акты, так и на один судебный акт. Например, по делу принято решение и апелляционное определение, можно подать жалобу как на решение, так и на апелляционное определение, можно и на оба судебных постановления. Следует обратить внимание

на еще одно правило, закрепленное для мировых и районных судов: принятые ими акты по первой инстанции могут быть обжалованы в кассационную инстанцию дважды: один раз жалоба подается в суд субъекта, второй раз – в Верховный суд. Для судебных постановлений, принятых мировыми и районными судами, настоящим ГПК РФ не допускается возможность обжаловать их в суд надзорной инстанции.

Кроме того, в ч. 2 ст. 376 ГПК РФ закреплено еще одно важное правило: обжаловать судебные постановления можно при условии, что исчерпаны иные способы обжалования. То есть законодатель закрепляет право кассационного обжалования как исключительный случай, когда необходимо субъектам обжалования планомерно проходить судебные инстанции, а именно: сначала обратиться с апелляционной жалобой, и только после прохождения апелляционной инстанции предоставляется возможность подать кассационную жалобу. Срок обращения в суд кассационной инстанции составляет 6 месяцев со дня вступления в законную силу, обжалуемых актов.

Далее в ч. 2 ст. 377 ГПК перечисляются судебные постановления, которые могут быть обжалованы в кассационном порядке и указываются суды, в которые подаются кассационные жалобы. Кассационные жалоба, представление подаются:

1) на апелляционные определения верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов; на апелляционные определения районных судов; на вступившие в законную силу судебные прика-

зы, решения и определения районных судов и мировых судей – соответственно в президиум верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа;

2) на апелляционные определения окружных (флотских) военных судов; на вступившие в законную силу решения и определения гарнизонных военных судов – в президиум окружного (флотского) военного суда;

3) на постановления президиумов верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов; на апелляционные определения верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, а также на вступившие в законную силу решения и определения районных судов, принятые ими по первой инстанции, если указанные решения и определения были обжалованы в президиум соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, – в Судебную коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации;

4) на постановления президиумов окружных (флотских) военных судов; на апелляционные определения окружных (флотских) военных судов, а также на вступившие в законную силу решения и определения гарнизонных военных судов, если указанные судебные постановления были обжалованы в президиум окружного (флотского) военного суда, – в Военную коллегия Верховного Суда Российской Федерации.

В Постановлении Пленума от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм Гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (далее Постановление) по иному сгруппированы и перечислены объекты кассационного обжалования. В пункте 2 Постановления указано, что в соответствии с ч. 1 ст. 376, ч. 2 ст. 377 ГПК РФ в кассационном порядке могут быть обжалованы вступившие в законную силу:

- решения, определения районных судов, гарнизонных военных судов, мировых судей, принятые ими по первой инстанции, судебные приказы;

- решения, определения верховных судов республик, краевых, областных судов, окружных (флотских) военных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов (далее – областные и

равные им суды), принятые по первой инстанции по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (ст. 244.9, 244.10 ГПК РФ);

- апелляционные определения, вынесенные судами по результатам рассмотрения дел по апелляционным и частным жалобам, представлениям, за исключением апелляционных определений Верховного Суда Российской Федерации (пункты 4–5 ч. 2 ст. 391.1 ГПК РФ);

- определения, вынесенные судами апелляционной инстанции, указанными в п. 1 и п. 2 ст. 320.1 ГПК РФ, об оставлении без рассмотрения по существу апелляционных жалобы, представления на основании п. 4 ст. 328 ГПК РФ и другие определения;

- постановления президиумов областных и равных им судов.

Теперь перейдем к объектам надзорного производства. Ими в соответствии с ч. 1 ст. 391.1 являются вступившие в законную силу судебные постановления, указанные в ч. 2 данной статьи. В Президиум Верховного Суда Российской Федерации обжалуются:

1) вступившие в законную силу решения верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, принятые ими по первой инстанции, если указанные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации;

2) вступившие в законную силу решения окружных (флотских) военных судов, принятые ими по первой инстанции, если указанные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации;

3) вступившие в законную силу решения и определения Верховного Суда Российской Федерации, принятые им по первой инстанции, если указанные решения и определения были предметом апелляционного рассмотрения;

4) определения Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации;

5) определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и определения Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные ими в апелляционном порядке;

6) определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и определения Военной

коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные ими в кассационном порядке.

Проанализировав объекты надзорного пересмотра, можно сделать вывод, что из объектов надзорного производства выпадают судебные постановления, принятые мировым и районным судами. Для данных судов имеется возможность двух кассаций, но исключается надзорное производство.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ может рассматривать дела и в апелляционном, и в кассационном порядке. Судебная коллегия Верховного Суда РФ выступает апелляционной инстанцией для решений судов субъектов РФ, принятых ими по первой инстанции (ст. 320.1 ГПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 377 ГПК РФ, Судебная коллегия Верховного Суда РФ выступает в качестве кассационной инстанции для постановлений президиумов судов субъектов РФ; апелляционных определений судов субъектов РФ, а также на вступившие в законную силу решения и определения районных судов, принятые ими по первой инстанции. Как представляется автору, в надзорном порядке можно обжаловать именно результаты рассмотрения дела в кассационном порядке, но не сами акты суда, принятые им по первой инстанции (решения и определения).

В статье 391.1 ГПК РФ закреплено правило, аналогичное ч. 2 ст. 376 ГПК РФ: обжаловать судебные постановления в надзорном порядке можно при условии, что была обязательно пройдена апелляционная инстанция.

Кроме того, судебные акты могут быть обжалованы как полностью, так и в части – это могут быть мотивировочная или резолютивная части. Можно подать надзорную жалобу как на все принятые по делу акты, так и на один судебный акт.

Таким образом, схематично объекты кассационного и надзорного обжалования можно представить следующим образом:

Верховный суд РФ 1 А Н

Суд субъекта РФ 1 А Н

Районный суд 1 А К К

Мировой суд 1 А К К

где: 1 – это рассмотрение дела по первой инстанции;

А – это рассмотрение дела в апелляционной инстанции;

К – это возможность для данного уровня суда подать жалобу для рассмотрения дела в кассационной инстанции, при условии, что пройдена апелляционная инстанция;

Н – это возможность для данного уровня суда подать жалобу для рассмотрения дела в надзорной инстанции, при условии, что пройдена апелляционная инстанция

Срок на подачу надзорной жалобы указан в 391.2 ст. ГПК РФ и составляет 3 месяца со дня вступления в законную силу судебных постановлений, указанных в ч. 2 ст. 391.1 ГПК РФ. Однако в ч. 2 ст. 391.1 ГПК РФ перечислены объекты надзорного обжалования, сгруппированные в 6 групп, причем это и апелляционные определения, вступающие в силу со дня их принятия и определения, вынесенные в кассационном порядке, вступающие в силу также со дня принятия. Следовательно, корректнее было в данной статье закрепить норму, аналогичную ч. 3 ст. 292 АПК РФ, и указать, что срок 3 месяца исчисляется со вступления в силу последнего оспариваемого акта, принятого по данному делу, если исчерпаны другие возможности.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 14.11.2002 № 138-ФЗ, принят ГД РФ 23.10.2002 г. // *Собрание законодательства РФ* от 18.11.2002 г. – № 46. – Ст. 4532.

2. Постановление Пленума от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм Гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «Консультант плюс».

УДК 347.440.8(470)(450)
ББК 67.304

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

О.А. Сергачева

Аннотация. В статье автор анализирует положения законодательства о контрактной системе, регулирующие условия ответственности сторон государственного и муниципального контракта. Исследуются пробелы правового регулирования института государственного и муниципального контракта. Особое внимание уделяется правоприменительной практике, рассматриваются разъяснения ФАС РФ об условиях ответственности в контрактах.

Ключевые слова: ответственность, государственный (муниципальный) контракт, правоприменительная практика, контрактная система, неустойка, пеня, штраф.

ON SOME ISSUES OF APPLICATION OF RESPONSIBILITY BY GOVERNMENT (MUNICIPAL) CONTRACT

O.A. Sergacheva

Abstract: In this article the author analyzes the legal dispositions of the contract system, which regulate liability provisions of public and municipal contract. The gaps in the legal regulation of the institute of state and municipal contract are investigated. Special attention is paid to law enforcement, the explanations Russian Federal Antimonopoly Service on the conditions of liability in contracts.

Keywords: responsibility, state (municipal) contract, law enforcement practice, contract system, penalty, fine, surcharge.

Ответственность сторон государственного и муниципального контракта при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд традиционно является предметом как научных дискуссий, так и судебных разбирательств. Существенные недостатки правового регулирования отношений, связанных с установлением в государственном (муниципальном) контракте ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя), подвергались критике еще в период действия Федерального закона № 94-ФЗ (далее по тексту – Закон о размещении заказов) [6]. Такая критика была, безусловно, вполне обоснованной: в указанном законе отсутствовало положение об обязательном включении в текст контракта условия об ответственности заказчика за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, тогда как условие об ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) за подобные нарушения должно было быть включено в текст контракта в императивном порядке [6]. Неравенство правового положения сторон контракта проявлялось, кроме того, и в размере устанавливаемой ответственности: если для заказчика такой размер был фиксирован и ограничивался 1/300 действующей на день уплаты неустойки (штрафа,

пеней) ставки рефинансирования Банка России [6], то для поставщика указывался только нижний порог – не менее 1/300 такой ставки, верхнее же значение не ограничивалось. Таким образом, на практике в большинстве случаев складывалась ситуация, когда ответственность сторон государственного (муниципального) контракта была явно несоразмерна, причем заказчик как разработчик условий контракта, очевидно, устанавливал такие условия максимально в свою пользу. Недоработки законодателя частично были компенсированы судебными актами. Так, например, имел место случай, когда государственным контрактом размер неустойки для заказчика был установлен в размере 1/300 ставки рефинансирования Банка России за каждый день просрочки, а размер неустойки поставщика – пени в размере 10% от цены контракта за каждый день просрочки и, наряду с этим, единовременный штраф в размере 15% от цены контракта. Поставщиком несоразмерность неустойки была оспорена в судебном порядке, в конечном итоге Президиум ВАС РФ в Постановлении указал, что, согласно ст. 124 ГК РФ [1], публичные образования вступают в гражданские отношения на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами. Равные

начала предполагают сбалансированность мер ответственности, определенных для сторон одного договора при неисполнении ими обязательств [4]. Таким образом, суд пришел к выводу, что поставщику было неправомерно отказано в требовании о снижении размера неустойки, дело было направлено на новое рассмотрение.

Новое законодательство о контрактной системе, в первую очередь, Федеральный закон № 44-ФЗ (далее по тексту – Закон о контрактной системе) [5], более разумно и справедливо по сравнению с ранее действовавшими нормами урегулировало вопросы ответственности сторон государственного (муниципального) контракта. Так, в ст. 34 Закона о контрактной системе, посвященной контракту, содержится, во-первых, п.4, в соответствии с которым условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом, считается существенным. Во-вторых, предусмотренные этой же статьей штрафы и пени для поставщика (подрядчика, исполнителя) регулируются Правительством РФ (ч. 7, 8 ст. 34 Закона о контрактной системе), что исключает возможность установления недобросовестным заказчиком несоразмерных неустоек в условиях государственного (муниципального) контракта. Такие положения конкретизированы в Правилах определения размеров штрафа и пени, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 года №1063 [3]. В частности, размер штрафа за ненадлежащее исполнение поставщиком (исполнителем, подрядчиком) или заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, устанавливается условиями контракта в виде фиксированной суммы, рассчитываемой как процент цены контракта или ее значения. Что касается пени, то ее размер высчитывается по нескольким формулам, приведенным в указанных выше Правилах. Однако дискуссионным следует признать вопрос о том, каким именно образом в тексте конкретного государственного (муниципального) контракта необходимо указывать размер штрафа или пени, поскольку проект контракта составляется до начала процедуры выбора поставщика, когда окончательная сумма контракта еще неизвестна. Интересно в этой связи мнение Минэкономразвития РФ и Федеральной антимонопольной службы РФ [2], которые отмечают, что в проекте контракта целесообразно устанавливать штраф, размер которого поставлен под отлагательное условие. При этом необходимо указывать все возможные значения размеров этого штрафа, определенные в Правилах для каждого порогового значения цены кон-

тракта, за исключением тех пороговых значений, которые превышают начальную (максимальную) цену контракта; кроме того, необходимо также указывать в проекте контракта порядок и формулы расчета пеней в соответствии с Правилами [3]. Однако далее указано, что включение в проект контракта только ссылки на Правила не является надлежащим исполнением обязанности по установлению в контракте условия об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя). Последнее предложение представляется нам весьма неоднозначным по нескольким основаниям: во-первых, не вполне понятно стремление ФАС РФ обязать заказчиков дублировать положения Правил в тексте контракта целиком, «указывать все возможные значения размеров этого штрафа» – указанные Правила предусматривают зависимость размера штрафа от цены контракта, эти размеры фиксированы, поэтому произвол заказчиков в определении размера штрафа исключен. Во-вторых, даже если проект контракта содержит только ссылку на Правила, нормы Постановления Правительства, которым эти Правила утверждены, тем не менее, регулируют отношения заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя). В связи с этим позиция антимонопольного органа представляется не вполне обоснованной, особенно с учетом того факта, что, в соответствии с ГК РФ (ст. 332), кредитор вправе требовать уплаты неустойки, определенной законом, независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон.

Заслуживает внимание и новелла, введенная в текст Закона о контрактной системе в декабре 2014 года². Речь идет о ч. 6.1 ст. 34, где сказано, что «в 2015 году в случаях и в порядке, которые определены Правительством Российской Федерации, заказчик предоставляет отсрочку уплаты неустоек (штрафов, пеней) и (или) осуществляет списание начисленных сумм неустоек (штрафов, пеней)». Так, например, когда общая сумма начисленных неустоек превышает 20% цены контракта, предоставляется отсрочка оплаты на срок до окончания текущего финансового года. Списание производится, если величина начисленных неустоек составляет не более 5% цены контракта. Однако это возможно только при условии, что в 2015 г. поставщиком (подрядчиком, исполнителем) исполнены в полном объеме все обязательства по контрактам, за исключением гарантийных. Рассматриваемые положения предусмотрены в проекте Постановления Правительства РФ, которое, по всей вероятности,

² Введена Федеральным законом от 31.12.2014 № 498-ФЗ.

будет принято в ближайшее время. В условиях непростой экономической ситуации, сложившейся в последнее время, принятие подобных мер органами государственной власти, на наш взгляд, позволит функционировать контрактной системе в сфере закупок значительно более эффективно.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Письмо Минэкономразвития России от 08.10.2014 №Д28и-2129; Письмо ФАС РФ от 21.10.2014 №АП/42516/14.
3. Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 №1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, преду-

смотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» // СЗ РФ. – 02.12.2013. – №48. – Ст. 6266.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 №12945/13 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – №3.

5. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон: [принят 05.04.2013 №44-ФЗ] // СЗ РФ. – 08.04.2013. – №14. – Ст. 1652.

6. Российская Федерация. Законы. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: федер. закон: [принят 21.07.2005 г. №94-ФЗ] // СЗ РФ. – 25.07.2005. – №30 (ч. 1). – Ст. 3105.

УДК 341.9
ББК 67.52

**КРИТЕРИЙ «МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА»
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КОЛЛИЗИОННОМ ПРАВЕ**

И.Б. Иловайский

Аннотация. В коллизионном праве большинства стран основным статутом наследования является личный закон наследодателя. Он может выступать в двух формах: закон гражданства, т.е. закон государства, гражданином которого является лицо; или закон domicilia – закон государства, на территории которого лицо имеет постоянное место жительства. Именно вопросам понимания категории «место жительства» в отечественном праве и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: место жительства, lex domicilii, иностранный элемент, международное наследование, международное частное право.

THE CRITERION OF "RESIDENCE" IN THE DOMESTIC COLLISION LAW

I.B. Ilovaytskiy

Abstract: In the collision law of most countries, the major, the Statute of inheritance is the personal law of the testator. It can appear in two forms: the citizenship law, i.e. the law of the state of which the person; or the law of the jurisdiction the law of the state on whose territory the person has a permanent place of residence. It is to understand the category of "residence" in the domestic rights

Keywords: residence, lex domicilii, foreign element, international inheritance, private international law.

В конце 2011 г. в практике Нотариальной палаты Волгоградской области активно обсуждался любопытный прецедент, связанный с принятием наследства. Фабула дела состояла в том, что семья из г. Волгограда, муж и жена, оба – граждане Российской Федерации, зарегистрированные по месту жительства в нашем городе, после рождения у них внука в Израиле, выехали в эту страну, как надо предполагать, для оказания

практической помощи родителям этого маленького гражданина. Прожили супруги в Израиле более двух лет, после чего глава этой семьи ушел из жизни, что подтверждалось свидетельством о смерти, выданном в этом государстве. Вдова, в том числе в целях вступления в наследство после мужа, вернулась в Россию, где у них находилась в совместной собственности квартира и вклад в банке. При обращении в нотариальную контору

г. Волгограда, нотариус решил, что поскольку в правоотношение присутствует иностранный элемент, то для определения применимого права следует применить п. 1 ст. 1224 ГК РФ, в которой установлено, что отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено законом. Иное указано во 2-й части этой же нормы по отношению к наследованию недвижимого имущества. Применимым в этом случае будет право страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, производится по российскому праву. Так как наследодатель последние два года проживал именно в этом государстве, в котором и умер, то нотариус считал, что применимым к наследованию движимых вещей в рассматриваемом случае надо признать право Израиля, а к недвижимым право РФ. Такой поворот событий, в части наследования движимых вещей, для наследницы был, мягко говоря, несколько неожиданным.

Возникал вопрос: где взять в городе Волгограде источники израильского наследственного права? Если даже попытаться это сделать, и привлечь в качестве помощника проживающую в Израиле дочь, обратиться в официальные органы этого государства за предоставлением соответствующей информации, то становилось очевидным, что подобные действия повлекут значительные материальные и временные издержки с непонятным окончательным результатом... На практике подобная процедура вызывает значительные сложности даже у специально подготовленного отечественного юриста, что же можно говорить о неискушенной в праве женщине! Естественно, что наследница начала протестовать и требовать более приемлемого для неё решения. В силу изложенного этот случай и стал предметом широкого обсуждения, как среди нотариусов, так и среди представителей юридической общности Волгоградской области.

И действительно, что же считать местом жительства или домицилием, согласно российскому законодательству, и применительно к изложенному выше примеру, и вообще ко всем ситуациям в сфере отечественного международного частного права? Тем более, что определение применимого права по этому коллизионному критерию (на латинском языке он звучит как *lex domicilii* [1, с. 188]) широко используется и в Гражданском, и в Семейном кодексах РФ. Более того, законодатель употребляет различные словоформы указанного коллизионного принципа, например, просто «место жительства» (см. п. 3,

4 и 5 ст. 1195 ГК РФ, п. 1, 6, 7 и 8 ст. 1211 ГК РФ, п. 1, 2 и 3 ст. 1212 ГК РФ, ст.ст. 1217, 1217.1 ГК РФ, п.2 ст.1219 ГК РФ, п.1 и 3 ст. 1221 ГК РФ); «постоянное место жительства» (п. 4 ст.156 СК РФ и п.1ст.165 СК РФ); «совместное место жительства» (п.1. ст.161 СК РФ, ст.ст. 163 и 164 СК РФ) или «последнее место жительства» (см. ст. 1224 ГК РФ).

Обращение к нормам действующего российского законодательства не дает утвердительного ответа по рассматриваемой проблематике. Так, в п. 1 ст. 20 ГК РФ, указано, что местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. В ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [2] устанавливается, что место жительства – это жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда (служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии, жилое помещение маневренного фонда, жилое помещение в доме системы социального обслуживания населения и другие) либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Оценивая перечисленные нормы, приходится согласиться с мнением В.Л. Толстых, который указывал, что в «российском законодательстве нет четкого и единого понимания термина "место жительства"...», а вышеуказанные акты не носят конкретизирующего по отношению к части третьей ГК РФ характера...» [3, с. 138–139].

Тем не менее, в абз. 2 п. 17 Постановления от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» пленума Верховного Суда РФ, по сути, ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» была конкретизирована. Так, Верховный Суд РФ отметил, что «место жительства наследодателя может подтверждаться документами, удостоверяющими его соответствующую регистрацию в органах регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации ...» [4, с. 25]. Это же основание подтверждения последнего места жительства

наследодателя указывается в абз. 3 п. 6 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав Федеральной нотариальной палаты: «...для подтверждения места открытия наследства нотариусу представляются документы, выданные органами регистрационного учёта, подтверждающие регистрацию наследодателя по месту жительства» [5].

Использование признака «регистрации в органах регистрационного учета граждан РФ» для определения места жительства в определенных случаях, как, например, в приведенном выше примере из Волгограда, является вполне приемлемым решением проблем, возникших при определении применимого права. Однако использовать этот критерий для толкования термина «место жительства», установленного в тексте как ст. 1224 ГК РФ, так и в других нормах будет не всегда возможным. Более того, как нам представляется, он выглядит чрезмерно формальным, не учитывается и субъективный фактор, ведь наследодатель, уезжая из России, может не терять регистрацию в том или ином месте на её территории, но иметь твердые намерения не возвращаться РФ и, что называется, осесть в иностранном государстве.

Показательным в этом плане является следующий пример из нотариальной практики, приводимый докт. юрид. наук В.В. Ярковым и канд. юрид. наук И.Г. Медведевым. Наследодатель был зарегистрирован в России, а фактически с 1997 г. проживал за рубежом – в Канаде, на территории которой в 1999 г. был зарегистрирован его брак с гражданкой этой страны. В 2003 г. указанный гражданин умер. В состав наследственной массы после его смерти входило имущество, находившееся в разных государствах: денежные средства на банковском счете в России; автомобиль, переданный в пользование по доверенности дочери от предшествующего брака, который был расторгнут в 1990 г.; вклад в банке Монреаля и разнообразное движимое имущество в этом городе. Перед российским нотариусом, к которому дочь от первого брака наследодателя обратилась с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство, возник вопрос: какое право будет применимо к регулированию этого наследства, учитывая, что в 1997 г. наследодатель еще проживал в России и не утратил регистрацию на её территории.

Оценивая указанные фактические обстоятельства, В.В. Ярков и И.Г. Медведев предложили определить место открытия наследства по последнему фактическому месту жительства упомянутого лица, т.е. в Монреале. В качестве аргументов эти ученые-юристы указали на п. 1 ст. 20

ГК РФ, в которой местом жительства признается место, где гражданин постоянно проживает, а также на то, что во внимание должны быть приняты длительность проживания, наличие связей с социальным окружением (работа, дети в школе, супруга и др.), намерения лица (желание остаться навсегда и др.) и его правовое положение (виза, вид на жительство и др.). Таким образом, наследование всего движимого имущества на основе такого решения должно было бы регулироваться канадским законодательством (провинции Квебек) [6, с. 103].

Однако выбор права отечественным нотариусом можно было осуществить и на основе признака регистрации наследодателя в России, тем более, что она не утратила силу и именно на него, как на квалифицирующий признак сделано указание и в абз. 2 п. 17 Постановления ВС РФ от 29.05.2012 № 9 и в абз. 3 п. 6 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав Федеральной нотариальной палаты. Поэтому, если бы вопрос об определении места последнего жительства такого гражданина РФ решался в суде РФ, решение могло быть и иным.

Учитывая такого рода неоднозначные обстоятельства, в абз. 3 п. 17 Постановления ВС РФ от 29.05.2012 № 9 было указано, что в исключительных случаях факт места открытия наследства может быть установлен судом с учетом длительности проживания наследодателя в конкретном месте на момент открытия наследства, нахождение в этом месте наследственного имущества и другие обстоятельства, свидетельствующие о преимущественном проживании наследодателя в этом месте.

Так же осмотрительно к определению места жительства физического лица относится и Конституционный суд РФ. В Определении от 13.07.2000 № 185-О им было указано, что регистрация не может считаться главным признаком наличия места жительства в конкретном месте, оно может определяться судом и на основе различных юридических фактов (например, подтверждаемых договором найма с собственником жилого помещения, актом о вселении и т.д.) [7, с. 47]. А в Постановлении Конституционного суда РФ от 14.04.2008 г. № 7-П указанный выше тезис был конкретизирован: «...место жительства – это юридически зафиксированное жилище, которое является для него основным, куда он после непродолжительного либо длительного отсутствия намеривается вернуться, и наличие права пользования которым служит предварительным условием его регистрации по месту жительства» [8].

Тем не менее на практике все бывает не так однозначно, да и большинство приведенных выводов отечественных судов касалось дел о наследовании, поэтому более правильным нам представляется определять «место жительства» в каждом конкретном случае отдельно. Это понятие, указывает В.Л. Толстых, следует рассматривать не изолированно, а как часть отношения с участием иностранного элемента. Если «центр тяжести» отношения определяется по постоянно-му месту жительства, то для конкретизации места жительства необходимо учитывать специфику отношения. Поскольку отношения, для которых привязкой является закон места жительства, достаточно разнообразны, то и понимание этого термина не должно быть одинаковым. С одной стороны, такая размытость этой части коллизионной нормы способствует учету всех обстоятельств и достижению максимально эффективного решения; с другой – она требует высокой квалификации судьи или иного органа правоприменения, например, нотариата [3, с. 141–142].

Указанный подход в отношении domicilia считал наиболее правильным английский юрист Кук. Он рассматривал его как относительное понятие, меняющее свое значение в зависимости от различных ситуаций, к которым оно применяется. «Судья... неизбежно должен сосредоточивать свое внимание на стоящей перед ним конкретной проблеме, иначе он не учтет “социальных и экономических” требований ситуации. Смысл, придаваемый понятию “домицилий”, меняется в зависимости от характера возникающей проблемы: налогообложение, развод, наследование при отсутствии завещания и т.д. Иначе говоря, в каждом конкретном случае требуется решать, указывают ли конкретные фактические обстоятельства на наличие у лица такой связи с государством, чтобы для суда было разумно сделать то, что от него просят» [9, с. 199].

Подобный подход требуется тогда, когда существует пограничная ситуация и стоит проблема выбора между двумя конкурирующими правопорядками, каждый из которых может быть определен как правопорядок государства места постоянного жительства, как это было в изложенном примере со смертью российского гражданина в Канаде. Поэтому в каждом из случаев, когда невозможно дать четкое руководство о применимом праве, необходимо учитывать все сопутствующие обстоятельства. Соответственно, не требуется законодательного закрепления правил толкования указанного термина. Любые попытки определить «место постоянного жительства», не допуская при этом неточностей или исключений, невозможны. Общее понимание этого термина выглядит таким образом, что постоян-

ное место жительства – это место существования связей между лицом и государством, значимых для отношения, для которого определяется применимое право.

Поэтому более верным в оценке подобных ситуаций является решение Экономического суда СНГ «О толковании п. 1 ст. 28 и п. 1 ст. 29 Конвенции о правовых отношениях и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993» от 15.01.2002, вносящее некоторую ясность в понимание термина «постоянное или преимущественное место жительства», в котором было указано, что временное выбытие гражданина, в том числе за границу, на определенный срок не означает потерю им места жительства в государстве его гражданства. Поэтому в таком случае нет оснований для признания его проживания в другом государстве «преимущественным», как это имело место в практике отдельных судов, тем более что нормы национального права о месте жительства применяются для регулирования отношений внутри этого государства... Национальное законодательство не определяет, что понимается под местом постоянного жительства. В доктрине международного частного права под ним понимается «место сосредоточия жизненных связей лица, центр его существования». Следовательно, является ли место жительства супруга в государстве, гражданином которого он не является, местом его постоянного жительства, решается судом на основе выяснения всех обстоятельств, характеризующих его как место «сосредоточения его жизненных связей» (проживание совместно с ним детей, постоянная работа, длительность проживания, наличие вида на жительство и т.д.) [10].

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, юридическая категория «место жительства» широко употребляется в отечественных нормах права, что подтверждается приведенным выше перечнем норм Гражданского и Семейного кодексов РФ. Во-вторых, содержание указанного понятия не имеет единого, определенного и ясного понимания в отечественном законодательстве и правоприменительной деятельности. А поскольку, на практике эта дефиниция требует разъяснения и толкования, то существует значительное количество судебных актов (это и Конституционный суд РФ, и Верховный суд РФ, и Экономический суд СНГ), в которых эти органы пытаются интерпретировать данный термин. Однако приведенные решения приняты по различным, разрозненным, практическим ситуациям. Так, одни из них касаются толкования прецедентов, касающихся только территории РФ (определения и постановления Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ), другие возникают в

области международного частного права, в том числе в сфере применения международных договоров РФ с другими странами (частично Верховный суд РФ и Экономический суд СНГ). Все это отрицательно сказывается на работе правоприменительных органов как судебных, так и иных (например, нотариата, регистрации актов гражданского состояния, миграционной службы и т.д.). Поэтому – и это, в-третьих – с целью уменьшения возможности для злоупотреблений и неоправданного государственного вмешательства, было бы верным, если бы Верховный суд РФ дал бы единое для всех возможных вариантов разъяснение критерия «места жительства», в том числе согласовал свои выводы с доводами решения Экономического суда СНГ «О толковании п. 1 ст. 28 и п. 1 ст. 29 Конвенции о правовых отношениях и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993» от 15.01.2002.

Библиографический список

1. Лунц, Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. [Текст] / Л.А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – С. 188.
2. // Ведомости СНГ и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1227.
3. Толстых, В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкова-

ния и применения раздела VII части третьей ГК РФ [Текст] / В.Л. Толстых. – М.: Спарк, 2002.

4. Бюллетень ВС РФ. – 2012. – № 7.
5. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав // Утв. реш. ФНП от 27-28 февраля 2007 г. прот. № 02/07 (извлечение) / www.notariat.ru.
6. Международное сотрудничество в нотариальной и судебной сфере [Текст] / Под ред. В.В. Яркова, И.Г. Медведева // Центр нотариальных исследований. – СПб., 2006.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 13.07.2000 г. № 185-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Кушнарева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями Гражданского процессуального Кодекса РСФСР» // Вестнике Конституционного Суда РФ. 2001. – № 1. – С. 47.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 г. №7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2008. – № 18. – Ст. 2089.

9. Чешир, Дж. Международное частное право [Текст] / Дж. Чешир, П. Норт. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1982.
10. Решение Экономического Суда СНГ от 15 января 2002 г. № 01-1/3-2001 // Правовая система Гарант.

УДК 349.3
ББК 67.305

**ПРОБЛЕМАТИКА ВЫБОРА ПЕНСИОННОГО ФОНДА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В.В. Семенова

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы реализации пенсионной реформы и выбора пенсионного фонда в современных условиях. Анализируются особенности функционирования отдельных видов пенсионных фондов.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсионный фонд.

**THE PROBLEMATIC OF THE CHOICE OF PENSION FUND
IN THE CURRENT CONDITIONS**

V.V. Semenova

Abstract: The article deals with the problematic issues of implementation of the pension reform and choice of pension fund in the current conditions. Analyzes the peculiarities of individual types of pension funds.

Keywords: pension reform, pension fund.

Реформирование такого сектора, как пенсионное обеспечение граждан объект в реформации сложный и требующий внимательности к деталям, именно поэтому пенсионная реформа, создавшая текущее положение вещей была мно-

гоуровневой и всеобъемлющей. Поэтапность ее введения позволила снизить эффекты социально-экономического шока, существенно улучшить качество ее правового обеспечения.

В результате реформы принята двухуровневая система управления накопительной частью пенсии: гражданин может выбирать между Пенсионным Фондом РФ и одним из негосударственных пенсионных фондов. В случае размещения накопительной части пенсии в Пенсионный Фонд РФ застрахованное лицо может выбирать между государственной и одной из частных управляющих компаний.

Изначально не являлось секретом, что государству не по силам решить все вопросы, поставленные перед пенсионной реформой, в связи с этим на их решение были призваны негосударственные пенсионные фонды, которые получили право, наряду с Пенсионным фондом России, заключать договора по обязательному пенсионному страхованию. Таким образом, будущие пенсионеры получили возможность самостоятельно выбирать управляющую компанию (далее УК), которая будет управлять пенсионными накоплениями, или негосударственный пенсионный фонд (НПФ), в который переводятся средства из Пенсионного фонда России (ПФР). Однако у граждан возник справедливый вопрос: насколько можно доверять указанным организациям и как сделать правильный выбор? Ведь Пенсионный фонд России давно зарекомендовал себя в этой деятельности, а результаты работы НПФ и УК можно будет оценить только спустя некоторое время.

По результатам многочисленных обсуждений в конце 2012 г. был принят Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обязательного пенсионного страхования», направленный на оптимизацию расходов и обеспечение сбалансированности бюджета ПФР [2].

Исходя из положений указанного Закона основным нововведением является то, что формирование страховых пенсионных отчислений по выбору работника будет поручено негосударственному пенсионному фонду и управляющей государственной компании для инвестиционных проектов в размере 6% или при оставлении отчислений в государственном пенсионном фонде – в размере 2%. Если работник не сделает выбор самостоятельно, то за него это сделает государство: на отчисления будет начисляться 2% и они останутся в ПФР.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой: если гражданин хочет, чтобы его пенсионные отчисления проходили по тарифу 6%, то он должен перевести средства своей накопительной части трудовой пенсии в частную управляющую компанию или негосударственный пен-

сионный фонд, которым «Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» отводится одна из ведущих ролей в пенсионном обеспечении [4].

Вполне естественным процессом в таких условиях стал активный рост числа негосударственных пенсионных фондов. Предоставляя разные условия и гарантии, они обеспечивают конкурентоспособный рынок услуг, но вот дилемма выбора остается за вкладчиками.

Негосударственный пенсионный фонд (НПФ) – особая организационно-правовая форма некоммерческой организации социального обеспечения, исключительными видами деятельности которой являются:

- деятельность по негосударственному пенсионному обеспечению участников НПФ в соответствии с договорами негосударственного пенсионного обеспечения (НПО);
- деятельность в качестве страховщика по обязательному пенсионному страхованию в соответствии с Законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и договорами об обязательном пенсионном страховании (ОПС);
- деятельность в качестве страховщика по профессиональному пенсионному страхованию в соответствии с федеральным законом и договорами о создании профессиональных пенсионных систем (в настоящий момент не осуществляется по причине отсутствия соответствующего законодательства).

Таким образом, негосударственный пенсионный фонд представляет собой особый вид некоммерческих организаций и имеет специально созданную для осуществления своей деятельности организационно-правовую форму.

Работа негосударственного пенсионного фонда в соответствии с российским законодательством аналогична работе Пенсионного фонда РФ. Негосударственный пенсионный фонд, так же как и ПФР, аккумулирует средства пенсионных накоплений, организует их инвестирование, учёт, назначение и выплату накопительной части трудовой пенсии.

Пенсионная реформа одним своим появлением существенно изменила баланс пенсионных выплат в стране. Фактически направленная на улучшение финансового положения пенсионеров, она существенно усложнила саму систему пенсионных выплат и управление пенсионными накоплениями. По сути, навязывая населению данную реформу, их законодательно принуждали к проявлению инициативы.

Сама возможность подобной инициативы выражается в основном в двух аспектах – это возможность внесения дополнительных страховых взносов в пенсионный фонд и возможность управления накопительной частью пенсии в части выбора пенсионного фонда, который будет осуществлять сохранность и преумножение средств будущего пенсионера.

По данным социологических опросов, 59% россиян хотели бы самостоятельно откладывать средства на пенсию, но не могут себе этого позволить. Но, несмотря на существующие в этой сфере проблемы, у людей формируются высокие запросы к жизни на пенсии. Все большее число россиян, согласно исследованию, видят идеал в западных образцах поведения пенсионеров, предполагающих активный образ жизни на пенсии – походы в театр, путешествия. Более 50% россиян ориентируются преимущественно на традиционные средства дохода на пенсии, полагаясь на госпенсию или пенсию, большая часть из которой состоит из государственных средств.

На данный момент, помимо «Пенсионного Фонда России», существует ряд негосударственных пенсионных фондов, показывающих значительное экономическое превосходство по сравнению с ним, что поощряет стремление граждан к управлению своим пенсионным капиталом.

В рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению, негосударственные пенсионные фонды формируют средства пенсионных резервов. В соответствии с действующим законодательством, НПФ могут размещать свои пенсионные резервы самостоятельно или через управляющие компании. НПФ вправе самостоятельно размещать средства в государственные и муниципальные ценные бумаги, ценные бумаги субъектов РФ, на банковский депозит или в объекты недвижимости. Для инвестирования в иные активы фонд должен привлекать управляющие компании.

Отношения НПФ и управляющих компаний строятся на основании договоров доверительного управления и иных договоров, в зависимости от схемы работы НПФ на финансовом рынке. Управляющие компании обязаны иметь лицензию на все виды деятельности, по которым они осуществляют операции со средствами пенсионных фондов.

Размещение пенсионных резервов НПФ должно удовлетворять следующим требованиям:

- стоимость пенсионных резервов, размещенных в один объект, не может превышать 10% общей стоимости пенсионных резервов;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в ценные бумаги, не имеющие признаваемых котировок, не должна превышать 20% стоимости пенсионных резервов;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в ценные бумаги, выпущенные учредителями и вкладчиками фонда, не должна превышать 30% стоимости пенсионных резервов, за исключением случаев, когда указанные ценные бумаги включены в Котировальный лист РТС первого уровня;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в федеральные государственные ценные бумаги, не должна превышать 50% стоимости пенсионных резервов, за исключением случаев их приобретения в результате проведения новации;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в государственные ценные бумаги субъектов Российской Федерации и муниципальные ценные бумаги, не должна превышать 50% стоимости пенсионных резервов;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в акции и облигации предприятий и организаций, не должна превышать 50% стоимости размещенных пенсионных резервов;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в векселя, не должна превышать 50% стоимости размещенных пенсионных резервов;

- общая стоимость пенсионных резервов, размещенных в банковские вклады и недвижимость, не должна превышать 50% стоимости размещенных пенсионных резервов.

Существуют отступления от требования по обязательной диверсификации вложений НПФ, например:

- если общая стоимость размещенных пенсионных резервов фонда не превышает 1,5 млн. руб., процентные ограничения на размещение пенсионных резервов в федеральные государственные ценные бумаги и (или) банковские вклады (депозиты) банков не накладываются.

- если приобретаются паи паевых инвестиционных фондов, правилами и инвестиционной декларацией которых предусмотрено выполнение правил и требований, предъявляемых к НПФ, процентные ограничения на стоимость пенсионных резервов, размещенных в паи этих паевых инвестиционных фондов, не накладываются.

Однако в условиях свободного выбора пенсионного фонда человек сталкивается в первую очередь с необходимостью здоровой оценки возможностей и гарантий, а также финансовых перспектив данного фонда. Открытая, свободно

распространяемая информация зачастую недостаточна для составления полноценного прогноза, а возможная выгода несопоставима с рисками.

Исходя из характера развития фондов, можно условно выделить следующие типы НПФ:

1. Кэптивные – развивают преимущественно корпоративные пенсионные программы компаний-учредителей и их родственных структур. В портфеле активов под управлением значительно преобладают пенсионные резервы над пенсионными накоплениями (пример: НПФ Транснефть).

2. Корпоративные (условно кэптивные) – деятельность таких фондов по-прежнему основывается на обслуживании корпоративных пенсионных программ своих учредителей. При этом с каждым годом доля пенсионных накоплений в портфеле активов возрастает. Преимущественно изменение статуса с кэптивного на корпоративный связано с привлечением пенсионных накоплений имеющихся по корпоративным программам клиентов. Пример: НПФ Благосостояние, НПФ Норильский Никель.

3. Территориальные – действуют преимущественно в рамках отдельного региона или группы регионов. В большинстве случаев такие Фонды были образованы при поддержке действующей законодательной и исполнительной властей. Пример: Ханты-Мансийский НПФ, НПФ Эрэл.

4. Открытые (универсальные) – будучи в большинстве случаев независимыми от крупных финансово-промышленных групп, строят свою деятельность на обслуживании максимально широкого круга, как физических, так и юридических лиц. В активах обычно преобладают пенсионные накопления.

К сожалению, получив широкие полномочия в деятельности по пенсионному страхованию, некоторые НПФ злоупотребляют оказанным им доверием, о чем свидетельствуют результаты проверки Генеральной Прокуратуры РФ на предмет исполнения требований федерального законодательства о негосударственном пенсионном обеспечении и обязательном пенсионном страховании в негосударственных пенсионных фондах.

Проверка показала, что случаи неправомерного перевода средств пенсионных накоплений граждан из Пенсионного фонда Российской Федерации в НПФ или из одного фонда в другой в отсутствие их волеизъявления приобрели массовый характер. Значительное количество подобных фактов связано с незаконным использованием работниками НПФ и, главным образом, агентами фондов персональных данных граждан,

фальсификацией их подписей на документах, являющихся основанием перевода пенсионных накоплений [5].

Также нарушением требований законодательства в НПФ зачастую является то, что окончательно не разработаны типовые формы договоров негосударственного пенсионного обеспечения. Должным образом не соблюдаются требования к раскрытию информации в сети Интернет. Вкладчики не уведомляются о внесенных изменениях в пенсионные правила, не информируются о состоянии пенсионных счетов, выписки о состоянии солидарного счета им не направляются. Выявлены нарушения сроков и полноты представленной в Федеральную службу по финансовым рынкам России отчетности о результатах деятельности НПФ. Также установлены факты несоблюдения требований закона к содержанию распространяемой информации о деятельности НПФ, произвольного указания сотрудниками НПФ даты заключения договора об обязательном пенсионном страховании [6].

Выявленные нарушения во многом обусловлены несовершенством действующего законодательства, наличием многочисленных пробелов и коллизий правового регулирования деятельности фондов в сфере негосударственного пенсионного обеспечения и обязательного пенсионного страхования [4].

По этим причинам и в связи с возрастающим социальным и экономическим значением, негосударственные пенсионные фонды стали одним из наиболее важных контролируемых банком России объектов на финансовом рынке.

Статьей 76.1 Федерального закона № 86-ФЗ установлено, что целями регулирования, контроля и надзора за некредитными финансовыми организациями являются обеспечение устойчивого развития финансового рынка Российской Федерации, эффективное управление рисками, возникающими на финансовых рынках, в том числе оперативное выявление и противодействие кризисным ситуациям, защита прав и законных интересов инвесторов на финансовых рынках, страхователей, застрахованных лиц и выгодоприобретателей, признаваемых таковыми в соответствии со страховым законодательством, а также застрахованных лиц по обязательному пенсионному страхованию, вкладчиков и участников негосударственного пенсионного фонда по негосударственному пенсионному обеспечению, иных потребителей финансовых услуг (за исключением потребителей банковских услуг).

На мой взгляд, изначальная концепция пенсионной реформы 2002 года была неверной и преследовала цели, не столько анонсированные,

но строгую необходимость распределения финансовой обязанности по пенсионному обеспечению с государственных органов, непосредственно к пенсионным организациям, и теоретическая оправданность данной реформы с экономической точки зрения и в масштабах государства привела к глубокой социальной и юридической незащищенности граждан. Фактически на данный момент без дальнейшего реформирования пенсионной системы предоставленная свобода выбора пенсионного фонда непродуктивна и позволяет лишь минимизировать урон. В результате проведения анализа системы пенсионных фондов, действующих на территории Российской Федерации, следует заключить, что не было отмечено существенной разницы в экономической эффективности различных организаций, при условии примерно равной экономической и юридической защищенности следует отметить, что свобода выбора в контексте проблемы скорее иллюзорна.

Развитие негосударственных пенсионных фондов при одновременном упорядочивании законодательной базы, усилении контроля со стороны Банка России за аккумулярованием и инвестированием негосударственными пенсионными фондами пенсионных накоплений граждан, расширении допустимого списка инвестиционных активов негосударственных пенсионных фондов позволит ускорить темпы экономического роста России и создать стабильную внутреннюю инвестиционную базу для развития производства и

финансового сектора экономики страны, повысить уровень жизни населения пенсионного возраста.

Библиографический список

1. *Баланюк, Н.Ю.* Административно-правовое обеспечение деятельности негосударственных пенсионных фондов [Текст] / Н.Ю. Баланюк // Вестник Краснодарского университета МВД РФ. – 2013. – №3.
2. *Соловьев, А.К.* Актуарный прогноз долгосрочного развития пенсионной системы России [Текст] / А.К. Соловьев // Финансы. – 2012. – №5.
3. *Спирина, А.Н.* Интегрирование надзора за негосударственными пенсионными фондами и их активами в надзорную систему банка России [Текст] / А.Н. Спирина // Журнал: Деньги и кредит. – М.: Издательство: Центральный банк Российской Федерации. – 2014. – №12.
4. *Урываев, А.В.* Правовое регулирование и надзор за деятельностью негосударственных пенсионных фондов [Текст] / А.В. Урываев, В.В. Семенова // Материалы VI межвузовской и IV Всероссийской конференции студентов и молодых ученых «Защита прав человека отраслями Российского права». – Волгоград, 2014.
5. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-72518/> от 21.04.2014 г.
6. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.mosproc.ru/news/po_rezultatam_proverki_negosudarstvennyh_pensionnyh_fondov_i_upravlyayuschih_kompanij_prokuratura_vn/ от 22.04.2014 г.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ISSUES OF JUSTICE AND FIGHT AGAINST CRIME

УДК 343.1
ББК 67.311

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М.Т. Аширбекова

Аннотация. В статье рассматривается проблема признания принципа неотвратимости уголовной ответственности и его связи с принципом публичности. Утверждается, что эта связь органична для производства с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и выражена в предмете этого соглашения.

Ключевые слова: ответственность, принцип, соглашение, сотрудничество, показания, предмет договора.

THE REALIZATION OF THE INEVITABILITY OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

M.T. Ashirbekova

Abstract: The article discusses the problem of the recognition of the principle of inevitability of criminal responsibility and its relationship with the principle of publicity; this relationship is organic for production with the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation and expressed in the subject matter of this agreement.

Keywords: responsibility, principle, the agreement, cooperation, testimony, subject of the contract.

Известно, что УК РФ не предусматривает в числе своих принципов требование обеспечения неотвратимости ответственности и наказания. Законодательное же закрепление данного принципа означает, как думается, и его признание как такового. В.В. Мальцев отмечает, что признание неотвратимости ответственности в качестве принципа в целом возможно и зависит от выбора законодателя. По его мнению, неотвратимость ответственности охватывается принципом равенства граждан перед законом и является одной из форм его реализации. «Определив преступление как “виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания” (ч. 1 ст. 14 УК) и посчитав тем самым наказуемость одним из его признаков, казалось бы, нелогично не признавать неотвратимость

ответственности принципом Уголовного кодекса, поскольку в основе наказуемости преступления находится не что иное, как неотвратимость ответственности» [3, с. 105].

Иного мнения придерживается Л.В. Головкин: «Законодатель поступил бы более чем логично, не указав неотвратимость ответственности среди принципов нового российского уголовного права» [1, с. 354].

На наш взгляд, бытие неотвратимости уголовной ответственности не зависит от того, посвящена ли ему отдельная статья в УК РФ. Весь Уголовный Кодекс – подтверждение этого принципа, без которого само уголовно-правовое регулирование потеряло бы всякий смысл. В юридической науке принцип неотвратимости ответственности традиционно связывается с принци-

пом публичности уголовного судопроизводства [4, с. 81]. Однако существует и мнение, что степень взаимосвязи между этими принципами несколько преувеличена [1, с. 369].

Думается, что все же нельзя отрицать связь между материально-правовым принципом неотвратимости уголовной ответственности и уголовно-процессуальным принципом публичности. В то же время нельзя и не признать, что степень глубины такой связи различается в зависимости от степени общественной опасности преступлений, что и выражается в различии производств по уголовным делам в порядке публичного, частного-публичного, частного обвинения. К примеру, слабая связь этих принципов выражается в допущении самой возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием подозреваемого, обвиняемого (ст. 28 УПК РФ), по основаниям ст. 28.1 УПК РФ по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Иными словами, степень глубины взаимосвязи рассматриваемых принципов учитывается априори законодателем, исходя из категории преступлений.

Так, для категории тяжких и особо тяжких преступлений в силу их степени общественной опасности требуется интенсивная и эффективная организация производства по уголовному делу. Достижение неотвратимости ответственности при расследовании таких преступлений не может не обеспечиваться активностью, наступательностью как органов, выявляющих и раскрывающих преступления путем осуществления оперативно-розыскной деятельности, так и органов предварительного следствия. Процессуально-должностная активность субъектов, ведущих уголовный процесс, является одним из положений принципа публичности. Активность, как думается, должна выражаться и в использовании предусмотренного законом производства с досудебным соглашением о сотрудничестве между субъектами, осуществляющими уголовное преследование, и обвиняемым (подозреваемым) по нормам гл. 40.1 УПК РФ. Данное производство предпослано для расследования много эпизодных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Главное предназначение этого производства заключается в достижении публичного интереса по обеспечению неотвратимости уголовной ответственности за указанные преступления [2, с. 132].

Важно подчеркнуть, что речь идет не о наказании, иначе можно сделать вывод о призыве к культивированию карательного направления в уголовной юстиции. Речь идет об уголовной ответственности, которая как правовое средство поддерживает развитие и реализацию охранительных уголовно-правовых отношений. Уголовная ответственность как вид юридической ответственности выполняет в целом свойственную праву организующую (регулятивную) функцию [7, с. 412].

Именно в этом смысле она должна быть неотвратимой. Суть неотвратимости ответственности не в том, чтобы за каждое преступление следовали санкции в виде наказания, а в непременном реагировании на него со стороны компетентных государственных органов, должностных лиц [5, с. 469].

Непременное реагирование уполномоченных субъектов, конечно, вытекает из принципа публичности. Но оно важно не само по себе. Это реагирование должно быть результативным. Поэтому неотвратимость уголовной ответственности органично взаимосвязана с публичным интересом, правовое оформление и реализация которого заключается в требованиях принципа публичности. Думается, что в предмете досудебного соглашения о сотрудничестве отражается ориентирование на цель – неотвратимость уголовной ответственности. Однако нужно отметить, что это ориентирование связывается с предметом досудебного соглашения не прямо, а опосредованно.

Из содержания п. 6 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ видится, что предметом соглашения являются, буквально, «действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве». Законодатель в ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ сразу же предупреждает, что в предмет соглашения не входит сообщение обвиняемым (подозреваемым) сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Он должен предоставить сведения в отношении преступной деятельности своих соучастников или даже других лиц, не связанных с ним общей преступной деятельностью. Собственно, получение таких сведений и предполагается как эффективный путь к достижению результата – неотвратимости уголовной ответственности соучастников обвиняемого, который заключил соглашение о сотрудничестве.

На требование эффективности и результативности такого сотрудничества ориентируют положения п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, определяющие представление прокурора как некий

акт приемки выполненных обвиняемым обязательств. В них прокурору предписывается отражать значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, избличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления, а также преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым.

Эти же обстоятельства включены и в предмет исследования в судебном разбирательстве (п. 2 и п. 3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Они указывают на необходимость установления результата содействия, а не только на констатацию факта содействия как такового. Так, не исключены случаи, при которых обвиняемый, согласившийся на сотрудничество, предоставил искомые сведения, но они по разным причинам не обеспечили результата – не помогли раскрыть и расследовать преступление, избличить других соучастников преступления, разыскать имущество, добытое в результате преступления. Формально содействие было выказано, но оно оказалось безрезультатно с точки зрения публичного интереса.

В связи с этим видится необходимость уточнения нормативного определения предмета досудебного соглашения о сотрудничестве. В этих целях следовало бы положения п. 2 ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ дополнить предложением следующего содержания: «в том числе сообщить достоверные сведения о соучастниках преступления, о совершенных ими преступных действиях, о размере имущества, денежных средств и иных ценностей, добытых ими в результате преступления, способах и месте их сокрытия».

Можно возразить против этого предложения, указав, что и так ясно, что речь идет о результате содействия, поскольку публичный интерес заключается в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Ради этого и введен этот вид процессуального производства.

Однако, как думается, тут есть место для размышлений теоретического плана, связанных вообще с категорией договор и его предметом, а также объектом порождаемых им правоотношений [6, с. 61–67].

Уголовно-процессуальный договор (досудебное соглашение) формирует некий «анклав» процессуальной деятельности публичных и частных субъектов. В нем возникает группа факультативных внутренних правоотношений в рамках сложившихся и развивающихся обязательных

уголовно-процессуальных правоотношений, возникших в результате реализации норм уголовно-процессуального закона в связи с общим порядком производства по уголовному делу. Объект этих факультативных внутренних правоотношений и есть предмет договора (соглашения).

В общей теории права в качестве объекта правоотношений признаются не только блага или желаемое поведение субъектов, но и результат такого поведения. «Результаты поведения – это те последствия, к которым приводит то или иное действие или бездействие. Многие правоотношения и устанавливаются ради того, чтобы путем поведения лиц добиться определенного результата. В этом случае не само поведение будет объектом правоотношения, а именно результат поведения» [5, с. 427].

Кроме проблемы ясного теоретического определения предмета рассматриваемого уголовно-процессуального договора, есть, как думается, и основание для постановки проблемы законодательного аспекта. Эта проблема лежит на стыке совместимости публичного интереса (обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за преступные действия соучастников) и частного интереса обвиняемого (подозреваемого), согласившегося на досудебное сотрудничество. Речь идет об оценке показаний такого обвиняемого, данных им в качестве свидетеля в отношении других соучастников. В этом плане интересен вопрос: действуют ли в отношении такого обвиняемого-свидетеля правила благоприятствования защите, а именно отсутствие уголовной ответственности за дачу ложных показаний в отношении других обвиняемых?

Одно дело, когда такой обвиняемый сообщает в отношении самого себя недостоверные, заведомо ложные сведения с целью уклониться от уголовной ответственности за вмененное ему обвинение. Такая ситуация, как отмечается в литературе, является способом защиты от обвинения и поэтому такое лицо должно освобождаться от уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ [2, с. 165].

Другое дело, когда показания такого обвиняемого носят характер ложного доноса и никак не связаны с вмененным ему обвинением. По этому поводу высказывается мнение о том, что такой обвиняемый должен быть осужден за ложный донос [2, с. 165].

Однако надо иметь в виду, что положение такого обвиняемого – пограничное и неоднородное. Он – и обвиняемый, и свидетель. Кроме того, он участвует в соглашении, инициированном им самим по собственному волеизъявлению. Неоднородность его состояния как раз и обнаруживает в отдельном моменте проблему совмещения

публичного и частного интереса. Они, конечно же, должны быть сбалансированы, но при непременном уважении правила благоприятствования защите.

В то же время это правило не должно означать возможность для обвиняемого давать ложные показания в отношении других соучастников. В противном случае искажается само предназначение производства с заключением досудебного соглашения. Ложные показания в отношении других соучастников, данные обвиняемым в рамках досудебного сотрудничества, – свидетельство того, что он взял на себя «притворные» обязательства, приведшие, в конечном счете, к безрезультатности производства по делу в соответствии с правилами гл. 40.1 УПК РФ. Санкцией за такое поведение может быть только одно – признание соглашения недействительным, как и любой сделки при таких обстоятельствах, и, соответственно, перевод производства по делу в общий порядок (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ).

Библиографический список

1. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве [Текст] / Л.В. Головкин – СПб., 2002.
2. Кубрикова, М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Е. Кубрикова. – Челябинск, 2013.
3. Мальцев, В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности [Текст] / В.В. Мальцев. – СПб., 2004.
4. Названова, Л.А. О соотношении принципов социалистической законности и публичности в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / Л.А. Названова // Правоведение. –1990. – №2.
5. Общая теория права: курс лекций [Текст] / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний-Новгород, 1993.
6. Обыденков, А.Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора [Текст] / А.Н. Обыденков // Журнал российского права. – 2003. – № 8.
7. Теория государства и права [Текст] / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997.

УДК 343.62
ББК 67.308

**СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ
В УБИЙСТВЕ МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА**

А.С. Сенцов, В.А. Волколупова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к квалификации действий соучастников убийства матерью новорожденного ребенка, с учетом имеющихся в уголовно-правовой доктрине теоретических подходов к их решению. На основе проведенного авторского анализа таких подходов и сложившейся правоприменительной практики предлагаются авторские варианты решения рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: убийство, новорожденный, соучастие, мать, соисполнительство, квалификация преступления.

**COMPLEX ISSUES OF QUALIFICATION OF COMPLICITY
IN THE MURDER OF THE NEWBORN CHILD**

A.S. Sentsov, V.A. Volkolupova

Abstract: The article discusses issues relating to the skill level of the participants' actions, killing the mother of the newborn child, subject to existing criminal law doctrine of theoretical approaches to their solution. Based on the author's analysis of such approaches and the existing law enforcement practices can find original solutions to the issues.

Keywords: murder, newborn, complicity, mother, complicity, qualification of the crime.

В России в последние годы, а особенно в наступившем 2015 г. отмечаются устойчивые кризисные явления во всех сферах жизнедеятельности нашего общества. Наряду с экономическими и политическими проблемами в числе факторов со-

циальной напряженности одной из важнейших выступает проблема ненадлежащей защищенности личности от преступных посягательств.

Важным направлением уголовной политики на современном этапе развития России явля-

ется усиление охраны жизни и здоровья граждан от преступных посягательств.

Особое место среди преступных посягательств против личности занимают преступления против жизни детей, в частности убийства новорожденных. История детоубийства в русском праве показывает, прежде всего, противоречия во взглядах о сущности состава данного преступления в различные периоды развития общества.

Несмотря на то, что в последние годы количество регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка) невелико, его общественная опасность определяется тяжестью последствий, поскольку в результате совершения такого преступления лишается жизни совершенно беспомощный младенец, мать которого возлагает на себя право распоряжаться жизнью рожденного ею ребенка. По мнению некоторых исследователей статистические данные о количестве выявляемых убийств матерью новорожденных не в полной мере соответствует современной криминальной ситуации, поскольку не учитывается достаточно высокая степень латентности данного вида преступлений. Поэтому точные данные о количестве насильственных преступлений, связанных с умышленным лишением жизни новорожденных детей не возможно установить.

Как отмечает Е.Б. Кургузкина, за последнее столетие количество детоубийств возросло втрое, а за последнее десятилетие – более чем вдвое [4, с. 4].

Всего на территории Российской Федерации в 2009 г. было зарегистрировано 123 преступления, предусмотренных ст. 106 УК РФ, а выявлено лиц, их совершивших, – 97; соответственно, в 2010 г. – 103 (61), в 2011 г. – 108 (70), в 2012 г. – 106 (79), в 2013 г. – 97 (86) [6].

По данным Волгоградской областной прокуратуры, на территории Волгоградской области в 2011 г. всего было зарегистрировано 7 преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, в 2012 г. – 6, в 2013 г. – 4[7].

Однако данные цифры следует увеличивать в несколько раз, принимая тот факт, что подобные преступления зачастую маскируются под неосторожное причинение смерти либо под совершение аборта и т.п.

Достаточно часто в лишении жизни новорожденного ребенка совместно с его матерью принимает участие и другое лицо (например, сожитель, супруг, родственник и т.п.). Возможны различные варианты участия данных лиц в совершении убийства матерью новорожденного ребенка. Совместность участия имеет место в случае, если наряду с матерью новорожденного,

другие лица непосредственно принимают участие в процессе лишения его жизни, применяя насилие к младенцу, то есть фактически выступают в качестве соисполнителей. Однако соучастие возможно и в том случае, когда по просьбе матери новорожденного без оказания физического воздействия с ее стороны другие лица самостоятельно выполняют все действия, образующие объективную сторону убийства, и тем самым умышленно причиняют смерть младенцу. Допустима и ситуация, когда другие лица путем уговоров, угроз, обмана, подкупа и другими действиями склоняют мать новорожденного к убийству своего ребенка, при этом не принимая непосредственного участия в процессе лишения жизни младенца.

В ч. 4 ст. 34 УК РФ указано, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, может нести уголовную ответственность за данное преступление лишь в качестве организатора, подстрекателя либо пособника.

Однако при применении данного положения при квалификации действий соучастников убийства матерью своего новорожденного ребенка возникает ряд проблем. Так, например, возникает вопрос об условиях добровольного отказа от доведения данного преступления до конца со стороны лица, совместно с матерью умышленно причинившего смерть ее ребенку. Если действия соисполнителя квалифицированы как организаторство или подстрекательство, то данное лицо не подлежит уголовной ответственности лишь при условии, если он своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратил доведение преступления исполнителем до конца. Но, в случае признания его действий пособничеством, ему достаточно предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, независимо от наступления общественно опасных последствий в виде причинения смерти новорожденному.

Таким образом, при квалификации действий лиц, участвовавших в совершении рассматриваемого убийства в качестве фактических соисполнителей преступления, со стороны правоприменителя возможно проявление субъективизма.

В литературе высказываются различные позиции относительно квалификации действий лиц, участвующих совместно с матерью в умышленном лишении жизни новорожденного ребен-

ка. Противоречива и правоприменительная практика по данному вопросу.

Так, по мнению Э.Ф. Побегайло, действия соисполнителей необходимо квалифицировать по ст. 105 УК РФ, поскольку обстоятельства, смягчающие ответственность матери, на них не распространяются [3, с. 241]. Некоторые авторы предлагают в качестве самостоятельного вида соучастника выделить «соисполнителя преступления» [8, с. 22–24], в частности, признавать таковым лицо, которое выполняет преступное деяние совместно с исполнителем, но не обладает специальными признаками последнего. Такой подход позволяет признать возможность соисполнительства частных лиц в преступлениях со специальным субъектом [5, с. 7, 17, 21].

Н.К. Семернева полагает, что все иные лица, участвовавшие в убийстве матерью новорожденного ребенка, подлежат ответственности по другим статьям УК РФ, по которым рассматриваемое смягчающее обстоятельство не может быть применено [9, с. 42].

Существует и позиция, согласно которой случаи соисполнительства специальных субъектов преступления и частных лиц являются не соучастием в преступлениях со специальным субъектом, а особой разновидностью идеальной совокупности преступлений, и действия лиц, выступающих в качестве специальных субъектов преступления, следует квалифицировать по соответствующей статье Особенной части УК РФ, в которой установлена ответственность только специальных субъектов, а действия других соисполнителей – по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность общих субъектов преступления [10, с. 117–118].

С.С. Аветисян отмечает, что понятие и признаки специального субъекта преступления нельзя рассматривать в отрыве от других элементов составов преступлений. Исходя из этого, по его мнению, целесообразно выделять две самостоятельные группы преступлений: первая – это преступления, в которых только субъект является специальным, а вторая включает преступления, в составе которых все элементы – специальные. В соответствии с этим, в преступлениях со специальным составом соисполнителем могут быть только специальные субъекты, и действия лиц, не обладающих признаками специальных субъектов, должны квалифицироваться по правилам ч. 4 ст. 34 УК РФ. Если же в составе преступления специальным является только субъект, то соисполнителями таких преступлений могут быть и частные лица. В этом случае для

оценки их действий ч. 4 ст. 34 УК РФ не может быть применена [1, с. 347].

Интересна позиция В.П. Карлова, по мнению которого, если имеется предварительный сговор на совершение преступления и умысел на убийство ребенка реализуется именно в соучастии, то мать утрачивает правовые признаки специального субъекта, и ее действия, как и действия других лиц должны квалифицироваться на общих основаниях, т.е. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [2, с. 19–22].

На наш взгляд, заслуживает одобрения позиция о самостоятельной квалификации действий второго соучастника, отличной от квалификации действий самой матери.

Закрепленные законодателем в ст. 33 УК РФ основные правила оценки действий организаторов, подстрекателей и пособников, не означают автоматическую квалификацию деятельности указанных лиц по той же самой статье, по которой привлекается к ответственности специальный субъект преступления, в частности, мать новорожденного ребенка. Убийство матерью новорожденного ребенка выделено в качестве самостоятельного привилегированного состава преступления в связи с особым психофизиологическим состоянием матери как специального субъекта, следовательно признаки данного преступления могут относиться только к матери новорожденного и не могут распространяться на других соучастников преступления независимо от выполняемой ими роли. В частности, действия подстрекателя, который склонил мать к убийству своего новорожденного ребенка, следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК.

По нашему мнению, все соучастники убийства матерью новорожденного ребенка (организатор, подстрекатель, пособник) должны нести ответственность за квалифицированное убийство по признаку «убийство малолетнего» с обязательной ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Данное положение должно быть отражено в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Аветисян, С.С. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 6: Соучастие в преступлении [Текст] / С.С. Аветисян, Е.А. Галактионов, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Ермакова и др. – СПб., 2007. – 564 с.
2. Карлов, В.П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом [Текст] / В.П. Карлов // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 19–22.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1999.

4. Кургузкина, Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка [Текст] / Е.Б. Кургузкина. – М.: Изд-во «Логос», 2013.

5. Макарова, Т.Г. Соучастие в преступлении со специальным субъектом [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Макарова Т.Г. – СПб., 2000.

6. Состояние преступности за 1997–2013 гг. – М.: ГИАЦ МВД России, 2014.

7. Состояние преступности за 2013 гг. – М.: ГИАЦ МВД России, 2014.

8. Семенов, С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Семенов С.А. – М., 1999.

9. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов [Текст] / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М., 1997.

10. Шеслер, А.В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом [Текст] / А.В. Шеслер // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Материалы научно-практической конференции (3-4 февраля 2000 г.). – Красноярск, 2000.

УДК 343.132

ББК 67.311

К ВОПРОСУ О НЕПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОПОЗНАНИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.В. Шевчук

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы непроцессуального опознания в раскрытии и расследовании преступлений, определяется его сущность, субъекты, возможность использования его результатов в уголовном судопроизводстве. Определяется соотношение непроцессуальной и процессуальной идентификации.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, непроцессуальное опознание, оперативное распознавание, оперативное отождествление личности, субъекты непроцессуальной идентификации.

ON THE ISSUE OF NOT PROCEDURAL IDENTIFICATION IN DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

I.V. Shevchuk

Abstract: In article questions of not procedural identification in disclosure and investigation of crimes are considered, its essence, subjects, possibility of use of its results in criminal legal proceedings is defined. The ratio of not procedural and procedural identification is defined.

Keywords: criminalistic identification, not procedural identification, expeditious recognition, operational identification of the personality, subjects of not procedural identification.

Непроцессуальное опознание, или как его ещё называют, оперативная идентификация, является одной из форм криминалистической идентификации и, как справедливо отмечает П.С. Кузнецов, относится к активной поисковой деятельности компетентных государственных органов (должностных лиц) на базе сравнений отображений по их наиболее ярким, доминирующим признакам непосредственно в «полевых» условиях в целях быстрого получения ориентирующей информации и раскрытия преступлений [9, с. 68].

Анализ приведенного определения свидетельствует о том, что автор, во-первых, видит сущность оперативной идентификации в активной поисковой деятельности, основным элементом которой является сравнение отображений по

их ярким, доминирующим признакам. Во-вторых, поисковая деятельность определенных органов и их субъектов (должностных лиц) осуществляется в «полевых» условиях в целях быстрого получения ориентирующей информации и раскрытия преступлений. Причем оперативная идентификация осуществляется вне рамок уголовного процесса.

Отмечу, что оперативное отождествление, осуществляемое в «полевых» условиях для получения ориентирующей информации, следует считать предварительным отождествлением объекта, которое не нуждается в процессуальном оформлении, т.к. оно направлено на выявление одинаковых с искомым объектом идентификационных признаков, служащих основанием для ре-

шения в дальнейшем вопроса о проведении процессуальной идентификации. Рассматривая сущность непроцессуального отождествления, Н.Н. Гапанович отмечает, что если при проведении предварительного отождествления будет установлена принадлежность идентифицируемого объекта к другой группе, то в этом случае оно не нуждается в процессуальном оформлении.

В случае же совпадения индивидуально определенных идентификационных признаков, определения идентификационной связи между объектами предварительного отождествления процессуальная идентификация обязательна [3, с. 15].

Раскрывая сущность оперативно-розыскного опознания, А.Я. Гинзбург считает, что его содержание определяется результатами гласных и негласных мероприятий, направленных на поиск и отождествление личности, а также иных объектов-носителей доказательственной информации.

Отождествление личности в этих случаях, по мнению цитируемого автора, «...сопряжено с различными формами гласного и негласного оперативного опознания человека (в натуре, по фото-, кино-, видеоизображению, звукозаписи голоса и речи, синтетическим и рисованным портретам, маскам), а также иных объектов». Необходимость в таком опознании возникает в силу сложившихся обстоятельств, когда проведение предъявления для опознания, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, невозможно по разным причинам, но сам акт узнавания возможен, целесообразен, необходим и осуществим оперативно-розыскным путем.

В комментариях к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» также формулируются общие подходы к определению понятия оперативно-розыскного опознания. В названном законе оперативно-розыскное опознание именуется отождествлением личности [1. п. 7 ст. 6].

В.И. Михайлов под отождествлением личности понимает соотношение полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности данных о личности лица, возможно, имеющего отношение к совершению преступления, со сведениями об антропологических, динамических, физиологических и других признаках лица, зафиксированных в памяти очевидцев преступлений, информационных массивах, фотографиях, кино-, фото-, видео- и аудиопленках и на других носителях информации, и установление на этой основе его причастности к совершению преступления [5, с. 67–68].

А.Г. Маркушин считает, что суть отождествления личности как оперативно-розыскного

мероприятия заключается в идентификации лиц, причастных к преступлениям, находящихся в розыске либо неопознанных трупов [11, с. 173–177].

Е.С. Дубоносов отмечает, что отождествление личности заключается в установлении и идентификации личности проверяемого по различным признакам (отпечаткам пальцев, внешности, запаховым следам и следам оставленным на месте происшествия и др.) [10, с. 176].

Более емким, на наш взгляд, является понятие отождествления личности (оперативной идентификации), изложенное в комментарии Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» группой авторов (Кваша Ю.Ф., Сурков К.В., Башкатов Н.Н.), которые полагают, что отождествление личности (оперативная идентификация) является способом установления лиц, причастных к подготовке и совершению преступлений, либо находящихся в розыске. По мнению указанных авторов, оперативная идентификация – это непосредственное опознание таких лиц по признакам их внешности, голосу, другим приметам, а также применение информационного поиска в оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетах органов внутренних дел [8, с. 213].

Вольно или невольно авторы в своих определениях не смогли уйти от основных криминалистических положений о том, что процесс оперативного отождествления личности сводится к ее идентификации, содержание и тактика которой разработана криминалистикой.

Из данной посылки следует обоснованный в криминалистической теории вывод о том, что криминалистика тесно связана с оперативно-розыскной деятельностью, основы которой возникли в криминалистической науке.

Развитие криминалистических и тактических аспектов оперативно-розыскной деятельности происходит с учетом теоретических положений и рекомендаций криминалистики. В свою очередь, при разработке проблем криминалистики учитываются возможности оперативно-розыскной деятельности, определяемые ее теорией. Таким образом, современное развитие теоретических основ криминалистики и оперативно-розыскной деятельности осуществляется в условиях тесной взаимосвязи и взаимопроникновения.

Одним из элементов такой взаимосвязи, как нам представляется, является проблема соотношения уголовно-процессуального и непроцессуального опознания, именуемая в теории оперативно-розыскной деятельности «распознаванием». Сущность метода распознавания в теории опера-

тивно-розыскной деятельности состоит в выявлении лиц, представляющих оперативный интерес, на основе их групповой принадлежности или тождества по заранее известным индивидуальным признакам.

А.Я. Гинзбург отмечает, что в основе метода оперативного распознавания лиц, представляющих оперативный интерес, лежит психологический акт узнавания. Акцентируется внимание на том, что процесс оперативного распознавания используется исключительно в оперативно-розыскной практике и ее субъектами, которыми являются лишь сотрудники оперативных аппаратов УВД [4, с. 52].

Претензии на исключительность права распознавания, отождествления лица, причастного к совершению преступления, вне рамок уголовного процесса, по нашему мнению, недостаточно обоснованы.

Сам процесс отождествления личности в оперативно-розыскной деятельности, по нашему мнению, осуществляется на основе соотношения данных, находящихся в распоряжении сотрудника оперативного аппарата, о лице, имеющем отношение к совершению преступления, со сведениями об антропологических, динамических, [12, с. 80] физиологических и др. признаках лица, зафиксированных в памяти очевидцев криминального события, а также в информационных массивах, фотографиях, кино-, фото-, видео- и аудиопленках и на других носителях информации.

Учитывая, что отождествление личности в оперативно-розыскной деятельности осуществляется вне процессуальных рамок, есть основание полагать, что такое отождествление не имеет никаких отличий от непроцессуального отождествления, производимого следователями при определенных следственных ситуациях. Закон обязывает их принимать меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В числе таких мер не только не исключается, но и предполагается осуществление непроцессуального опознания непосредственно следователем или дознавателем вне процессуальных действий (использование средств массовой информации, розыскные действия на основе соответствующих признаков о подозреваемом и др.).

В этом варианте непроцессуального опознания, как и в процессе опознания, осуществляемого оперативными сотрудниками полиции, следователь осуществляет непроцессуальное опознание объекта путем узнавания, т.к. психологический факт узнавания одинаков во всех случаях.

Непроцессуальное опознание, проводимое следователем (дознавателем), является вынужденным, ибо оно обусловлено создающимися к моменту расследования следственными ситуациями, сущность которых, в основном, сводится к следующему: 1) опознающее лицо известно, опознаваемый объект известен, но его местонахождение неизвестно; 2) опознающее лицо известно, опознаваемый объект и его местонахождение неизвестно; 3) опознающее лицо известно, опознаваемый объект известен и известно его местонахождение.

В подобных ситуациях непроцессуальное опознание нередко организуется лицом, осуществляющим расследование по делу, а в ряде случаев проводится по его поручению работниками полиции. В зависимости от ситуации, целей опознания, наличия или отсутствия опознаваемого объекта или опознающего лица, можно выделить следующие виды непроцессуального опознания, осуществляемого как следователем, так и оперативным (или иным) работником органа дознания:

1. Опознание объекта (лица) по описанию признаков, составляемому по методу словесного портрета.

2. Опознание по изображению (фотографии, синтетический портрет, рисунки, видео-, киноизображения).

3. Опознание объектов-аналогов и их изображений.

Исследование практики применения этих видов непроцессуального опознания в следственных и оперативных аппаратах МВД, проведенное нами среди слушателей заочного обучения ВА МВД РФ показало, что из 100 опрошенных следователей непосредственно применяли отдельные виды такого опознания на уровне 3–4% от числа дел, находящихся в их производстве в 2014 году.

Опрошенные оперативные сотрудники полиции отметили, что в 2014 г. они в своей оперативно-розыскной практике по поручению следователей использовали данные методы лишь в 8% случаях по делам, находившимся в производстве следователей, и в 15% случаев по заданию старших оперативных начальников или же по собственной инициативе.

Результаты данного опроса подтверждают то, что оперативно-розыскное опознание личности не является исключительной прерогативой оперативных сотрудников.

«Оперативное опознание», по нашему мнению, получило такое наименование не от того, что оно используется в практике оперативных аппаратов, а по необходимости осуществления вынужденного действия, обусловленного сло-

жившейся следственной или оперативно-тактической ситуацией.

«Оперативно-розыскное опознание» (в литературе признается, что это обобщенное наименование, под которым можно понимать «оперативное распознавание», «оперативную идентификацию», «оперативное отождествление» «предварительное опознание») – это вынужденное, объективно обусловленное действие, осуществляемое вне процессуальных действий.

В целях более глубокого осмысления содержания этого понятия как обобщенного наименования (оперативно-розыскного опознания), так и его аналогов, мы предприняли попытку выделить наиболее общие положения, содержащиеся в этих наименованиях, и имеющиеся в них различия. К общим моментам, содержащимся в анализируемых определениях, по нашему мнению, следует отнести: 1) оперативно-розыскное опознание не урегулировано нормами уголовно-процессуального закона; 2) оперативно-розыскное опознание – действие объективно вынужденное; 3) субъектами оперативно-розыскного опознания могут быть: следователи, оперативные работники, специалисты, должностные лица административных служб органов внутренних дел; 4) оперативно-розыскное, оперативное опознание может осуществляться как до, так и после возбуждения уголовного дела. Общей является и цель непроцессуального отождествления – предварительное узнавание, причастного к совершению преступления. При этом процедура опознания (отождествления) осуществляется на основе сочетания гласных и негласных мероприятий.

Основным различием исследуемых понятий является то, что нет единства в наименовании данной формы криминалистической идентификации личности, не всегда четко просматриваются субъекты непроцессуального опознания и его главная цель. Нет единства мнений о значении результатов непроцессуального опознания лица, причастного к совершению преступлений.

Сходные и отличительные моменты, отмеченные нами в анализируемых определениях опознания, осуществляемого непроцессуальными способами, позволяют отметить его основные признаки.

Прежде всего, это действие непроцессуальное, объективно-вынужденное и осуществляется в условиях невозможности организации процессуального предъявления личности для опознания с учетом процессуальных правил и процессуального оформления результатов опознания.

Оперативно-розыскное опознание является одной из форм криминалистической идентификации, которая основывается на способности человека устанавливать тождество, сходство объектов или их различия, регулируется соответствующими законами Российской Федерации и адресовано преимущественно государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Оперативно-розыскное опознание может проводиться как до, так и после возбуждения уголовного дела, и осуществляется на основе сочетания гласных и негласных мероприятий.

Субъектами оперативно-розыскного опознания могут быть следователи (при осуществлении розыскных действий), сотрудники органов внутренних дел, сотрудники других государственных органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

В определенных случаях оперативно-розыскное опознание не препятствует последующему предъявлению объекта (лица) для процессуального опознания по правилам, предусмотренным УПК РФ.

Результаты оперативно-розыскного опознания, как правило, облекаются в форму непроцессуальных актов – рапортов, справок и имеют информационно-тактическое значение.

Акцентируя внимание на основных признаках, раскрывающих сущность общеупотребительного в криминалистической и процессуальной литературе термина «оперативно-розыскное опознание» (отождествление личности), мы считаем, что он ориентирует читателя на то, что субъектами такого опознания могут быть только лишь оперативные сотрудники, что не соответствует теории и практике использования этого вида криминалистической идентификации.

Ранее мы отмечали, что субъектами такого опознания наряду с оперативными сотрудниками могут быть и следователи. И, в частности, следователь является субъектом оперативной идентификации, как справедливо отмечал Р.С. Белкин: «...при производстве следственных действий, когда результаты идентификации играют не доказательственную, а ориентирующую роль и выступают в виде выводов следователя, не получающих отражение в процессуальных документах (в протоколах осмотра места происшествия, обыска и др.); идентификация в этих случаях осуществляется по материально-фиксированным признакам, по описанию или мысленному образу» [2, с. 281].

Кроме следователей субъектами так именуемого «оперативно-розыскного опознания» могут быть должностные лица административ-

ных служб органов внутренних дел, сотрудники спецслужб РФ и граждане.

Изложенное о сущности и содержании понятий непроцессуального опознания, именуемого в литературе «предварительным отождествлением», «оперативным опознанием», «отождествлением личности», «оперативной идентификацией» и, наконец, якобы общеупотребительным термином «оперативно-розыскное опознание» позволят нам сформулировать понятие этого вида криминалистической идентификации, практикуемой в следственной, оперативно-розыскной деятельности, а также в деятельности административных служб органов внутренних дел.

По нашему мнению, общеупотребительным термином данного вида опознания с учетом его правовой природы и цели должен быть термин «непроцессуальное опознание», в основе которого четко просматривается только непроцессуальная деятельность соответствующих должностных лиц правоохранительных органов. Характерной чертой непроцессуального опознания является то, что опознавательный процесс происходит вне какого-либо процессуального действия, но непроцессуальные опознавательные акты (справки, рапорты) учитываются при принятии решений по делу, в том числе и решений о проведении процессуального опознания.

На основе изложенного, мы считаем, что под непроцессуальным опознанием лица следует понимать закрепленную в законе разновидность криминалистической идентификации, используемую вне процессуальных действий в следственной, оперативно-розыскной и частично в административной деятельности с целью установления его тождества, сходства или различия с ранее воспринимавшемся лицом.

Думается, что сформулированное определение понятия непроцессуального отождествления личности не бесспорно и уязвимо для справедливой критики. Вместе с тем мы убеждены, что оно своим содержанием заставляет задумываться о непроцессуальном характере такого вида опознания, о его субъектах, о целях и тем самым определиться в вопросе соотношения двух видов опознания – процессуального и непроцессуального.

Результаты предъявления для опознания лица на предварительном следствии облакаются в форму процессуальных актов (протокол допроса опознающего, протокол предъявления для опознания – ст. 193 УПК РФ), которые приобретают силу доказательств по уголовному делу. Чтобы гарантировать достоверность результатов предъявления для опознания, законодатель установил правила, соблюдение которых при процес-

суальном опознании обязательно. Практически это означает, что предъявление для опознания – это процесс, который обстоятельно и всесторонне урегулирован нормами уголовно-процессуального закона.

Непроцессуальное опознание относится к нерегулируемому УПК России опознавательному процессу, конечный результат которого (акт опознания) происходит вне какого-либо процессуального действия. Необходимость внепроцессуального опознания возникает в силу сложившихся обстоятельств, при которых проведение предъявления для опознания в рамках уголовного дела и с соблюдением правил, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, невозможно по различным объективным причинам, но сам факт опознания возможен, целесообразен и необходим. В подобных ситуациях, а также в случаях, не терпящих отлагательств, факт опознания необходим и осуществим путем непроцессуального опознания.

В теории существует точка зрения, согласно которой непроцессуальное опознание подразделяется на допроцессуальное опознание, т.е. осуществляемое до возбуждения уголовного дела; внепроцессуальное опознание (случайное опознание), осуществляемое после возбуждения уголовного дела; оперативно-розыскное опознание. Подчеркивается, что механизм опознания во всех перечисленных случаях одинаков.

В зависимости от ситуации, складывающейся в следственной и оперативно-розыскной практике, на момент совершения преступления непроцессуальное опознание, осуществляемое до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела, имеет некоторые различия.

В определенной группе ситуаций первичное восприятие опознаваемого лица опознающим может происходить в обстановке, не связанной с совершением преступления, а повторное восприятие происходит в момент совершения преступления лицом, которое ранее воспринималось самим опознающим по каким-либо признакам, оставшимся у него в памяти от первичного восприятия опознаваемого в нейтральной обстановке. В подобных случаях необходимость в процессуальном опознании отпадает.

В другой группе ситуаций первичное восприятие имеет место в момент совершения преступления, а вторичное – после его совершения. Такое опознание потерпевшим (свидетелем-очевидцем) человека, совершившего преступление, может быть случайным или в результате проведенного непроцессуального опознания.

По сути дела, здесь нет препятствий для организации предъявления для опознания в со-

ответствии с нормой УПК, но только в том случае если перед этим оперативного опознания личности не проводилось. Иначе, с юридической точки зрения результат процессуального опознания может оказаться недопустимым доказательством, так как, по мнению А.Г. Маркушина, нельзя узнавать дважды одно и то же лицо по тем же признакам тем же опознающим [11, с. 175–177]. Несколько иначе интерпретируется возможность процессуально организовать предъявление для опознания живого лица, после оперативного опознания, если оно было осуществлено по фотографиям (фотоальбомам, имеющимся у оперативных сотрудников).

Рассмотренные проблемы соотношения процессуального и непроцессуального опознания привели нас к возможности выделения наиболее характерных признаков, раскрывающих правовую природу и сущность каждого вида опознания:

1. Предъявление для опознания – это следственное действие, урегулированное нормами уголовно-процессуального закона. Процедура предъявления для опознания связана с жестким требованием выполнения порядка и правил, предусмотренных нормами уголовно-процессуального закона. Результаты предъявления для опознания приобретают силу доказательств. Посредством предъявления для опознания проверяются показания потерпевших, свидетелей, обвиняемых, подозреваемых. Одной из задач предъявления для опознания может быть проверка версий. Кроме того, результаты процессуального опознания могут использоваться для уточнения конкретных действий, которые были совершены отдельными участниками преступления.

2. Непроцессуальное опознание – это внепроцессуальное действие, не урегулированное процессуальным законодательством и лишь наименованием «отождествление личности» обозначенное в п. 7 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Субъектами непроцессуального опознания могут быть следователи, лица, производящие дознание, сотрудники оперативных аппаратов, административных служб органов внутренних дел, граждане. Основная цель непроцессуального опознания – установление лиц, причастных к совершению преступления, установление места их нахождения, установление опознающего лица, получение инфор-

мации, имеющей значение для принятия решений по делу (выбор тактического приема для процессуального опознания, определение возможного поведения опознающего и опознаваемого и др.).

Опознавательные акты непроцессуального опознания (справки, рапорты, акты) судебной практикой доказательствами не признаются, но могут быть приобщены к делу по аналогии с иными документами.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон: [принят 12 августа 1995 г.] // СЗ РФ.
2. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997.
3. *Гапанович, Н.Н.* Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы) [Текст] / Н.Н. Гапанович. – Минск, 1975.
4. *Гинзбург, А.Я.* Тактика предъявления для опознания [Текст] / А.Я. Гинзбург. – М., 1971.
5. Комментарий к Федеральному Закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – М.: Вердикт-1, 1997.
6. Комментарии к Федеральному Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с постатейным приложением нормативных актов и документов / автор-составитель профессор Шумилов, А.Ю. – М., 2004. – 375 с.
7. Российская Федерация. Законы. Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. Чететина, А.Е. – Барнаул, 2007.
8. Комментарий к Федеральному Закону «Об оперативно-розыскной деятельности» под ред. Пономарева, П.Г. – М.: Новый юрист, 1997.
9. *Кузнецов, П.С.* Оперативная идентификация как фактор интенсификации деятельности по расследованию преступлений [Текст] / П.С. Кузнецов // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. – Свердловск, 1987.
10. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / под ред. проф. Дубоносова, Е.С. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2013.
11. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность [Текст]: учебник для вузов / А.Г. Маркушин – М., ЮРАЙТ, 2012.
12. *Чулахов, В.Н.* Криминалистическое учение о навыках и привычках человека / В.Н. Чулахов. – М., 2007.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

LEGAL REGULATION OF NATURE PROTECTION

УДК 349.6
ББК 67.407

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРИРОДОРЕСУРСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

А.П. Анисимов, А.Ю. Чикильдина

Аннотация. Исходя из тезиса о необходимости формирования концепции государственной природоресурсной политики на ближайшие годы, ученые анализируют отдельные документы, отражающие правовую политику использования отдельных природных ресурсов (лесных, водных и т.д.). Авторы статьи отмечают несформированность политики землепользования и обосновывают концепцию правовой политики использования природных ресурсов как комплексный документ, содержащий направления совершенствования механизма управления земельным фондом, водным фондом, лесным фондом, недрами и минеральными ресурсами, ресурсами фауны.

Ключевые слова: природные ресурсы, правовая политика, управление природопользованием, концептуальный подход, программный подход.

ACTUAL ASPECTS OF FORMATION AND REALIZATION OF NATURAL RESOURCE POLICY OF RUSSIA

A.P. Anisimov, A.Y. Chikildina

Abstract: Proceeding from the thesis about need of formation of the concept of the state nature-resource policy for the next years, scientists analyze the separate documents reflecting legal policy of use of separate natural resources (forest, water, etc.). Authors of article note not formation of policy of land use and prove the concept of legal policy of use of natural resources, as the complex document containing the directions of improvement of the mechanism of management of land fund, water fund, forest fund, a subsoil and mineral resources, fauna resources.

Keywords: natural resources, legal policy, management of environmental management, conceptual approach, program approach.

Правовая политика использования природных ресурсов России изначально формируется в отечественной правовой системе как часть государственной экологической политики, однако в связи с переходом к рыночной экономике назревает необходимость формирования концепции государственной природоресурсной политики как одного из важнейших звеньев системы охраны окружающей среды, учитывающей ориентиры экономического развития страны и государ-

ственной политики в сфере оборота недвижимости. Современное положение России как мировой «кладовой природных запасов» и энергетической державы свидетельствует о большом значении экономических ориентиров, заложенных в правовую политику страны и зависимость других стран от стабильности экологической сферы, обеспечения природными ресурсами её отдельных регионов. Несмотря на отдельные заявления зарубежных политиков и руководителей об изо-

лированности российской экономики и её упадке, РФ до сих пор остается единственной страной, обладающей значительными лесными площадями, запасами пресной воды и земельными ресурсами. Например, в России сосредоточено более 20% мировых запасов пресных поверхностных и подземных вод. В связи с этим актуально звучат высказывания зарубежных ученых о том, что природные ресурсы страны – это «экологический капитал», на котором строятся важнейшие отрасли экономики, удовлетворяющие потребности нации [15, с. 22]. Однако большое значение имеет не само наличие природоресурсной базы, сколько грамотное и эффективное управление природными ресурсами, выстраивание международных связей, направленных на сотрудничество с перспективными регионами. Отдельные направления правовой политики в сфере природопользования в современных условиях приобретают международное значение. Например, по справедливому замечанию Р.А. Степаненко, «эффективная политика в сфере использования земельных ресурсов способна предотвратить споры, обеспечить охрану государственных земель и земельных владений уязвимых групп населения, а также вполне может способствовать даже предотвращению международных конфликтов» [11, с. 133–141]. Учитывая важнейшее экономическое, политическое значение правовой политики в данной сфере необходимо определиться с понятием «правовая политика» и соотношением данного понятия с «государственной политикой» в аналогичной сфере.

Начнем с того, что в юридической литературе правовая политика применяется для обозначения «объективно обусловленного и целенаправленного участия больших масс людей, организованных социальных групп в делах государства, в решении проблем, относящихся к жизни общества в целом, с помощью использования властных механизмов» [7, с. 9], а также «стратегии, определенной линии деятельности» [6, с. 64].

Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.В. Шундилов определяют правовую политику как деятельность уполномоченных субъектов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры, правовой жизни общества и личности [3, с. 28].

Как правило, правовая политика употребляется как синоним «политики государства в области права» [14, с. 42], «политики, осуществ-

ляемой с помощью правовых средств» [3, с. 15], и «стратегии и тактики правового пути развития общества, государства, страны» [5, с. 69]. О наличии правовой политики в определенной сфере свидетельствуют особые юридические средства – совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной политики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей [13, с. 119]. Более того, правовая политика в идеале должна иметь свои стратегии и тактику, ясные и обоснованные цели [3, с. 49]. По мнению В.А. Рудковского, «смысл и назначение государственно-правовой политики ... состоит в том, чтобы на основе всестороннего учета интересов субъектов гражданского общества вырабатывать и проводить в жизнь такую государственно-правовую стратегию, которая могла бы служить источником консолидации социальных сил, основой стабильного и поступательного правового развития общества» [9, с. 167]. Такая «стратегия государства» непременно отражается документально, иначе она не может называться правовой, причем на практике правовая политика не всегда определена концептуальным документом, а её отдельные направления заложены как актуальные направления правового регулирования в различных документах, имеющих программный характер, и лишь путем систематизации и обобщения официальной информации можно сделать вывод, что определена политика в ключевых сферах жизнедеятельности.

Правовая политика использования природных ресурсов в настоящее время отражается в различных документах. Её основным недостатком является то, что она не определена стратегически в едином документе и не учитывает многих межотраслевых аспектов, связанных с управлением природными ресурсами и комплексами как объектами гражданских прав, используемыми в хозяйственной деятельности.

В 2013 г. была впервые утверждена комплексная государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов» (см. Распоряжение Правительства РФ от 26 марта 2013 года № 436-Р), которая направлена на решение важнейших вопросов использования и сохранения минерально-сырьевых, водных и охотничьих ресурсов. Данная программа предполагает создание современных геологических карт территории страны; формирование поискового задела по перспективным площадям интенсивно добываемых полезных ископаемых. Вторая поставленная задача касается водохозяйственного комплекса. Необходимо внедрить в производство современные водосберегающие техно-

логии, снизить уровень транспортных потерь воды, установить системы учета на водозаборах и в квартирах. Следует повысить защищенность населения и объектов экономики от наводнений. Третье направление программы – совершенствование системы охраны и воспроизводства животного мира и лесных экосистем. Программа рассчитана на 2013–2020 годы. Общий объем ее финансирования превышает 3,5 трлн. рублей. Причем подавляющая часть этих средств – деньги недропользователей.

Ещё одним комплексным документом, определяющим государственную политику в сфере использования природных ресурсов является Энергетическая стратегия РФ, целью которой является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций. Российский энергетический сектор – один из основных источников загрязнения окружающей среды. По официальным данным Минэнерго РФ, на его долю приходится более 50% выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и более 20% сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы, а также более 70% суммарной эмиссии парниковых газов в РФ. Обеспечение экологической безопасности функционирования энергетического сектора России предусматривает минимизацию негативного влияния добычи, производства, транспортировки и потребления энергоресурсов на окружающую среду и климат (подробнее см.: <http://www.minenergo.gov.ru>). За годы реализации Энергетической стратегии России на период до 2020 г. был достигнут существенный прогресс в сфере повышения экологической безопасности энергетики. Были ужесточены экологические требования в области недропользования, разработан комплекс мер по эффективному использованию попутного нефтяного газа, разработана система государственной экологической экспертизы инвестиционных проектов в энергетике.

В сфере водопользования действует Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 27 августа 2009 г. № 1235-р. Реализация этого документа возложена на Минприроды России, Минэкономразвития России, Минрегион России, Минсельхоз России, Минтранс России, Минэнерго России и Минпромторг России. Как отмечается в данном документе, к основным проблемам водохозяйственного комплекса относятся нерациональное использование водных ресурсов, дефицит воды в отдельных регионах, гидрологические риски (паводки, наводнения и т. п.), низкое качество питьевой воды, ограниче-

ния доступа к централизованным системам водоснабжения во многих селах и городах. В связи с этим стратегия направлена на стимулирование сокращения водопотребления, внедрение водосберегающих технологий. В настоящее время реализуется 2-й этап данной стратегии. На 1-м (2009–2012 гг.) приоритетными направлениями были повышение защищенности от негативного воздействия вод, ликвидация экологического вреда и улучшение водообеспеченности отдельных регионов. На 2-м этапе (2013–2020 гг.) осуществляется модернизация водохозяйственного комплекса, научно-технической и технологической баз, внедрение инноваций, кадровая реформа.

Следующим важным природным ресурсом являются леса. Лесная политика России основывается на том, что «организация рационального использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов России является стратегически важной задачей» [8, с. 23]. С 2003 года в РФ разработаны концептуальные направления развития лесного хозяйства, была утверждена Концепция. В 2008 г. была разработана и утверждена Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 г. (см. приказ Минпромторга РФ № 248, Минсельхоза РФ № 482 от 31.10.2008). В качестве основных стратегических целей развития лесного комплекса Стратегия предусматривает необходимость обеспечения устойчивого управления лесами, сохранение и повышение их ресурсно-экологического потенциала, повышение вклада лесного комплекса в социально-экономическое развитие субъектов РФ, в обеспечение экологической безопасности и стабильного удовлетворения общественных потребностей в ресурсах и услугах леса. Для достижения поставленных целей Стратегией предусматривается решение задачи по совершенствованию организационной и функциональной структуры государственного управления лесами.

В Стратегии признается необходимость совершенствования лесного законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и определяются направления дальнейшего развития системы лесного планирования на федеральном, региональном и местном уровнях. Предполагается дальнейшее развитие рыночных экономических механизмов использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, а также материально-технической базы лесного хозяйства. В Стратегии определяется комплекс мер по обеспечению современного уровня охраны и защиты лесов, а также гарантированного воспроизводства лесных ресурсов на основе организационно-технических, технологических и инновационных решений.

Таким образом, приоритеты и цели государственной политики в сфере лесных отношений определяют необходимость комплексного решения задач лесного хозяйства, направленных на обеспечение непрерывного, неистощимого, рационального и многоцелевого использования лесов с учетом их социально-экологического значения.

В настоящее время реализуется государственная программа РФ «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг., утв. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 318, что свидетельствует о наличии не только концептуального, но и программного подхода в реализации лесной политики РФ.

Слабым местом современной отечественной правовой политики использования природных ресурсов является политика использования земель [10, с. 34]. Несмотря на то, что были утверждены Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2017 гг. (см. Распоряжение Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р) и были определены цели, задачи и направления реализации государственной политики по управлению земельным фондом, под которым понимается совокупность всех земельных участков и земель, расположенных в границах территории Российской Федерации, выявлены приоритетные направления совершенствования правовых, экономических, социальных и организационных условий для развития земельных отношений, представленные основы развития правового регулирования использования земельных отношений не отличаются системным характером, отсутствуют программы реализации данных направлений. В свою очередь отсутствие механизмов реализации направлений, определенных в Основах, свидетельствует о недоработанности и низкой степени эффективности политики землепользования. Именно поэтому обозначенные в упоминаемом документе задачи, такие как создание условий для организации рационального и эффективного использования земельных участков, включающих в себя учет общественных и отраслевых потребностей, требования устойчивого развития территорий, а также соблюдение гарантий прав участников земельных отношений и обеспечение условий для повышения эффективности гражданского оборота земельных участков, до сих пор не решены. В связи с этим весьма актуальны предложения ученых о подготовке Концепции развития земельного законодательства [1; 2; 12].

В целом современное регулирование отношений в сфере природопользования требует концептуального подхода в правовом плане и

установлении векторов развития правовой политики. Учитывая то, что Российская Федерация является страной с богатейшим природоресурсным потенциалом необходимо проводить серьезный анализ насколько эффективно использование этих ресурсов и создавать необходимые правовые механизмы для реализации мер в этой сфере. Несмотря на внедрение программного подхода в части формирования стратегических направлений природопользования упускаются важнейшие аспекты концептуального развития законодательства.

Низким остается уровень информированности населения о результатах претворяемых в жизнь направлений государственной политики. Для решения данной проблемы предлагается в ежегодном государственном докладе об охране окружающей среды выделить отдельный информационный блок о промежуточных и основных результатах федеральных, региональных целевых программ, реализации Стратегий. Требуется сочетание концептуального, системного, программного подходов в определении, реализации и оповещении о результатах государственной природоресурсной политики.

На сегодняшний день наиболее активно используется именно программный подход, необходимо усилить концептуальную базу. Концепция правовой политики использования природных ресурсов должна содержать направления совершенствования механизма управления земельным фондом, водным фондом, лесным фондом, недрами и минеральными ресурсами, ресурсами фауны, мероприятия должны планироваться на единый отчетный период и предусматривать единую систему учета природных ресурсов, внедрение экономических механизмов стимулирования рационального природопользования во всех сферах природопользования без исключения. На основе данной Концепции правовой политики должны разрабатываться федеральные и региональные программы, тем самым будет обеспечено сочетание концептуального, системного и программного подходов, в ином случае правовая политика использования природных ресурсов на деле напоминает всадника без головы, который скачет, не разбирая дороги.

Библиографический список

1. *Боголюбов, С.А.* Концепция развития земельного законодательства России [Текст] / С.А. Боголюбов, Ю.Г. Жариков, Е.А. Галиновская // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2002. – № 3.
2. *Габитов, М.Р.* Правовая концепция аграрных реформ в России: Монография [Текст] / Габитов М.Р. – Уфа, 2003.
3. *Малько, А.В.* Правовая политика как способ организации правовой жизни [Текст] / Российская правовая политика: Курс лекций / А.В. Малько; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2003.

4. Малько, А.В. Цели и средства в праве и правовой политике [Текст] / А.В. Малько, К.В. Шунди-ков. – Саратов, 2003.

5. Нерсисянц, В.С. Правовая политика Российской Федерации: основные направления и задачи / Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации: монография [Текст] / Нерсисянц В.С.; отв. ред. Н.С. Соколова. – М.: Изд-во РУДН, 2006.

6. Политология: учебник / Под ред. В.И. Буренко, В.В. Журавлева. – М.: Изд-во «Экзамен», 2005.

7. Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А.В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская академия права», 2010.

8. Правовой режим лесов по законодательству России и зарубежных стран: монография (под ред. Ю.И. Шуплецов). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013.

9. Рудковский, В.А. Правовая политика и осуществление права: монография / Рудковский В.А. – Волгоград, 2009.

10. Рыженков, А.Я. Современная земельная политика и управление земельным фондом в зару-

бежных странах [Текст] // Бизнес. Образование. Право / А.Я. Рыженков // Вестник Волгоградского Института Бизнеса. – 2012. – №3.

11. Степаненко, Р.А. Земельно-правовая политика: современное состояние и перспективы развития [Текст] / Р.А. Степаненко // Проблемы модернизации гражданского законодательства: материалы Междуна- р. науч.-практ. конференции. – Волгоград: Изд-во Станица-2, 2011.

12. Чаркин, С.А. Разработка Концепции разви- тия земельного законодательства – главное направле- ние модернизации земельного права [Текст] / С.А. Чаркин // Российская юстиция. – 2010. – № 11.

13. Шундигов, К.В. Цели, средства и результа- ты правовой политики [Текст] / К.В. Шундигов Рос- сийская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2003.

14. Яковлев, А.М. Уголовная политика и про- блемы криминализации [Текст] / А.М. Яковлев // Проблемы советской уголовной политики / Отв. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток, 1985.

15. Roberts, J. Environmental policy / Jane Roberts. (Routledge introductions to environment series). 2004. P. 22.

УДК 349.6
ББК 67.5

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ

А.Я. Рыженков

Аннотация. Россия является полноценной частью мирового сообщества, и вносит свой вклад в охрану окружающей среды на международном и национальном уровнях. В статье поднимается вопрос о классификации принципов международного экологического права, а также степени их влияния на динамику развития экологического законодательства России. Автор аргументирует вывод о том, что следует различать общепризнанные и отраслевые принципы международного права, причем отраслевые принципы международного экологического права, в свою очередь, доктринально подразделяются на имеющие более общий характер и конкретные (специальные) принципы, посвященные разрешению какого-то локального экологического вопроса. В результате высказываются предложения по имплементации ряда принципов международного экологического права в российское законодательство.

Ключевые слова: принцип, международное экологическое право, Организация Объединенных Наций, права человека, экологическая безопасность, ответственность, загрязнение, природный объект, рациональное использование.

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: THE ISSUE OF CLASSIFICATION

A. Ya. Ryzhenkov

Abstract: Russia is a full part of the world community, and contributes to the protection of the environment at the international and national levels. The article raises the question of classification principles of inter-national environmental law, as well as their effects on the dynamics of the Russian environmental legislation. The author explains you-waters that should be distinguished and recognized industry principles of international law and the principles of international industry eco-logical law, in turn, doctrinally divided into have-ing more general in nature, and specific (special) principles, dedicated schennye resolution of a local environmental issue. In the result of re-makes suggestions on the implementation of a number of principles of international environmental law in the Russian legislation.

Keywords: principle; international environmental law; the union organization, United Nations; human rights; environmental security; responsibleness; pollution; natural object; rational use

Процесс осознания мировым сообществом глобальных экологических угроз берет свое начало еще во второй половине XIX века, и уже в 1913 г. впервые в мировой истории на конференции в г. Берн представители 17 европейских стран пытаются сформулировать меры международного сотрудничества в области охраны окружающей среды [1]. Именно оттуда берет начало современное международное экологическое право – формирующаяся отрасль общего (публично-го) международного права. Она представляет собой совокупность норм, направленных на регулирование межгосударственных и иных международных отношений в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и сохранения благоприятных природных условий жизни людей на Земле в интересах современного и будущих поколений [17].

Россия является полноценной частью мирового сообщества и вносит свой вклад в охрану окружающей среды на международном и национальном уровнях. Необходимость участия России в международном сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды прямо вытекает из положений ст. 3 Федерального закона от 7 января 2002 г. № 7 «Об охране окружающей среды», посвященной принципам охраны окружающей среды, а также ст. 81 данного закона, согласно которой Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ в области охраны окружающей среды.

Однако продолжает оставаться открытым вопрос о классификации принципов международного экологического права, а также степени их влияния на динамику развития экологического законодательства России.

В современной юридической науке под принципами права понимаются «сформулированные в нормативно-правовых предписаниях либо выводимые из них фундаментальные идеи, выражающие сущность права, определяющие его содержание и общий характер правового регулирования общественных отношений» [15]. Классификация принципов права может быть проведена по самым различным критериям: по сфере общественной жизни; по уровню всей системы права либо ее отдельных элементов (отраслей права; институтов права и т. д.); по сфере действия принципов права в механизме правового регулирования; в зависимости от способов их выражения и закрепления в тех или иных формально-юридических источниках [21]. Другие

авторы различают принципы, которые определяют основное содержание права (они называют их общесоциальными началами права), и принципы, программирующие направления и характер воздействия права на общественные отношения (они называются специально-юридическими принципами) [20]. Наряду с этим классифицировать принципы права также можно на отраслевые и общепризнанные.

Как отмечалось в научной литературе, общепризнанными принципами права являются разработанные ООН и другими международными сообществами, включенные в правовую систему большинства цивилизованных стран «всеобщие, универсальные, нормативно-руководящие начала, отражающие специфическую природу права как относительно самостоятельного феномена человеческой цивилизации, которые имеют глобальное воздействие на качество и эффективность всей разновидности юридической практики». К числу общепризнанных принципов права традиционно относят принципы законности, юридического равенства, демократии, гуманизма, неприкосновенности личности, ответственности и т. д. [21].

Общепризнанные принципы международного права закреплены в ряде базовых документов ООН (Устав ООН, Декларация о принципах международного права, 1970 г., Международных пактах о правах человека, 1966 г. и т.д.). Специальные (отраслевые) принципы международного экологического права по большей части сформулированы в документах ООН по вопросам охраны окружающей среды (например, многие принципы охраны окружающей среды сформулированы в декларациях международных конференций, проводимых ООН в Стокгольме (1972 г.), Рио-де-Жанейро (1992 г.) и т. д.). Большое влияние на формирование отраслевых принципов международного экологического права оказала Всемирная хартия природы, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции от 28 октября 1982 года.

Зарождение системы специальных принципов международного экологического права многие авторы обоснованно связывают с Конференцией ООН по окружающей человека среде, состоявшейся в июне 1972 г. в Стокгольме. На конференции были приняты Декларация по окружающей среде, Декларация принципов и План мероприятий, объединенные в единый документ, получивший название «Стокгольмская декларация». В Декларации принципов впервые в международном праве было сформулировано понятие права человека на благоприятную окружающую

щую среду [2]. Впоследствии принципы международного экологического права, выработанные на Стокгольмской конференции, были развиты в решениях Конференции Рио-де-Жанейро 1992 г., Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г., Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 и т. д.

Однако единой системы отраслевых принципов международного экологического права в юридической науке нет. И.А. Мухин полагает, что «защита окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений – обобщающий принцип в отношении совокупности специальных принципов и норм международного права охраны окружающей среды». Его суть заключается в обязанности государств сотрудничать на благо настоящего и будущих поколений, предпринимать все необходимые действия по сохранению и поддержанию качества окружающей среды, включая устранение отрицательных для нее последствий, а также по рациональному и научно обоснованному управлению природными ресурсами. Наряду с этим он выделяет такие принципы международного экологического права, как недопустимость нанесения трансграничного ущерба, принципы устойчивого развития, обеспечения экологической безопасности, защиты экологических систем Мирового океана, международной ответственности за сохранение окружающей среды и т. д. [18].

По мнению М.Н. Копылова, отраслевыми принципами международного экологического права являются: принцип обеспечения соблюдения конституционных экологических прав человека; принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба; принцип экологически обоснованного рационального использования природных ресурсов; принцип недопустимости радиоактивного заражения окружающей страны; принцип защиты экологических систем Мирового океана; принцип запрета военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду; принцип обеспечения экологической безопасности; принцип международно-правовой ответственности государств за ущерб, причиненный окружающей среде; принцип предосторожности или предосторожного подхода [13].

Наконец, есть мнение о том, что под специальными принципами международного экологического права следует понимать следующие: принцип рационального использования природных ресурсов; принцип предотвращения загрязнения окружающей среды; принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами; принцип не причинения вреда окружающей среде

за пределами национальной юрисдикции; принцип охраны окружающей среды в период военных конфликтов; принцип оценки воздействия на окружающую среду; принцип ответственности за ущерб системам окружающей среды других государств или международным пространствам [23].

Представляется, что во всех имеющихся классификациях есть рациональное зерно. Специальные принципы международного экологического права не прошли кодификацию и разбросаны по самым разным международным актам, имеющим различную юридическую силу. Тем не менее, в целях приведения указанных подходов «к общему знаменателю», попробуем предложить свой авторский подход к такой классификации. При этом мы не разделяем существующую позицию о том, что отдельное место в системе принципов занимает принцип «обеспечения экологической безопасности». Как справедливо полагал М.М. Бринчук, нет оснований выделять отношения по обеспечению экологической безопасности как отдельную группу общественных отношений, регулируемых нормами экологического права, наряду с охраной окружающей среды и отношениями по использованию природных ресурсов. Экологическая безопасность – это принцип охраны окружающей среды и природопользования [7]. А.П. Анисимов приходит к даже более радикальному и разделяемому мною выводу, отмечая, что обеспечение экологической безопасности – это и есть основная цель охраны окружающей среды [3].

По этой же причине трудно согласиться с учеными, отстаивающими необходимость закрепления права человека на безопасную окружающую среду как элемента обеспечения экологической безопасности, выступающей своего рода гарантом устойчивого развития мирового сообщества [10]. Думается, что данное «право человека на безопасную окружающую среду» будет всего лишь дублировать всеми признанное право человека на благоприятную окружающую среду, закрепленное еще в Стокгольмской декларации 1972 года.

Итак, представляется, что все отраслевые принципы – основные начала международного экологического права – можно доктринально подразделить на имеющие более общий характер и конкретные (специальные) принципы, посвященные разрешению какого-то локального экологического вопроса. К числу общих принципов международного экологического права относятся:

1. Принцип защиты экологических прав человека. Ядром экологических прав человека является право на благоприятную окружающую

среду, под которым следует понимать «возможность для каждого человека, народов и всего человечества существовать при таком состоянии биосферы Земли, которое обеспечивает максимальный уровень физического и психического здоровья, а также использовать систему средств, устраняющих глобальные угрозы биосфере, вызванные человеческой жизнедеятельностью» [4].

Одной из современных тенденций развития данного права человека является расширение и усложнение круга общественных отношений, в основе которых лежит данный принцип. Дело в том, что под влиянием процессов глобализации международные институты, а также органы государственной и муниципальной власти многих стран начинают все теснее сотрудничать с экологическими некоммерческими организациями по решению глобальных, национальных, региональных и местных экологических проблем, часто вырабатывают и проводят консолидированную экологическую политику. Тем самым они становятся активными участниками экологического движения. Усиление такой взаимосвязи дает повод полагать, что под влиянием экологической глобализации идет процесс глобализации экологического движения [6].

Другим направлением реализации этого принципа является право требовать экологической информации и возмещения вреда от экологического правонарушения. Под «экологической информацией» понимается любая информация о состоянии вод, воздуха, почвы, фауны, флоры, земли и природных зон и о деятельности или мерах, которые оказывают неблагоприятное воздействие или могут оказывать такое воздействие на них, а также о деятельности или мерах, направленных на их охрану включая административные меры и программы рационального использования окружающей среды [8].

Принцип обеспечения права человека на экологическую информацию реализуется в Орхусской конвенции о доступе к информации, участии в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г., пока еще не ратифицированной Россией. Большую роль в реализации данного принципа должны сыграть меры по экологическому просвещению, воспитанию и образованию [5].

2. Принцип устойчивого развития. Устойчивое развитие – это такое социально-экономическое и экологическое развитие, которое направлено на сохранение мира на всей планете, на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни ныне живущих и будущих поколений, на

бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды, на развитие экономики таким образом, чтобы оно не сопровождалось опасным загрязнением и разрушением природной среды [19].

3. Принцип суверенного и рационального использования государствами своих природных ресурсов, не причиняющего вреда другим странам и территориям, находящимся вне их юрисдикции. В юридической науке существуют различные подходы к толкованию данного принципа. Одни авторы рассматривают его содержание как обязательство осуществлять какую-либо деятельность с должным усердием (прилежанием), для того чтобы предотвращать возникновение ущерба. Другие считают, что обязательство по предотвращению ущерба носит абсолютный характер. Ко второму толкованию можно прийти, если рассматривать обязательство по проведению какой-либо деятельности с должным усердием столь жестко, что оно приведет к обязательству по абсолютному предотвращению ущерба [14].

4. Принцип «загрязнитель платит». В Европейском Сообществе принцип «загрязнитель платит» впервые был сформулирован в 1973 г. и получил юридическое оформление в Едином Европейском Акте и Маастрихтском договоре. На практике различается два вида реализации указанного принципа. В первом наиболее распространенном варианте данный принцип применяется путем установления определенного вида налогов и использования части аккумулированных в результате этого средств в природоохранных целях. Во втором варианте, получившем развитие недавно, устанавливается ответственность за ущерб окружающей среде, при этом риск возлагается на ту сторону, чья деятельность приводит к такому ущербу. В частности, речь идет об опасных видах деятельности, которые допускаются, поскольку приносят определенные блага обществу (например, атомные электростанции) [9].

5. Принцип запрещения экологической агрессии. Данный принцип сформулирован в Конвенции 1977 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на окружающую среду. Ее целью является запрещение военного или любого другого враждебного использования средств, воздействующих на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству. К ущербу природной среде, запрещенному Конвенцией, относится такой

ущерб, который является результатом применения любых средств для изменения – путем преднамеренного управления природными процессами – динамики, состава или структуры Земли. Между тем, некоторые недавние конфликты, например, Ирано-иракская война и Война в Персидском заливе, наглядно демонстрируют, что существующие положения о защите природной среды не свободны от недостатков по их практической реализации.

Так, в ходе ирано-иракской войны в период с 1 мая 1980 по 31 декабря 1987 г. в Персидском заливе было атаковано не менее 447 нефтяных танкеров, только в 1984 году в море попало 2 035 000 тонн нефти. Не уцелел ни один из нефтедобывающих комплексов, расположенных в этих странах. Поэтому вполне обосновано мнение, что оба воюющих государства нанесли обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде [11].

6. Принцип международной ответственности. В соответствии с данным принципом государства обязаны возместить ущерб окружающей среде, причиненный как в результате нарушения ими своих международных обязательств, так и в результате деятельности, не запрещенной международным правом. Сложившаяся практика государств в этом вопросе получила отражение в Резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН 62/68 от 6 декабря 2007 г. «Рассмотрение вопроса о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности и распределении убытков в случае такого вреда» и 61/36 от 4 декабря 2006 г. «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности» [16].

7. Принцип предосторожности означает, что в тех случаях, когда существует угроза серьезного или непоправимого ущерба, отсутствие полной научной определенности не должно быть причиной откладывания рентабельных мер, направленных на предотвращение экологической опасности. В настоящее время принцип предосторожности реализован в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г., в Монреальском протоколе о веществах, разрушающих озоновый слой, 1987 г., в Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г., в Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., в Конвенции о защите Северо-Восточной Атлантики 1992 г., в Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. и др. [16].

В состав специальных отраслевых принципов входят принципы, лежащие в основе конкретных требований и процедур:

1. Принципы, лежащие в основе требований и процедур по охране окружающей среды в отдельных сферах деятельности (изменение климата, охрана озонового слоя, защита продуктов питания от ГМО, охрана окружающей среды от радиоактивного загрязнения и т. д.). Данные принципы реализуются, например, в Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. и Киотском протоколе к ней или Конвенции о ядерной безопасности 1994 года.

2. Принципы рационального использования и охраны природных объектов. В данном случае следует поддержать подход большинства современных исследователей, выделяющих в качестве принципа международного экологического права принцип защиты экологических систем Мирового океана.

Вместе с тем, данный принцип следует понимать более широко – как элемент более широкой системы принципов охраны природных объектов, имеющих международно-правовое значение. В этом случае к принципу охраны вод Мирового океана следует добавить принцип охраны объектов животного мира (реализованный в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. и т. д.); принцип охраны атмосферного воздуха (реализованный в Конвенции ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.), принцип охраны лесов (реализован в «лесных принципах», принятых на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г.), а также принцип охраны недр, почв и т. д.

3. Принципы, лежащие в основе создания территорий с особым эколого-правовым статусом, на которых расположены объекты природного наследия. Под «природным наследием» Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 1972 г.) понимает природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты.

Отдельного внимания требует вопрос о необходимости имплементации отраслевых принципов международного экологического права в национальное законодательство. Как отмечал Н.В. Кичигин, ряд принципов международной охраны окружающей среды остались незакрепленными в качестве правовых принципов в российском экологическом законодательстве. В их числе принцип недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды и недопустимости нанесения трансграничного ущерба. Они заслуживают имплементации в национальное экологическое законодательство [12].

Полностью разделяя данный подход, следует заметить, что в российском законодательстве мы наблюдаем реализацию лишь некоторых принципов и норм международного экологического права. Можно говорить об имплементации в российское экологическое право принципов устойчивого развития или защиты экологических прав человека (хотя сохраняется ряд проблем с их практической реализацией), ряда специальных принципов, посвященных отдельным (конкретным) экологическим проблемам (например, в части охраны природных объектов или формулирования требований к отдельным видам деятельности). При этом еще ждут своего осмысления и имплементации в российское экологическое законодательство принцип предосторожности или принцип «загрязнитель платит», что будет способствовать повышению его эффективности и повысит гарантированность экологических прав граждан.

Библиографический список

1. *Абашидзе, А.Х.* Первая международная экологическая конференция – Конференция по международной охране природы (Берн, 1913) [Текст] / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев // Экологическое право. – 2006. – № 4. – С. 2–4.
2. *Анисимов, А.П.* Влияние ООН на формирование в российском законодательстве гарантий экологических прав человека [Текст] / А.П. Анисимов, Г.С. Працко // Философия права. – 2013. – № 4. – С. 26–31.
3. *Анисимов, А.П.* Конституционные основы природопользования и охраны окружающей среды в России: вопросы теории [Текст] / А.П. Анисимов // Новая правовая мысль. – 2007. – № 5. – С. 16–19.
4. *Анисимов, А.П.* Право человека и гражданина на благоприятную окружающую природную среду (конституционно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Анисимов А.П. – Волгоград, 1997.
5. *Анисимов, А.П.* Развитие эколого-правовой культуры в России: проблемы и перспективы [Текст] / А.П. Анисимов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 4. – С. 255–259.
6. *Башурова, И.В.* Политические аспекты развития общественных экологических движений в усло-

виях глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Башурова И.В. – М., 2007.

7. *Бринчук, М.М.* Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? [Текст] / М.М. Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8/9. – С. 118–127.
8. *Высторобец, Е.А.* Международное право и право на получение экологической информации в России [Текст] / Е.А. Высторобец // Экологические права и обязанности граждан России. “Научные труды МНЭПУ”. Вып. 3. Серия “Работы молодых ученых и студентов”. – М.: МНЭПУ, 1999. – С. 39–43.
9. *Вылегжанина, Е.Е.* Основные тенденции развития экологического права Европейского Союза: дис. ... д-ра юрид. наук / Вылегжанина Е.Е. – М., 2005.
10. *Донченко, В.Ю.* Роль Организации Объединенных Наций в обеспечении экологической безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Донченко В.Ю. – М., 2008.
11. *Кадомцева, А.Е.* Развитие экологической функции современного Российского государства и правовые формы ее осуществления: дис. ... канд. юрид. наук / Кадомцева А.Е. – Саратов, 1999.
12. *Кичигин, Н.В.* Международные и национальные принципы охраны окружающей среды // <http://MIELD.narod2.ru/> [Электронный ресурс]. Дата обращения 17.01.2015.
13. *Копылов, М.Н.* Введение в международное экологическое право: учебное пособие / М.Н. Копылов. – М.: РУДН, 2009.
14. *Копылов, М.Н.* К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права [Текст] / М.Н. Копылов // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 16–21.
15. *Лаврусь, С.Ю.* Реализация принципов права в юридической практике: дис. ... канд. юрид. наук / Лаврусь С.Ю. – Самара, 2005.
16. *Международное экологическое право: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев.* – М.: Статут, 2012 / [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «Консультант плюс». Дата обращения 20.01.2015.
17. *Мухин, И.А.* Роль международного права в становлении правового регулирования охраны окружающей среды в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Дата обращения 17.01.2015. // <http://www.lawmix.ru/comm.php?id=1244>
18. *Мухин, И.А.* Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России [Текст] / И.А. Мухин // Международное публичное и частное право. – 2006. – №2. – С. 38–41.
19. *Пушкарева, Э.Ф.* Международный экологический правовой порядок и экологические права человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пушкарева Э.Ф. – М., 2008.
20. *Теория государства и права: учебник / под ред. к.ю.н., доцента П.В. Анисимова.* – М.: ЦОКР МВД России, 2005.
21. *Фролов, С.Е.* Принципы права (вопросы теории и методологии): дис. ... канд. юрид. наук / Фролов С.Е. – Кострома, 2001.
22. *Экологическое право. Курс лекций: учебное пособие / под ред. А. П. Анисимова.* – М.: Приориздат, 2003.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION

УДК 340.152
ББК 67.2

РИМСКОЕ ПРАВО «AB INCUNABILUS» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ (К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ РИМСКОГО ПРАВА)

А.И. Бортенев

Аннотация: В статье исследуются критерии современных научных периодизаций римского права.

Ключевые слова: Римское право, периодизация, источники римского права.

ROMAN LAW «AB INCUNABILUS» AND ITS EVOLUTION (TO THE QUESTION OF PERIODIZATION IN THE DEVELOPMENT OF ROMAN LAW)

A.I. Bortenev

Abstract: The criteria of modern scientific periodization of Roman law are investigated in this article.

Keywords: Roman law, periodization, the sources of Roman law.

Развитие человеческого общества, несмотря на всю его противоречивость, кажущуюся стихийность, подчинено вполне определенным закономерностям, объективно проявляющимся в сложившихся социальных правилах (нормах).

Среди социальных норм уже на ранних стадиях развития человеческого общества особое место принадлежит праву.

Общеобязательные государственно-властные требования с развитием и усложнением социальных отношений становятся все более эффективным инструментом их регулирования. Более того, чем более грамотно и детально, беспробельно и непротиворечиво общественные отношения облакаются в соответствующую правовую форму, тем более экономически и политически сильным становится государство и общество, тем более глубокий след национальная политическая и правовая система оставляет в истории.

Учитывая это, следует констатировать, что, с точки зрения научной и практической зна-

чимости для Европы и России сложившегося опыта правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений в правовых порядках различных стран, признанное первенство принадлежит праву Древнего Рима.

Римское право стоит обособленно в истории и теории юридической науки, является частью современной европейской, в том числе российской, юридической гражданско-правовой доктрины.

Заимствование положений римского права другими государствами более позднего периода, в частности, понятийного аппарата и правовой терминологии, юридической техники построения правовых институтов и норм стало одним из правовых феноменов юридической науки, воплощено в категории рецепции римского права.

Процесс рецепции римского права, начавшийся в Европе в X–XI веках, настолько глубоко проник в механизмы совершенствования европейского гражданского права, что стал от них

неотделим, оказал решающее влияние на формирование правовых систем, экономическую основу которых составляет частная собственность.

Не случайно курс римского права как самостоятельную дисциплину изучали и изучают студенты юридических факультетов высших учебных заведений профессионального образования: многие постулаты римского частного права лежат в основе современного гражданского права европейских стран, прежде всего Германии, Франции, Италии, России.

Еще дореволюционные русские ученые-юристы, в частности, И.А. Покровский, предлагали считать курс римского права общей частью гражданского права. Эту идею разделяют и некоторые современные исследователи [1]. Думается, что современная практика совершенствования гражданского законодательства России, в частности, изменения и дополнения в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации, вступившие в силу в 2013–2015 гг., только подтверждают справедливость предложений известного русского цивилиста.

На этом фоне становится очевидным, что внимание, уделяемое общим вопросам эволюции римского права, в частности, его периодизации, недостаточно. Это касается, в том числе, и научных подходов к критериям определения тех периодов в развитии римского права, каждый из которых, на взгляд автора, неотделим от знаковых правовых событий в развитии теории и практики юриспруденции.

В современной научной и учебной литературе под римским правом понимается, как правило, система права, развивавшаяся в Древнем Риме на протяжении более чем тринадцати столетий, с момента зарождения древнеримской цивилизации (754–753 гг. до н. э.) вплоть до смерти императора Юстиниана (565 г. н. э.) [2].

Однако на этом единство в подходах к периодизации и заканчивается. Это объясняется, прежде всего, различием в критериях, положенных в основу известных науке римского права периодизаций. Одни ученые рассматривают периодизацию в неразрывной связи с развитием институтов древнего римского государства и римского права, другие – исследуют исключительно закономерности, проявляющиеся в эволюции римского права, абстрагируясь при этом от такой взаимосвязи.

Примером, иллюстрирующим один научный подход, может служить периодизация И.А. Покровского, в соответствии с которой он говорит о развитии римского права в период царей (753–510 гг. до Р.Х.), в период республики (509–28 гг. до Р.Х.), в период принципата (27 до Р.Х. – 284 г.),

в период домината (285–476 гг.) [3]. Такого рода подход был связан также с научной позицией К.Д. Неволина, который, основываясь на тесной связи римского права и государства, предложил трехзвенную периодизацию: царский, республиканский и императорский периоды. Суть и содержание такой периодизации существенно не отличаются от того, что предложил И.А. Покровский.

Для западноевропейской юридической науки, в которой проявляется другой научный подход (Г. Гуго, Э. Гиббон), характерно выделение четырех периодов в развитии римского права, в содержании которых проявляется эволюция римского права от обычного права к кодификационному.

В современной российской гражданско-правовой доктрине отражаются научные подходы, в которых присутствуют черты и той, и другой концепции.

Например, среди разделяемых российской правовой доктриной периодизаций, в основе которых лежит такой комбинированный подход, является деление эволюции римского права на три периода:

Первый период – это период древнего римского права (с VIII в. до н.э. по III в. до н.э.);

Второй период – период преторского классического права (с III в. до н.э. по III в. н.э.);

Третий период – период императорского римского права (с III в. н.э. по VI в. н.э.) [4].

Д.В. Дождев, исследуя эволюцию римского права, выделяет пять периодов в развитии римского права:

1. Архаический период (753–367 г.г. до н.э.);

2. Предклассический период (367–17 гг. до н.э.);

3. Классический период (17 г. до н.э. – 235 г. н.э.);

4. Постклассический период (IV–V в. н.э.);

5. Юстиниановский период (527–565 гг. н.э.) [5].

Приведенный общий анализ научных подходов к периодизации римского права показывает, что устоявшихся представлений в этой научной области до сих пор не сформировалось.

Следуя логике развития научных представлений в современной романистике о периодизации развития римского права, интересной и достаточно полной, на наш взгляд, представляется следующая периодизация римского права:

• *Архаический период* формирования и становления римского права (относящийся к существованию квинтских гражданских общин – *civitas quiritaria* (VIII–IV вв. до н.э.) – с момента основания (754–753 гг. до н.э.) до издания зако-

нов Лициния и Секстия (*leges Liciniae Sextiae*) – 367 год до н.э.;

- *Доклассический (республиканский) период* – с издания законов Лициния и Секстия 367 года до н.э. по 27 год до н.э. (год, когда Октавиан Август был объявлен Сенатом принцепсом (*princeps Romanorum e Augustus*));

- *Классический период (принципат)* – с объявления Сенатом Октавиана Августа принцепсом (27 год до н.э.) по 284 год н.э. (год, когда по окончании военной анархии к власти пришел Диоклециан);

- *Постклассический период (доминат)* – период абсолютной императорской власти, с 284 года н.э. по 565 год н.э. (год смерти императора Юстиниана).

1. Архаичный (квиритский) период:

а) *зарождение гражданской общины (civitas)*

Архаичный период определяется в науке римского права как период, относящийся к становлению и развитию квиритской гражданской общины (*civitas quiritaria*) и датируется промежуток времени между VIII в. до н.э. и IV в. до н.э. (то есть с 754 года до н.э., года основания Рима, до 367 года до н.э. – года принятия так называемых «законов Лициния и Секстия» (*leges Liciniae Sextiae*)³, позволивших плебеям состоять в одной из двух консульских магистратур).

Квиритская гражданская община (*civitas Quiritium*) представляла собой объединение первых трёх триб, располагавшихся на берегах Тибра, вокруг холма Квиринале, и являвшихся частью так называемого Септимонтия (*Septimontium*)⁴. Эти три трибы, в свою очередь, стали результатом объединения более мелких групп, образованных по политико-родственному принципу (*gentes*), которые состояли из отдельных семей (*familiae*).

Квиритская гражданская община представляла собой объединение «отцов семейств» (*patres familiarum*) или, иначе называемых, квиритов (*Quirites*) – по имени бога Квирина, которым, как считалось, стал Ромул после смерти.

Высшим органом общины признавался совет старейшин (*patres*), откуда в дальнейшем произошло название «сенат»⁵. При этом такой совет избирал правителя (*rex*), который выпол-

нял свои обязанности пожизненно и являлся главой общины (и светским, и религиозным).

В архаический период правопорядок строился на основе источников, имевших различную природу:

- *foedera* – соглашения между главами *gentes*, заключаемые с целью и в силу их объединения;

- *leges* – решения (в дальнейшем этим термином обозначались законы), провозглашавшиеся перед комициями (*comitia*) – народными собраниями;

- *mores maiorum* – обычаи предков, установившиеся *ab immemorabili* («с незапамятных времен») мирное сосуществование членов *leges* и *familiae*.

Обычай (или обычное право) как один из источников римского права представлял собой, так называемое, неписаное право (*ius non scriptum*) в противоположность праву писаному (*ius scriptum*). В начале нашей эры архаичное название обычаев – *mores maiorum* – сменилось новым: *consuetudo*.

Основными признаками обычая как неписаного права являлись применение обычая издавна и молчаливое согласие общества соблюдать обычай.

Как указывал Юлиан, «в тех делах, в отношении которых нет возможности пользоваться писаными законами, следует соблюдать то, что введено нравами и обычаями..., – и далее продолжал, – ...прежний укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон, и это право называется правом, установленным нравами. Ибо если сами законы связывают нас в силу лишь того, что они приняты по решению народа, то заслуженно и то, что народ одобрил, не записав, связывает всех. Ибо какое имеет значение, объявил ли народ свою волю путем голосования или путем дел и действий»⁶.

Нарушение *foedera*, *leges* или *mores maiorum* рассматривалась как *nefas*, то есть проступок, влекущий за собой гнев богов (*numina*). Такое нарушение уполномочивало любого из членов общины наказать или убить провинившегося, восстанавливая, таким образом, нарушенный общественный порядок.

б) *период от восстания плебеев до зарождения ius civile*.

Окончание периода квиритских общин ознаменовалось восстанием плебеев, результатом которого стало принятие законов Лициния-Секстия.

³ Народные трибуны: Гай Лициний Столон (Gaius Licinius Stolo) и Луций Секстий Латеран (Lucius Sextius Lateranus).

⁴ В Септимонтий входили семь холмов: Палатин, Эсквилин, Виминале, Квиринале, Кампидольо, Челлио, Авентин.

⁵ От лат. «senatus» от senex-старый, старец.

⁶ D.1.3.32.I.

Эти законы наделили правом управления гражданскими общинами (*civitas*) двух преторов-консулов (*pretores-consules*), один из которых должен был иметь плебейское происхождение.

Таким образом, после восстания плебеев, помимо существующей системы квирицкого права, зародилась еще одна правовая система.

В юридической доктрине такой системе дали название *ius legitimum vetus* (*право старых законов*), основное содержание которого было воспринято в дальнейшем Законами XII таблиц (451–450 гг. до н.э.).

Указанные законы (*leges*) в целом не устанавливали новых правил, фиксируя в письменной форме основные положения квирицкого права. Тем не менее, появились и некоторые новеллы. В частности, было закреплено понятие обязательства (*obligatio*), а также некоторые элементы частного (*ius privatum*), публичного (*ius publicum*), сакрального (жреческого) (*ius sacrum*) права – таких категорий право квиристов не знало.

В период с V до нач. IV веков до н.э. зародился еще один источник права, заключавшийся в деятельности священнослужителей по толкованию права, – интерпретация (*interpretatio pontificum*).

В конечном итоге право квиристов и право старых законов, дополненные деятельностью понтификов по толкованию права, постепенно сформировались в единую нормативную правовую систему, которая, сопутствуя развитию Республики, стала именоваться *ius civile Romanorum* (*римское гражданское право*).

2. Доклассический (республиканский) период:

а) становление институтов *ius civile Romanorum*.

Период между первой половиной IV в. и концом I в. до н.э. (с 367 года до н.э. – принятие законов Лициния-Секстия – по 27 год до н.э. – государственный переворот Августа) в науке римского права принято называть доклассическим (республиканским) периодом, поскольку он характеризуется установлением Республики и процессом постепенного вытеснения древней системы квирицких гражданских общин, завершившимся примерно в III веке.

Республиканское правление считалось «демократическим», поскольку (пусть отчасти и формально) к нему допускались все граждане. В этот период сочетались элементы монархии (находившие выражение в наличии должностей *dux* и *consules*), аристократии (наличие Сената) и демократии (наличие *comitia* и *concilia*).

Основными органами управления периода Республики являлись:

- *магистратуры* – государственные учреждения, наделенные властью, как гражданской, так и военной;

- *народные собрания* – комиции (*comitia*) и концилии (*concilia*), на которых избирались магистраты;

- *Сенат*, наделенный консультативной функцией по отношению к магистратам.

После кризиса Республики и упразднения *comitia* появились два новых источника права: *senatus consultum* (исходящие, как следует из названия, от Сената) и *constitutio principis*.

Senatusconsultum est quod senatus iubet atque constituit «сенатусконсульт – то, что Сенат постановляет и решает». Классическая эпоха наделила сенатусконсульты силой закона – одного из источников права. Однако уже в период домината Сенат утратил свое значение, вместе с ним утратили его и сенатусконсульты, поскольку фактическим содержанием этих документов была только воля императора.

Constitutio principis «est quod imperator ... constituit», то есть, то, что постановляет император. Начиная со II в. н.э. этот источник права становится фактически единственным, с помощью которого император поддерживает свою власть. Иные источники вытеснялись и постепенно исчезли.

Законодательная власть была сосредоточена исключительно в руках императора, что позволило Ульпиану сформулировать принцип «*quod principi placuit legis habet vigorem*» (что угодно государю, то имеет силу закона).

Как уже отмечалось, в доклассический период цивильное право формировалось из античных *mores maiorum*, восходящих к квирицкому праву, *leges*, относящихся к праву старых законов, и деятельности понтификов по толкованию права.

Однако в дальнейшем таким толкованием (*prudentes*) стали заниматься и светские юристы, причем такое толкование они осуществляли не в качестве оплачиваемой профессиональной деятельности, а как хобби. В конечном итоге такое толкование послужило стремительному развитию правовой мысли.

б) появление новых магистратур (*ius honorarium*)

Институт городских преторов (*praetor urbanus*) зародился около 367 года до н.э. Городской претор ежегодно, при вступлении в должность, издавал эдикт (*edictum*), где определял основные правила, по которым намеревался осуществлять правосудие. Он не был уполномо-

чен на изменение норм *ius civile*, однако был вправе, например, обобщать обширную практику, проистекавшую из применения норм *ius civile*, устанавливать правила, не предусмотренные этими нормами, но необходимые для защиты гражданских прав.

В то же время городской претор не имел права отменять нормы, действовавшие ранее, даже в том случае, если сам разрешал конкретный случай иначе, отлично от предписаний таких норм.

Новые правила, вводимые в действие таким образом, получили название *ius honorarium* (право магистратов), не изменяя, что важно, существующих норм *ius civile*.

Институт peregrinских преторов (*praetor peregrinus*) зародился примерно в 242 году до н.э. Преторы peregrin занимались делами peregrin (чужестранцев), либо регулировали отношения, возникавшие между чужестранцами и римлянами.

Претор peregrin разрешал споры, основываясь на принципах, общих для всех народов, поскольку они были основаны на естественном праве (*naturalis ratio*).

Система эдиктов, издаваемых претором, служила основой для формирования специального порядка регулирования общественных отношений, который, в силу своего широкого интернационального применения, стал именоваться правом народов (*ius gentium*).

Поначалу применяемое для регулирования отношений между иностранцами и римлянами, с течением времени *ius gentium* стало применяться и для регулирования отношений между римскими гражданами, поскольку позволяло использовать при разрешении споров достаточно простую и быструю процедуру.

Действительно, в юридическую практику постепенно вводилась новая, пластичная, гибкая система регулирования общественных отношений, лишенная имевших ранее место излишне торжественных и сложных формулировок и процедур.

В основе построения новой системы правового регулирования лежал принцип добросовестности.

3. Классический период (принципат):

а) постепенный упадок республиканских институтов, усиление власти принцепса

Классический период (иначе называемый принципатом), продлился с конца I в. до н.э. до начала III в. н.э. (с 27 года до н.э. – года государственного переворота под началом Августа – по 284 год н.э. – год смерти Диоклециана).

В это время, несмотря на то, что формально Римское государство продолжало именоваться Республикой, фактически власть в Риме перешла к принцепсу.

Классические республиканские органы управления все еще существовали (магистратуры, комиции, сенат), однако значение фигуры принцепса возросло. Его власть укрепилась благодаря наличию двух ключевых полномочий:

- *tribunicia potestas* – заключалось в праве интерцессии (*intercessio*), которым изначально наделялись лишь народные трибуны (*tribuni plebis*). Обладая таким правом, принцепс мог наложить вето практически на все решения республиканских магистратов;

- *imperium proconsulare maius et infinitum* – в силу данного полномочия принцепс являлся верховным главнокомандующим всех легионов.

Указанная эволюция напрямую не повлияла на существовавшие прежде правовые системы и нормы, но они утратили гибкость и перестали эволюционировать, получив название «*ius vetus*» – буквально, «старое, ветхое право».

б) constitutiones и ius publicae respondendi

В дальнейшем, в рамках рассматриваемого периода, сформировались новые источники права, являвшиеся результатом единоличного волеизъявления принцепса в сфере управления государством.

Такие источники права получили название конституций (*Constitutiones*), представляя собой единоличные распоряжения принцепса, и подразделялись на четыре основных разновидности:

- *edicta* (эдикты), которыми императоры определяли основные (наиболее общие) направления деятельности магистратов провинций;

- *mandata* (мандаты), которые содержали в себе конкретизированные инструкции для чиновников-управленцев, подчиненных напрямую принцепсу, по вопросам управления государственными делами;

- *rescripta* (рескрипты), то есть ответы императора на практические вопросы, находящиеся в сфере его компетенции.

При этом рескрипты могли принимать форму: *epistulae* (эпистул), представлявших собой простые письма, направленные принцепсом магистратам или иным чиновникам, которые обращались к принцепсу, испрашивая его мнения по тому или иному вопросу, либо *рескриптов в узком смысле* – такого рода рескрипты являлись выраженным мнением принцепса по вопросам частных лиц при возникновении отдельных казусов;

- *decreta* (декреты) – решения принцепса по судебным делам, проведенным в экстраординарном процессе (*iudicia extra ordinem*).

Таким образом, наряду с *ветхим правом* (*ius vetus*) зародилось и *новое право* (*ius novum*), вытеснив собой и цивильное право, и право магистратов. Суть его была сосредоточена, в конечном итоге, в постоянном эдикте императора Адриана (117–138 годы н.э.).

Решающее значение в рассматриваемую эпоху имело и *развитие науки права*, которое происходило благодаря деятельности *юрисконсультов*.

Основной функцией юриспруденции классической эпохи явилась систематизация систем гражданского права и права магистратов, а также их сведение в систему «нового права».

Кроме того, деятельность юристов того времени получила свое развитие благодаря зарождению института *ius publicae respondendi* (что можно перевести как *право публичных консультаций*), начало которому положил император Август, а в последующем развил и дополнил император Тиберий.

Ius publicae respondendi представляло собой право давать ответы по тем или иным вопросам, которым император наделял выдающихся юристов. Мнения, выраженные такими юристами, имели особенный авторитет и представляли собой один из источников права. Мнения юристов приобрели обязательный характер, с последующим приравниванием толкования права к *ius civile*.

Мнения юристов, как правило, отражались в следующих формах:

- *respondere*, что означало принятие решения по определенному вопросу, как теоретического, так и практического характера;
- *agere* – инициировать судебный процесс;
- *cavere* – отредактировать схему, формулу сделки в необходимых случаях.

Особое положение в рассматриваемый период занимали два юриста: Квинт Муций Сцевола (*Quintus Mucius Scaevola*) и Сервий Сульпиций Руф (*Servius Sulpicius Rufus*). Именно их имена дали названия двум противоположным, оставшимся в истории, школам права – Муцианской и Сервианской.

В классическую эпоху частыми были споры и дискуссии между юридическими школами. Так, например, в эпоху императора Августа был знаменит спор между Сабинианцами (глава школы – Гай Атей Капитон) и Прокулианцами (глава школы – Марк Антистий Лабен).

В истории римского права остались имена и других выдающихся юристов – Помпония, Гая и Марцелла (эпоха Антонинов (138–192 гг. н.э.)), Папиниана, Павла, Модестина и Ульпиана (эпоха Северов (193–235 гг. н.э.)).

Собственно, институт *ius publicae respondendi* просуществовал относительно недолго, постепенно исчезнув ко времени правления императора Траяна (98–117 гг. н.э.).

в) *Конституция Антонина* (*Constitutio Antoniniana*)

В истории римского права следует особо выделить документ, который сыграл существенную роль в его дальнейшем развитии. Это Конституция Антонина – документ, принятый императором *Антонином Каракаллой* в 212 г. н.э., который даровал латинам и peregrinam права римского гражданства. Одним из значимых последствий принятия такого акта стало то, что количество плательщиков податей императору резко возросло.

В силу Конституции Антонина римское право распространило свое действие на всю территорию Империи (тогда как ранее каждый народ применял свое собственное право). Это повлекло появление коллизий между универсальным римским правом и правом местным, применявшимся до принятия Конституции.

4. Постклассический период (период абсолютной монархии – домината) характеризуется усилением власти императора и приходом абсолютизма, называемого также периодом «домината» [10]. В этот период император фактически обрел статус «собственника» Империи.

Хронологически разделяют эпоху домината на два периода:

1. Период императора Диоклециана (284–527 гг. н.э.).
2. Период императора Юстиниана Первого (527–565 гг. н.э.).

В этот период государство получило статус «наследства» в том смысле, что стало рассматриваться как исключительная собственность, а значит, как абсолютное владение императора.

Интересно, что один из современных итальянских исследователей римского права, А. Гуарино [6], отмечает, что преобладание империи принцепсов над республикой означало эволюцию государственного устройства от субординации к неконтролируемому и бесспорному правлению императоров. В то же время формально республика не была упразднена, также остались и должности преторов, консулов, квесторов, ставшие, однако, просто почетными титулами, без фактических властных полномочий.

Период домината, кроме того, характеризуется и постепенной утратой значения республиканских источников права (таких, как *leges*, *сенатусконсульты*, *эдикты магистратов*) и ус-

тановлением воли монарха как единственного источника права.

В постклассическую эпоху, кроме абсолютной власти императора, имели место и другие факторы, существенно изменившие облик римского общества и, соответственно, правового регулирования отношений в этом обществе:

- уменьшение влияния сенаторов (хранителей политических и правовых традиций);
- наложение на население Империи и римскую цивилизацию новых элементов, которые по духу и сути римскими не являлись – речь идет о проникновении культуры и притязаний на публичную власть варваров;
- усиление влияния христианства;
- перенесение столицы Римской Империи на Восток (Константинополь), сопровождаемое возрастающим эллинистическим влиянием;
- упадок духа права, юриспруденции – постепенное замещение непосредственности и эффективности классической юриспруденции так называемым «византийским» подходом, в результате чего та или иная проблема не решалась немедленно, а зачастую вязла в пространных рассуждениях ученых, так и не находя своего решения.

Действительно, в период домината, с постепенным сосредоточением всей полноты власти в руках монарха, юридическая наука утратила свою активность, дух созидания.

Деятельность юристов постепенно стала сводиться к простой обработке произведений классических авторов, что зачастую приводило к искажению смысла таких произведений за счет производимых подчисток и изъятий из оригинального текста, толкований низкого качества, предназначенных чаще всего для учебных целей.

Типичными формами, в которых выражалась юридическая деятельность, были следующие:

- *интерполяции*, т.е. намеренные изменения исходного текста, осуществляемые путем добавления или удаления отдельных слов и выражений;
- *гlossen* (комментарии) – как правило, добавлялись на полях или включались в текст. Зачастую, по вине копировальщиков, такие комментарии становились частью оригинального текста, искажая его;
- *парафразы* (толкования) – небольшие по объему или же довольно пространные, зачастую включались в исходный текст либо попросту заменяли его;
- *эпитомы* – краткие изложения текстов;

- *систематические компиляции законов (leges) и трудов классических юристов (iura)*.

Среди многочисленных трудов юристов постклассического периода можно выделить две основных группы:

- сборники сочинений юристов;
- более объемные сборники, включающие как труды юристов, так и тексты законодательных актов.

Среди собраний сочинений юристов этого периода можно называть несколько выдающихся:

1. *Tituli ex corpore Ulpiani* – произведение, относящееся к IV веку, представляющее собою манускрипт, хранящийся в Библиотеке Ватикана, включающий сокращенное изложение отрывков произведений Гая и Ульпиана.

2. *Pauli Sententiae* – собрание юридических сочинений, скомпилированное во времена правления Диоклециана (285–305 гг. н.э.) на основе произведений Павла. Собрание включает в себя 5 книг. Наиболее полной редакцией считается *Lex Romana Wisigothorum*.

3. *Epitome Gai* – была выполнена в школах Западной Римской Империи а в V веке н.э.; произведение состоит из двух книг, скомпилированных на основе Институций Гая.

4. *Scholia Sinaitica* – труды созданы в Восточной Римской Империи в V в. н.э. и представляют собой комментарии произведения Ульпиана *Libri ad Sabinum*.

Что касается сборников, включающих в себя не только труды юристов, но и комментарии законов, то среди них можно выделить следующие:

1. *Fragmenta Vaticana* – это более 400 фрагментов, собранных, вероятнее всего, в IV веке н.э. В компиляции использованы кодексы Грегориана и Гермогениана, однако, кодекс Феодосия там не присутствует. Произведение было разделено на главы, состоящие из отрывков сочинений Павла, Папиниана, Ульпиана и императорских конституций. До сегодняшнего дня сохранились лишь некоторые главы, зафиксированные в манускрипте, хранящемся в Библиотеке Ватикана.

2. *Collatio legum Mosaicarum et Romanarum* – произведение сохранилось до наших дней лишь в части; целью сочинения было доказать происхождение римских законов от законов Моисея путем сопоставления отрывков из них.

3. *Liber Syro-Romanus* – произведение, написанное на греческом в V веке, переведенное на сирийский и арабский языки. В данном тексте

речь идет лишь о *ius civile*, дополненном конституциями, принятыми при Константине.

Заметный рост числа императорских конституций привел к необходимости систематизации большого правового материала. В качестве способа систематизации была избрана *кодификация*.

Поначалу деятельность по кодификации не носила официального характера и осуществлялась отдельными юристами. В течение переходного периода между принципатом и доминатом были созданы два сборника законов:

1) Кодекс Грегориана (*Codex Gregorianus*) – скомпилированный, очевидно, неким Грегорианом и объединивший в себе рескрипты Адриана (117–138 гг. н.э.) и Диоклециана (284–305 гг. н.э.).

2) Кодекс Гермогениана (*Codex Hermogenianus*) – представлял собой расширенный и дополненный вариант кодекса Грегориана.

Оба сборника содержали в себе лишь *leges specialis*, т.е. императорские ответы и решения по отдельным делам, и были предназначены, в первую очередь, для систематизации аналогий.

Рассматриваемые кодексы не дошли до наших дней в оригинале, однако были реконструированы на основе более поздних произведений (в особенности, *Lex Romana Wisigothorum* и *Lex Romana Burgundiorum*).

В 438 году н.э. император Феодосий II также сформировал Кодекс, который и стал называться его именем (*Codex Theodosianus*).

Он содержал в себе только *leges generales* (т.е. только самые общие, значимые законы). Кроме того, этот кодекс объединил в себе два предыдущих, которым, таким образом, был дарован статус официальных источников.

Император Юстиниан Первый (527–565 гг. н.э.) был выдающейся личностью, оставившей в истории римского права яркое и значительное наследие.

Деятельность Юстиниана была ознаменована не только тем, что ему удалось поддержать единство Империи, объединив под ее господством Восток и Запад, но и тем, что он смог дать «вторую жизнь» римскому праву, систематизировав его источники в собраниях императорских конституций, как античных, так и входящих в состав Кодекса Феодосия.

Совокупность таких собраний получила название *Corpus iuris civilis*, значимость которого состояла в том, что с его помощью удалось объединить новшества, требовавшие закрепления, с моделью классического права.

Corpus iuris civilis включил в себя:

1) *Codex Iustinianus* – настоящий памятник права; произведение, которое объединило в себе наследие римской правовой мысли, начиналось со сборника законов, разработанных самим Юстинианом, его супругой Феодорой и его министром Трибонианом (который носил титул *quaestor sacri palatii*).

13 февраля 528 года н.э. Юстиниан издал конституцию (*Haec quae necessario*) о формировании комиссии из 10 человек, задача которой состояла в компиляции нового кодекса. Этот новый кодекс должен был бы включать в себя материалы кодексов Грегориана, Гермогениана, Феодосия, а также императорские конституции самого Юстиниана. Новый кодекс был сформирован в кратчайшие сроки и опубликован уже 07 апреля 529 года.

2) *Digesta seu Pandectae* – 15 декабря 530 года Юстиниан своей конституцией (*Deo auctore*), адресованной Трибониану, повелел начать работу над новым произведением – собранием сочинений значимых римских юристов – *Digesta* или *Pandectae*.

Предполагалось собрать произведения классических юрисконсультов, наделенных *ius publicae respondendi*, не отдавая, однако, предпочтения мнению ни одного из них по отношению к другому.

В силу полномочий, данных императором Юстинианом, комиссия должна была изучить труды юристов, обозначив автора и название каждого из фрагментов текста, а также удалить вероятные антиномии и противоречия между текстами. Особым полномочием явилась возможность изменять оригинальные тексты, причем довольно масштабно, в случае необходимости. Материалы были распределены по 50 книгам, разделенным на главы в соответствии со строением Кодекса и Постоянного Эдикта (за исключением трех книг, которые остались неразделенными – с 30-й по 32-ю). Дигесты были опубликованы 16 декабря 533 года с конституцией *Tanta*, адресованной сенату и всему народу.

3) *Institutiones Iustiniani Augusti*

Пока продолжалась работа над Дигестами, Юстиниан поручил Трибониану, Теофилу и Дорофею сформировать простой трактат о строении права, основанный на классических произведениях и предназначенный заменить собой устаревшие к тому времени Институции Гая.

Задание императора было выполнено в короткие сроки – Институции были опубликованы 21 ноября 533 года. Институции восприняли структуру Институций Гая и включали в себя 4 книги. Готовое произведение имело и законода-

тельную силу, что прямо указывалось в конституции *Tanta*.

4) *Novellae Constitutiones* – новые императорские конституции, появившиеся уже после издания Кодекса Юстиниана. Первоначально принятие этих новаторских конституций обусловило издание сборника, называемого *Codex repetitae praelectiones* (или полностью – *Novus Codex Iustinianus repetitae praelectionis*). Опубликован данный сборник был 17 ноября 534 года. Этот Новый Кодекс вмещал в себя 12 книг, где перед каждой из конституций находилось *praescriptio* (дословно – предписание), где указывалось имя императора и получателя конституции, а после текста документа помещалось *subscriptio* с указанием места и даты принятия.

Однако и после издания Нового Кодекса конституции продолжали издаваться, поэтому Юстиниан продолжал публикации новых конституций, сборники которых, включая и Новый Кодекс, принято именовать в своей совокупности Новеллами (*Novellae*).

Corpus iuris civilis, не являясь единым документом, дошел до наших дней в различных манускриптах.

Так, например, манускрипты Институций хранились в Турине и датированы примерно 9–10 веками, в то время как текст Дигест содержался в манускрипте 6 века (который был написан практически одновременно с созданием оригинального текста).

Манускрипты с текстом *Novus Codex* существуют в нескольких экземплярах, однако, к сожалению, они созданы уже в средневековье, кроме того, оригинальный текст невозможно восстановить из-за наличия в нем множества неклассических интерполяций.

Таким образом, созданием масштабного и значительного труда – кодификации Юстиниана – завершилась история (периодизация) развития римского права. Принятые в последующем законодательные акты (в науке их принято называть

«византийскими источниками») на развитие европейского права решающего влияния не оказали. Как не имел существенного значения для развития права так называемый этап «варварского развития» права на территории распавшейся римской империи.

Библиографический список

1. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. – Рига, 1918; Яковлев, В.Н. Древнеримское и современное римское право России. Рецепция права: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Яковлев. УдГУ. – Ижевск, 2004.
2. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: «Юрист», 2004. – 544 с.; Бортенев, А.И. Римское право: учебное пособие / А.И. Бортенев, О.А. Сергачева: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. – 104 с.; Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: учебник / пер. с итал.; под общ. ред. Д.В. Дождева / Ч. Санфилиппо. – М.: БЕК, 2002. – С. 12–20; Хутыз, М.Х. Римское частное право: курс лекций / М.Х. Хутыз. – М.: Былина, 1994. – 170 с.; Яковлев, В.Н. Древнеримское и современное римское право России. Рецепция права: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Яковлев. УдГУ. – Ижевск, 2004. – 502 с. и др.
3. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999.
4. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: учебник / пер. с итал.; под общ. ред. Д.В. Дождева / Ч. Санфилиппо. – М.: БЕК, 2002. С. 12–20; Яковлев, В.Н. Древнеримское и современное римское право России. Рецепция права: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Яковлев, УдГУ. – Ижевск, 2004.
5. Дождев, Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / Под ред. члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца / Д.В. Дождев. – М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1996. – 704 с.
6. Guarino A. Diritto privato romano. – Jovene. – 2001. – P. 531.

УДК 378
ББК 74.5

РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ

В.С. Посник

Аннотация. Статья посвящена внеаудиторной работе преподавателя со студентами. Автор рассматривает различные ее виды, показывает роль преподавателя в их организации и педагогическом сопровождении. Особое внимание в статье уделено индивидуальным консультациям как одному из важных средств повышения эффективности самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: преподаватель, студенты вуза, внеаудиторная работа и ее виды, самостоятельная работа студентов, индивидуальные консультации.

THE ROLE OF TEACHER OF AN ACADEMY IN THE ORGANIZING AND CONDUCTION OF OUT-OF-CLASS WORK OF THE TEACHER WITH STUDENTS

V.S. Posnik

Abstract: Article is devoted to out-of-class work of the teacher with students. The author considers her different types, shows a role of the teacher in their organization and pedagogical maintenance. The special attention in article is paid to individual consultations as to one of important means of increase of efficiency of independent work of students.

Keywords: teacher; students of higher education institution; out-of-class work, its types; independent work of students; individual consultations.

Постоянный дефицит учебного времени, испытываемый вузами при реализации новых образовательных программ, побуждает преподавателей больше внимания уделять внеаудиторной работе со студентами. Это тем более важно в современных условиях, при наметившейся тенденции к повышению объема времени на самостоятельную работу студентов за счет соответствующего снижения общего количества аудиторных часов. Поэтому дальнейшая оптимизация этого вида учебной деятельности и повышение роли преподавателей в его осуществлении становится достаточно значимой педагогической задачей.

В широком смысле этого слова под самостоятельной работой понимают всю учебную деятельность студента как в аудитории, так и вне нее. Первая включает в себя: прослушивание и осмысление студентом лекционного материала; ведение необходимых записей; активное его участие в обсуждении вопросов, вынесенных на семинарское занятие; решение лабораторных заданий, выполнение студентом других работ, осуществляемых в присутствии преподавателя и при активном его руководстве всем ходом аудиторных занятий. Вторая – охватывает различные виды внеаудиторной работы: чтение учебной литературы, рекомендованной преподавателем к семинарским занятиям; написание рефератов,

эссе, докладов по наиболее значимым проблемам для последующего их обсуждения в учебной группе; выполнение контрольных и курсовых работ; подготовку выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций и т.д., и т.п. Эти виды работ выполняются студентами преимущественно самостоятельно без непосредственного участия преподавателя, а потому заслуживают с его стороны особого внимания.

Преподаватель должен иметь в виду, что самостоятельная работа сегодня является достаточно эффективным средством активизации творческой деятельности студента. Она способствует расширению и углублению его знаний, формированию у студентов интереса к познавательной деятельности. Самостоятельная работа становится главным резервом повышения эффективности подготовки современных специалистов на уровнях бакалавриата и магистратуры [1, с. 86].

В литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, справедливо отмечается, что самостоятельная работа сегодня приобретает все большее значение в условиях вуза [5, с. 113], что она играет важную роль в формировании академических компетенций [7, с. 314–317], что она является специфическим педагогическим средством организации и управления самостоятельной деятельностью в учебном процессе [3, с. 50].

С учетом изложенного, преподаватель организует самостоятельную работу студентов, осуществляет методическое руководство ею, оказывает студентам необходимую помощь и контролирует ход выполнения ими учебных заданий. В этом прежде всего и проявляется его роль в организации и проведении внеаудиторной работы со студентами.

На первой же лекции преподаватель, рассказывая о новой учебной дисциплине, о ее значении для будущих специалистов данного профиля, доводит до сведения аудитории, какое количество часов из общего объема учебного времени отведено на самостоятельную работу, что представляет собой этот вид деятельности, где закреплены конкретные задания по каждой теме и какие требования предъявляются к их выполнению. Студентам сообщается также, что по всем вопросам, возникающим у них в процессе самостоятельной работы, они могут получить соответствующую консультацию у преподавателей, ведущих аудиторские занятия по той или иной учебной дисциплине. График консультаций составляется на текущий семестр с указанием фамилии преподавателя, места и времени ее проведения. Такие графики размещаются на кафедральной доске учебной информации в доступном для студентов месте.

Отметим, что педагогической практикой выработаны различные виды консультаций. В методической литературе выделяют по содержанию – вводные, тематические и предэкзаменационные консультации, по форме – групповые и индивидуальные, устные и письменные и другие.

Остановимся вкратце на каждом из указанных нами видов и поясним, что они собой представляют и в каких случаях проводятся.

Вводные консультации могут проводиться до начала аудиторных занятий в группах в целях ознакомления студентов с методикой самостоятельной работы по соответствующему курсу. На таких консультациях обращают внимание студентов на особенности данного учебного курса, обозначают наиболее сложные его проблемы, дают общие советы по самостоятельной работе с литературой, подготовке докладов, рефератов, по выполнению других заданий, предусмотренных учебным планом, доводят до сведения студентов требования, предъявляемые кафедрой к их самостоятельной работе.

Тематические консультации, как видно из самого их наименования, проводятся по отдельным, наиболее сложным и объемным темам, на изучение которых отводится по несколько семинаров. По уголовному процессу, например, такими темами могут быть «Принципы уголовного

судопроизводства», «Доказательства и доказывание в уголовном процессе», «Меры уголовно-процессуального принуждения» и некоторые другие. Цель этих консультаций – помочь студентам лучше уяснить структуру темы, обратить внимание обучаемых на узловые ее вопросы, глубокое усвоение которых имеет важное значение для их будущей профессиональной деятельности.

Отметим, что проведение как вводных, так и тематических консультаций связано с определенными трудностями, обусловленными плотным графиком учебного процесса и отсутствием свободных аудиторий, где можно было бы собрать лекционный поток или хотя бы одну учебную группу. Однако при известной заинтересованности преподавателя и при содействии соответствующих вузовских структур (деканата, учебно-методической службы) подобные затруднения могут быть преодолены, а намеченные консультации состоятся.

Предэкзаменационные консультации проходят накануне экзамена и имеют своей целью дать студентам необходимые разъяснения по вопросам, вызвавшим у них определенные затруднения в ходе самостоятельной подготовки к предстоящему испытанию. Такие консультации, в отличие от указанных выше, предусмотрены учебными планами и являются обязательными, как для преподавателя, так и для студентов, и входят в учебную нагрузку педагога. Они включаются в расписание экзаменационной сессии с указанием времени и места их проведения, а также фамилии преподавателя. Такие консультации обычно состоят из двух частей. В первой из них преподаватель отвечает на вопросы, возникшие у студентов при повторении изученного ими учебного материала, во второй части – информирует группу о требованиях, предъявляемых к порядку проведения экзамена.

Подобные консультации, на наш взгляд, могли бы оказать существенную помощь студентам, изучающим учебные дисциплины, по которым итоговой формой контроля является зачет. Однако их проведение учебными планами не предусмотрено и, соответственно, они не входят в учебную нагрузку педагога. Считая этот вопрос достаточно значимым, предлагаем обсудить его, в качестве первого шага, на одном из очередных заседаний Учебно-методического совета нашего Филиала.

Обозначенные выше консультации проводятся с учебной группой или даже с лекционным потоком студентов, а потому не позволяют учитывать их индивидуальные особенности, уровень общей подготовки каждого обучаемого и его

способностей осваивать учебный материал в ходе самостоятельной работы.

Возможность учитывать все это у преподавателя появляется лишь на индивидуальных консультациях, роль которых значительно возрастает в современных условиях. Их преимущество состоит в том, что они проводятся с отдельными студентами и только по тем вопросам, которые их в настоящее время интересуют. Индивидуальные консультации могут проводиться, например, со студентами, готовящими научные доклады для выступления на различного уровня конференциях, пишущими рефераты, эссе на заданную тему, выполняющими курсовые и выпускные квалификационные работы. Важную роль играют индивидуальные консультации в ходе выполнения магистрантами диссертационных исследований. Значение таких консультаций для самостоятельного и качественного выполнения студентами соответствующих работ невозможно переоценить.

Достаточно часто индивидуальные консультации проводятся со слабо успевающими студентами. Здесь цель консультации и ее направленность несколько иная, чем та, о которой говорилось выше. На эти консультации студент является в основном по приглашению преподавателя для отработки неувоенной или пропущенной темы. Проверяя степень усвоения такими студентами учебного материала, преподаватель получает возможность разобраться в причинах слабой их активности на семинарах, помогает им преодолеть неуверенность в себе, дает студентам необходимые рекомендации и советы, как лучше организовать свою самостоятельную работу, с тем чтобы повысить качество усвоения ими учебного материала. Такие консультации имеют у нас известное распространение. Они побуждают студентов более эффективно использовать время, отведенное учебным планом на внеаудиторную самостоятельную работу, даже в тех случаях, когда у них отсутствует еще интерес к учебе.

Специфические особенности имеет консультационная работа со студентами заочной формы обучения, для аудиторных занятий с которыми новыми учебными планами отведено, на наш взгляд, недостаточное количество учебных часов. В этих условиях мы можем уповать лишь на самостоятельную работу студентов-заочников и на усиление консультационной работы с ними.

Роль преподавателей в организации и проведении внеаудиторной работы со студентами, осваивающими учебную программу по заочной форме, значительно возрастает. Соответственно возрастают и усилия преподавателей по методи-

ческому обеспечению и педагогическому сопровождению самостоятельной работы этой категории обучаемых. Для этих целей они организуют заочные консультации с использованием электронной почты, сотовых телефонов преподавателей, а также кафедрального телефона. Рекомендации студентам по организации их самостоятельной работы и способах общения с педагогами в межсессионный период доводятся до их сведения на первой установочной сессии.

Конечно, студент, выполняющий учебную программу по заочной форме обучения, может получить и очную консультацию у преподавателя вовремя зачетно-экзаменационных сессий либо же в межсессионный период, явившись в удобное для него время на кафедру, заранее согласовав свой визит с интересующим его педагогом. Такие консультации играют особую роль в подготовке будущих специалистов.

В методической литературе справедливо отмечено, что индивидуально-очная консультация преподавателя является одной из наиболее эффективных форм помощи студенту-заочнику. Особенно часто в них нуждаются первокурсники, которые еще не научились самостоятельно работать с книгами, а потому нередко затрудняются найти ответы на возникающие у них вопросы. Очная консультация полезна еще и потому, что студент может получить у преподавателя и ряд методических советов [2, с. 39–40].

И хотя эти суждения высказаны достаточно давно, полагаем, что с ними можно согласиться и сегодня. Для таких студентов консультационная помощь преподавателя является не просто желательной, а крайне необходимой. Более того, мы считаем, что индивидуальные консультации являются достаточно полезными и для всех других категорий обучаемых в нашем Филиале независимо от того, получают ли они первое или второе высшее образование.

Многолетний опыт работы с такими студентами свидетельствует, что они нередко испытывают определенные затруднения при изучении юридических дисциплин, а правовой язык и правовые категории, с которыми студенты постоянно встречаются, настоятельно требуют от них дополнительного общения с педагогами. Это побуждает студентов обращаться на кафедру за соответствующей помощью, а преподаватели в этих случаях дают им необходимые разъяснения и методические советы. По крайней мере, нам не известен ни один случай, когда студент, обучающийся по программе второго высшего образования, явившийся на кафедру, не получил бы соответствующую консультацию по тому или иному предмету. Поэтому мы считаем правиль-

ной вузовскую практику распространения на студентов, осваивающих программу второго высшего образования, консультационных нормативов, предусмотренных для студентов заочной формы обучения по первому высшему образованию, хотя и они не в полной мере отражают затраты сил и времени педагогов.

Консультационная работа, если проводить ее регулярно и качественно, требует от преподавателей дополнительных затрат сил и времени. Для дальнейшего повышения ее эффективности и обеспечения заинтересованности преподавателей в ее проведении требуется, чтобы она была признана значимой не декларативно, а по существу. Для этого необходимо, на наш взгляд, пересмотреть нормативы времени на ее проведение, особенно для преподавателей, работающих со студентами-заочниками, т. к. ныне существующие не адекватны затратам педагогического труда.

Представляется, что консультационный норматив для студентов очной формы обучения тоже неоптимален. Он, на наш взгляд, не является достаточно обоснованным. А выход следует искать в сложившейся в нашем Филиале практике организации и проведении преподавателями еженедельных двухчасовых консультаций по заранее составленному графику с указанием в нем времени, места консультации и фамилии педагога. На такие консультации преподаватели реально затрачивают около 70 часов за учебный год. Это количество часов и должно входить в их нагрузку. Подобное предложение мы уже высказывали в «лихие» девяностые годы XX в., но бурные события, происходившие в нашей стране в то время, не позволили их реализовать [4, с. 30–33].

Возвращаясь к этому вопросу, надеемся, что он будет проработан соответствующими инстанциями, и какие-то подвижки в этом направлении удастся осуществить. Если это произойдет, то потребуются пересмотр отношения педагогов к индивидуальным консультациям. Они должны будут стать для нас таким же обязательным видом учебной работы, как лекции и семинары, со строгим соблюдением графика их проведения.

Необходимо будет изменить и отношение студентов к планируемым консультациям. А это возможно только при согласованных действиях деканатов, кафедр, преподавателей и, естественно, обще вузовских учебно-методических струк-

тур. Думается, что в условиях проводимых в стране реформ, в том числе и в системе высшего профессионального образования, когда смещается акцент в обучении на самостоятельную работу студентов, наши предложения заслуживают внимания.

Отметим, что предложения включать консультации в учебную нагрузку педагога (два часа в неделю на поток или группу) и предусматривать часы консультаций в учебном расписании с указанием аудиторий, высказываются и другими авторами [6, с. 98–102]. Так что в своих размышлениях по этому вопросу мы не одиноки.

Конечно, в небольшой по объему статье, посвященной роли преподавателя в организации и проведении внеаудиторной работы со студентами, невозможно обозначить все аспекты этой актуальной проблемы. Понимая это, мы ставим перед собой более скромную задачу: привлечь внимание коллег к самостоятельной работе студентов как важному средству повышения качества подготовки специалистов.

Библиографический список

1. *Ларина, Е.Б.* Индивидуальная работа студентов как одна из важных форм организации учебного процесса [Текст] / Е.Б.Ларина, Т.Н. Панкова // Перспективы науки и образования. – 2014. – №3(9).
2. *Надеинский, Б.П.* Методические советы студентам, обучающимся в высших учебных заведениях без отрыва от производства [Текст] / Б.П. Надеинский. – М.: Высшая школа, 1974.
3. *Пидкосистый, П.И.* Сущность самостоятельной работы студентов и психолого-дидактические основы ее классификации [Текст] / П.И. Пидкосистый // Проблемы активизации самостоятельной работы студентов. – Пермь, 2000.
4. *Посник, В.С.* Роль консультаций в руководстве самостоятельной работой студентов [Текст] / В.С. Посник // Методическое обеспечение учебного процесса в ВАГС. – Волгоград, 1996.
5. *Томашевская, О.Б.* Сущность и содержание самостоятельной работы студентов в условиях вуза [Текст] / О.Б. Томашевская, Н.А. Малиновская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Выпуск 11.
6. *Федорова, С.А.* Консультация как метод активизации работы студентов в процессе познания и усвоения экономической теории [Текст] / С.А. Федорова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2010. – №1(9).
7. *Хохоева, Л.В.* Роль самостоятельной работы в формировании академических компетенций [Текст] / Л.В. Хохоева // Вектор науки ТГУ. – 2012. – №4(11).

УДК 378
ББК 74.5

ШУМ В АУДИТОРИИ КАК ВИД КОММУНИКАЦИОННОЙ ТРУДНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

Р.Г. Мельниченко

Аннотация. В статье автор подвергает анализу такую коммуникационную трудность, как шум в аудитории. Дается определение этой коммуникационной трудности, техники её идентификации, преодоления и профилактики.

Ключевые слова: коммуникационная трудность, шум в аудитории, интерактивность.

THE NOISE IN THE AUDIENCE AS A KIND OF COMMUNICATION DIFFICULTIES OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE PREPARATION OF LAWYERS

R.G. Melnichenko

Abstract: The author exposes the analysis of such a communication difficulty, as the noise in the audience. The definition of this communication difficulties, equipment identification, overcoming and prevention.

Keywords: communication difficulty, the noise in the audience, interactivity.

Коммуникационные трудности – это препятствия, которые возникают у лектора или модератора в ходе проведения своих занятий. В контексте субъектно-объектного образования подобные проблемы не так актуальны и «погашаются», как правило, репрессивными методами, например, фразой: «Я говорю – ты, молча, слушаешь». В субъект-субъектной образовательной парадигме, элементом которой является интерактивный метод обучения, простых рецептов разрешения коммуникационных трудностей не существует. Выявление и разрешение подобных трудностей в ходе применения интерактивных методов – это точки роста, как начинающего, так и опытного преподавателя. Работа с этими коммуникационными трудностями направлена на разрешение следующих задач: преодоление коммуникационных трудностей и рефлексия над возникшей ситуацией.

Преодоление коммуникационных трудностей – это путь преподавателя к интерактивным методам образования. Соблазн разрешения подобных трудностей административно-силовым методом неминуемо приведёт к отказу от интерактивных методов. Методы преодоления коммуникационных трудностей должны быть особо тонкими и не разрушающими диалог между учеником и учителем.

Если первая задача работы с коммуникационными трудностями более-менее ясна, то вторую необходимо раскрыть подробней. Любая коммуникационная трудность является «вершиной айсберга». То есть под ней скрываются базовые

проблемы занятия. Например, шум в аудитории может свидетельствовать об отсутствии у лектора общего топоса с аудиторией, усталости аудитории, недостаточности лексикона у аудитории для понимания лектора и т. п. Для того чтобы вскрыть эти базовые проблемы, преподаватель должен рефлексировать, то есть проанализировать, в первую очередь, своё поведение, а затем и поведение участников занятия. Методика позволяет артикулировать рефлексию в ходе преодоления коммуникационной трудности. Например, преподаватель может вслух рассуждать, почему студенты его не слушают.

В ходе исследования коммуникационных трудностей образовательного процесса был выявлен их типичный ряд, то есть те трудности, которые, как правило, чаще других встречаются в работе преподавателя. Каждая из выявленных коммуникационных трудностей была исследована по следующей схеме:

- описание коммуникационной трудности;
- подбор антиномичной коммуникационной трудности;
- выявление причины возникновения коммуникационной трудности;
- идентификация коммуникационной трудности;
- подбор приёмов, направленных на преодоление коммуникационной трудности;
- профилактика коммуникационной трудности.

Описание коммуникационной трудности – это её концептуализация, то есть обозначение

одним, максимум двумя словами и дача определения получившемуся понятию. Определение – это существенные признаки понятия, которые помогут на следующем этапе идентифицировать коммуникативную трудность.

Этап *подбора антиномичной коммуникативной трудности* основан на идее о том, что понимание какой-либо сущности, как правило, возможно лишь при наличии её антиномии, то есть противоположной сущности. Например, зло – добро, свет – тьма и т.п. В языке эта операция осуществляется путём подбора антонима.

Причина коммуникативной трудности – это ответ на вопрос: «Почему возникла коммуникативная трудность?» Коммуникативная трудность не может возникнуть без причины и задача преподавателя её выяснить.

Идентификация коммуникативной трудности – это процесс, в ходе которого преподаватель начинает «видеть» в конкретной ситуации коммуникативную трудность. Для идентификации необходима матрица (образец в виде признаков) коммуникативной трудности, «сканирование» ситуации и совпадение признаков матрицы с признаками ситуации.

Приёмы, направленные на преодоление коммуникативной трудности, – это кратковременное взаимодействие между преподавателем и студентом, субъектом коммуникативной трудности, с целью её преодоления.

Профилактика коммуникативной трудности – риторические и педагогические приёмы, препятствующие возникновению коммуникативной трудности.

Из ряда выявленных коммуникативных трудностей по предложенной выше схеме рассмотрим одну – шум в аудитории.

Шум – наиболее распространённая коммуникативная трудность. Под шумом понимаются звуки, слившиеся и нестройное, обычно громкое звучание [1]. В контексте коммуникативных трудностей, мы определим шум как ситуацию, при которой в аудитории без санкции преподавателя одновременно звучит более одного голоса. Под ситуацией здесь понимается определённое место и время. Место – учебная аудитория, а время – период занятия. В качестве примера можно привести ситуацию, при которой студенты ведут разговор друг с другом во время занятия без санкции преподавателя.

Данное определение является действующим не только в монологическом формате занятий, например, некоторых видах лекций, но и в диалогических, например, семинарских. Дело в том, что диалог – это не совмещённая, а разделённая речь. То есть и в диалоге одновременно

не звучат два голоса. Голоса собеседников в диалоге разделены, то есть звучат поочередно.

Возможны, впрочем, исключения из правила одного голоса. Это происходит, например, при занятиях в работе с малыми группами. Когда студенты распределяются по группам и каждая из них выполняет своё задание самостоятельно. Но в данном случае отсутствует такой признак шума, как отсутствие на одновременную речь санкции преподавателя.

Антиномичной коммуникативной трудностью шума является тишина. Тишина – это отсутствие ответа со стороны обучающегося на вопрос преподавателя. Объединяет эти коммуникативные трудности прерывание коммуникации. Но если при шуме коммуникация прерывается из-за наложения коммуникативных каналов друг на друга, то при тишине коммуникация прекращается из-за отсутствия коммуникативного канала.

О единстве и различии таких коммуникативных трудностей, как шум и тишина, свидетельствует следующая ситуация. Студенты общаются друг с другом в ходе семинарского занятия (шум в аудитории). Преподаватель обращается к отвлекшемуся студенту с вопросом и не получает ответа (тишина).

Причина шума – это то, что привело к наложению коммуникативных потоков. Причин такой коммуникативной трудности, как шум, может быть множество, и их выяснение является важнейшей задачей преподавателя. Можем предложить только те из них, которые были выявлены в ходе преподавательской деятельности автора. Причины шума можно разделить на две группы:

- 1) утрата интереса обучающегося к занятию;
- 2) повышенный интерес обучающегося к занятию.

Утрата интереса, а в некоторых случаях и его отсутствие с самого начала занятия, наступает в связи с наличием такой пресуппозиции студента, как полезность времяпровождения. Занятие студенту не интересно, но он вынужден находится в аудитории, значит, он идентифицирует ситуацию «потери времени». В этой ситуации возможны два пути. Первый – занять себя самостоятельно (послушать музыку, выйти в социальные сети посредством гаджета и т. п.) Второй – вступить в коммуникацию с коллегой-студентом. В последнем-то случае и возникает шум в аудитории.

Утрата интереса может быть связана с тем обстоятельством, что этот интерес «захвачен» другим объектом внимания, например,

межгендерной коммуникацией, развлекающей речью соседа и т. п. У обучающихся, склонных к прокрастинации, утрата интереса к занятию в подобных случаях весьма вероятна. Если нелегитимная коммуникация требует вербализации, она порождает шум в аудитории.

Повышенный интерес студента к занятию, как это ни парадоксально, также может стать источником шума. Здесь причин может быть несколько. Например, студент или не расслышал, или не понял содержание излагаемого преподавателем материала. Тогда он обращается к своему коллеге-студенту за разъяснением: «Что он (преподаватель) сказал»? Последний, будучи человеком ответственным (отвечающим на вопросы) повторяет или объясняет материал преподавателя своему коллеге.

Вторая причина, приводящая к повышенному интересу к занятию и шуму, довольно редка и возможна только у преподавателя высокого профессионального уровня. Такой преподаватель, излагая учебный материал, создаёт «воронки вовлечения». Подобные воронки создаются при помощи демонстрации связи излагаемого материала с уже известным обучающимся материалом. То, что у студента уже есть в своём жизненном опыте. Например, излагая тему «Методы войны», преподаватель приводит пример стрельбы из крупнокалиберного пулемёта российского актёра на территории театра военных действий. Так как этот случай широко обсуждался в СМИ, студент обладает опытом по этому вопросу и потому материал занятия легко прикрепился к опыту студента. В некоторых случаях это становится для студента инсайтом и последний решает вербализовать своё открытие соседу. Так возникает шум в аудитории.

Идентификация шума как коммуникационной трудности – первый этап работы с коммуникационной трудностью в «полевых условиях». Идентификация шума – достаточно сложная задача и, как правило, не всем преподавателям под силу. В результате, большинство учителей идет по пути игнорирования шума. Скорее всего, в опыте каждого студента или школьника была ситуация, при которой преподаватель или учитель не обращал внимание на шум в аудитории. При особенно далеко зашедших случаях аудитория может «стоять на голове» при полном игнорировании этой проблемы со стороны преподавателя. В сети Интернет нам попадались весьма примечательные селфи⁷. На этих фотографиях

студенты запечатлели себя в весьма вольных позах на фоне читающего лекцию преподавателя.

Преподаватель может рефлексировать и «увидеть» следующие признаки шума в аудитории:

- повышение громкости своего голоса;
- лица студентов обращены в сторону.

Предлагаем несколько техник выявления шума в аудитории.

Внезапное умолкание. Преподаватель в каком-либо месте своей речи делает паузу и вслушивается в аудиторию. Если в результате в течение какого-либо времени он слышит звуковой шлейф – проблема шума в аудитории выявлена. Если шум в аудитории не шлейфовидный, а постоянный – проблема особенно серьёзна.

Аудио или видеозапись. Рекомендуем записать свою лекцию или семинарское занятие на аудио- или видеоноситель. И при её прослушивании «настроить» свой слух на выявление шума. Если шум есть, его возможно идентифицировать. Наш личный опыт показал, что при отсутствии установки на идентификацию шума в ходе просмотра или прослушивания записи, это сделать невозможно. Так, только после ознакомления с многочисленными комментариями к видеозаписям занятий, размещённых в сети интернет («А почему аудитория шумит?»), автор услышал проблему шума.

Обратная связь коллег – техника, сходная с техникой прослушивания аудио- или видеозаписи занятия. Преподаватель просит своего коллегу, например, в рамках обязательного взаимного посещения, обратить внимание на наличие или отсутствие шума в аудитории.

При регулярном применении техники «внезапное умолкание», «запись», «обратная связь коллег», преподаватель через определённое время войдёт в режим идентификации шума и сможет самостоятельно чётко и быстро реагировать на появление такой коммуникационной трудности как шум.

Приёмы преодоления такой коммуникационной трудности, как «шум в аудитории» – это краткий коммуникационный акт, направленный на ликвидацию шума. Эти приёмы были выработаны в ходе преподавательской деятельности, как автора, так и его волгоградских коллег. Приведём с начала перечень, а затем краткое описание этих приёмов: конвенция, выгорание энергии, пересадка, работа с трудностью.

Конвенция – это договор или соглашение между преподавателем и студентами по вопросу шума в аудитории. Желательно на первом занятии преподаватель произносит речь о ценности

⁷ Фотографирование себя, как правило, на камеру сотового телефона.

идеи «один голос». Эта идея заключается в том, что во время коммуникации в учебном пространстве в каждый временной промежуток должен звучать только один голос. Это голос или преподавателя, или студента. Затем аудитории предлагается проголосовать за одну из этих двух позиций. Первая позиция: кто согласен заключить конвенцию о том, что на занятиях действует режим «один голос»? Вторая позиция: кто не согласен заключить конвенцию о том, что на занятиях действует режим «один голос»? Как правило, все участники аудитории согласны с режимом «один голос». Если подойдёт опоздавший студент, следует попросить любого ранее присутствующего студента объяснить опоздавшему конвенцию «один голос». Затем следует выявить позицию опоздавшего по этому вопросу.

В случае, если есть несогласные с конвенцией «один голос», с ними проводится работа по выяснению причин и, в необходимых случаях, заключается конвенция с особыми условиями, например, можно обращаться к соседу с просьбой открыть или закрыть окно.

Впоследствии, в случае возникновения шума, студентам следует напоминать конвенцию и выяснять, на каком основании они эту конвенцию нарушают. Напоминание о конвенции – необходимое условие её соблюдения в ходе всего образовательного процесса.

Выгорание энергии. Предложенный нами выше такой приём идентификации шума в аудитории, как «внезапное умолкание», можно использовать и в качестве приёма ликвидации шума. Так, если после умолкания преподавателя обнаруживается «звуковой шлейф», аудитории предлагается метафоризированная идея, которая заключается в следующем, когда преподаватель говорит, студенты заряжаются энергией и не в силах её сдерживать, вступают в постороннюю коммуникацию. Когда преподаватель замолкает, энергия студента быстро иссякает, и он замолкает. Эта идея основана на существующем эффекте «замолкшего преподавателя». В случае прерывания преподавательской речи, аудитория замолкает и обращает своё внимание на учителя.

В идеале, при каждой идентификации шума, преподавателю следует замолчать, используя тем самым приём «выгорание энергии».

Пересадка – технический, широко распространённый, но от этого не менее действенный приём. Преподаватель, видя нелегальную коммуникацию, предлагает одному из её участников пересесть, например, ближе к преподавателю. Создаются физические препятствия для продолжения нелегальной коммуникации. Можно использовать приём «пересадка» и в качестве про-

филактического, например, обращаясь к студентам, сидящим на задних партах: «Прошу всех, сидящих на задних партах пересесть на первые парты».

Работа с трудностью. Идентифицированный шум требует к себе преподавательского внимания и работы. Даже весьма эффективная техника «выгорания энергии» перестаёт через какое-то время действовать, если не выяснять причины шума.

В случае, если преподаватель идентифицирует такую коммуникационную трудность, как «шум в аудитории», он выявляет его источник (студента) и обращается к нему с вопросом о содержании разговора. В дальнейшем возможны два варианта. Первый вариант – студент пересказывает содержание своего разговора, породивший шум. Во втором варианте – он отказывается это делать, сославшись, например, на приватность разговора. И в первом, и во втором случае следует выяснить, в чём причина шума. Сам этот разговор можно включить в смысловую ткань занятия. Вот несколько сокращённый диалог, в ходе которого преподаватель работает с такой коммуникационной трудностью, как шум в аудитории:

- Аня, почему Вы разговариваете?
- Я отвечала на вопрос соседки.
- Аня, Вы всегда отвечаете в случае, если Вас спрашивают?
- Когда считаю нужным, я отвечаю.
- Значит, в данном случае Вы считаете более важным ответить своей соседке, чем соблюдать тишину в аудитории?
- Да.
- Аня, выделите тезисы нашего разговора (прикрепление к теме занятия «Теория аргументации»).
- Мой тезис – студент может говорить одновременно с преподавателем. Ваш тезис – студент не может говорить одновременно с преподавателем [2].

Профилактика такой коммуникационной трудности, как шум в аудитории – риторические и педагогические приёмы, препятствующие её возникновению. Если при преодолении шума в аудитории необходимо выявить причины конкретного шума, то при профилактике шума в аудитории необходимо выявить базовые причины, способствующие возникновению шума в аудитории. Этих базовых причин две: усталость и склонность к прокрастинации. Подобные причины увеличивают риск возникновения шума. Разработкой профилактических приёмов, уменьшающими этот риск, занимается риторика и пе-

дагогика. Представляем несколько подобных приемов.

Разнообразие – риторический приём, направленный на удержание внимания аудитории. Преподаватель меняет ритмы. От громкого голоса к тихому, от быстрой речи к замедленной, от речи к паузе и т. п.

Определение и пример. В случае, если студент не понимает то, что разъясняет ему преподаватель, он становится склонным к прокрастинации. Разъяснение материала возможно двумя способами: посредством определения (совокупности существенных признаков) и примера. Одни индивиды склонны к первому способу понимания, другие ко второму. Так как в аудитории, скорее всего, находятся представители обеих этих групп, целесообразно каждое определение сопровождать примером, а пример – определением.

Интерактивная форма занятия. В этой форме органично сочетаются другие приёмы профилактики такой коммуникационной трудности, как шум в аудитории. Чередуя диалог и монолог в интерактивном режиме является элементом приёма «разнообразие». Обращение к аудитории, например, с вопросом: «Есть ли у кого-либо примеры к подобной ситуации?», будет сочетать определение, данное в монологической части и пример, предоставленный учениками в части диалогической.

У преподавателя при работе с коммуникационными трудностями могут возникнуть определённые проблемы. Рассмотрим самые распространённые из них: спешка и авторитаризм.

Спешка. Преподаватель видит основной своей задачей передачу учебного материала аудитории, продвинутый преподаватель – развитие у аудитории определённых компетенций. И потому работу с коммуникационной трудностью он идентифицирует как помеху в достижении основных целей. Поэтому возникает спешка, то есть желание быстро «проскочить» этап преодо-

ления коммуникационной трудности. Наш тезис по этому вопросу следующий: «Работа с коммуникационными трудностями – это важнейшая задача преподавателя и ей следует уделять столько времени, сколько она потребует». Во-первых, в ходе совместно преодоления коммуникационной трудности у обучающихся развивается компетенция по преодолению коммуникационных трудностей, которая сама по себе является важной для обучающегося. Во-вторых, при «проскакивании» коммуникационной трудности, получение учебной информации, так же как и развитие различных компетенций, будет или затруднено или вообще невозможно.

Авторитаризм – внешне действенный, но глубоко порочный режим устранения коммуникационных трудностей. В этом режиме преподаватель, при идентификации коммуникационной трудности, применяет к нарушителям репрессивные меры. Подобный режим может создать иллюзию отсутствия коммуникационных трудностей. Например, студенты начнут общаться друг с другом в ходе занятия не вербально, а например, письменно. То есть при аудиальном отсутствии такой коммуникационной трудности, как шум в аудитории, она имеет место быть.

Коммуникационная трудность – шум в аудитории – является показательной в ряду других коммуникационных трудностей по причине своей распространённости и наличием отрефлексированных приёмов её идентификации, преодоления и профилактики.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковик, 1999. – С. 902.
2. Мельниченко, П.Г. Проблема Шума в аудитории: видео фрагмент // <http://www.youtube.com/watch?v=5UXOjIMlyxw&list=PL8RcQaADy-ZFm7mSwcBWw8cOJLiu9uIK7&index=5>

Трибуна молодого ученого

TRIBUNE OF YOUNG SCHOLAR

УДК 342.2
ББК 67.300

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ, РЕГИОНАЛЬНЫМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Н.А. Курганов

Аннотация: В статье анализируется законодательство Российской Федерации, которое закрепляет разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в сфере муниципальной службы. Автор анализирует различные модели разграничения полномочий, определяя модель, присущую Российской Федерации, а также рассматривает сведения из Конституции РФ и других нормативных правовых актов по данному вопросу.

Ключевые слова: юриспруденция, местное самоуправление, муниципальная служба, муниципальные служащие, разграничение компетенции, служебные правоотношения.

DELIMITATION OF POWERS BETWEEN THE FEDERAL, REGIONAL AND LOCAL GOVERNMENTS IN THE FIELD OF MUNICIPAL SERVICE

N.A. Kurganov

Abstract: The article focuses on the legislation of the Russian Federation that enshrines the delimitation of matters of authority and powers between the Russian Federation and its constituent entities in the sphere of municipal service. The author analyzes various models of delimitation of powers determining a model that is typical for the Russian Federation and considers data from the RF Constitution and other regulatory legal acts related to this issue.

Keywords: Law, local government, community service, municipal employees, distribution of powers, the service relationship.

Исследование проблемы разграничения предметов ведения и полномочий органов власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления, как в смысле общей теории государства и права, так и применительно к регулированию отдельных сфер общественных отношений, является одним из наиболее актуальных вопросов. Эта проблема затрагивает различные институты, и муниципальная служба не является исключением.

В мировой практике существуют две разные модели разграничения полномочий: дуализм и кооперация [1]. При дуалистическом способе существует два уровня управления: федеральный и региональный. Таким образом, при дуализме есть модель, которая подразумевает закрепление

в Конституции вопросов исключительной компетенции федерации, а компетенции субъекта определяются по остаточному принципу (ст. 3 Конституции Швейцарии). Существует разновидность данной модели, при которой в статьях Конституции закрепляются и компетенция федерации, и компетенция субъекта, при этом остаточная компетенция закреплена за федерацией (ст. 91, 92 Конституции Канады).

Кооперация, как и дуалистический способ, имеет две разновидности. Первая заключается в конституционном закреплении трех отдельных компетенций: федерации, субъектов и совместной (ст. 20–26 Конституции Бразилии). Вторая модель закрепляет компетенцию федерации и совместную компетенцию (ст. 129–159 Консти-

туции Пакистана).

Российская Федерация избрала для себя модель кооперативного федерализма, а именно «двухуровневый способ конституционного разграничения предметов ведения» (предметы совместного ведения и предметы ведения федерации), и, по мнению И.А. Умновой, такой способ является «более предпочтительным, чем трехчленная классификация» [2].

Кроме того, в мировой практике конституционного регулирования используются два метода распределения власти «в остатке»: децентрализации и централизации [3]. При децентрализации компетенция, не принадлежащая Федерации и не отнесенная к их совместному ведению, находится у субъектов Федерации. При централизации происходит обратное: компетенция остается у Федерации.

В правовом государстве невозможно разделение компетенций между Федерацией и ее субъектами без нормативного закрепления. В Российской Федерации подобное разделение закреплено в Конституции, которая совокупность предметов правового регулирования разделяет на следующие группы:

1) полномочия исключительного ведения РФ, закрепленные в ст. 71;

2) полномочия совместного ведения РФ и субъектов РФ, закрепленные в ст. 72;

3) иные вопросы, представляющие перечень исключительной компетенции субъектов РФ, закрепленные в ст. 73 (то есть так называемый «остаточный принцип», по которому вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти).

Следует отметить, что закрепленный в Конституции РФ вариант разграничения предметов ведения и полномочий подвергается критике, прежде всего, за свою неспособность четко и ясно провести разграничение между компетенцией федерального центра и регионов.

Разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами неизбежно затрагивает вопросы муниципальной службы. Это обосновано закреплением в Конституции РФ принципа народовластия, согласно которому народ осуществляет свою власть как непосредственно, так и через публичные органы власти государственного и муниципального уровня. Исполнение муниципальным органом своих полномочий возможно только через работу муниципальных служащих.

Однако в Конституции РФ вопрос о разграничении полномочий в сфере муниципальной службы не урегулирован, в тексте Конституции РФ даже отсутствует упоминание о муниципаль-

ной службе. Конституция РФ регламентирует лишь базовые положения, которые касаются местного самоуправления. Отсутствие непосредственного упоминания о муниципальной службе в Конституции РФ привело к наличию в юридической науке различных подходов. Мнения исследователей о проблеме соотношения законодательства РФ и субъектов РФ о муниципальной службе значительно отличаются.

Нам представляется, что такое положение выглядит вполне закономерным, так как Конституция РФ 1993 г. принималась в то время, когда отсутствовали четкие принципы и критерии, в соответствии с которыми надлежало строиться и развиваться законодательству о муниципальной службе.

Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим отношения, связанные с организацией и прохождением муниципальной службы, является Закон о муниципальной службе. Нормы, определяющие полномочия органов государственной власти и местного самоуправления по регулированию муниципальной службы, рассредоточены по всему тексту закона и не обеспечивают, на наш взгляд, единообразного подхода к регулированию общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Так, согласно положениям Федерального закона № 131-ФЗ, правовое регулирование муниципальной службы осуществляется Законом о муниципальной службе, а также законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами, принимаемыми в соответствии с ним (ст. 42).

Несколько по-иному регламентируются названные вопросы в Законе о муниципальной службе. В нем указано, что правовые основы муниципальной службы в Российской Федерации определяются Конституцией РФ, названным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, конституциями (уставами), законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, уставами муниципальных образований, решениями, принятыми на сходах граждан, и иными муниципальными правовыми актами.

Заметна несогласованность названных положений Федерального закона № 131-ФЗ и Закона о муниципальной службе в части установления правовых основ муниципальной службы. Закон о муниципальной службе существенно расширяет систему источников регулирования муниципальной службы за счет включения в нее Конституции РФ, конституций (уставов) субъектов РФ, подзаконных нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, а

также путем указания на решения, принятые на сходах граждан. Отсутствие системности в регулировании рассматриваемых отношений влечет различия в толковании и применении федерального законодательства.

Закон о муниципальной службе при регулировании вопросов организации и прохождения муниципальной службы допускает, на наш взгляд, неоправданную децентрализацию. Например, органы местного самоуправления на основе типовых квалификационных требований, определяемых в законе субъекта Федерации, устанавливают квалификационные требования для должностей муниципальной службы.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 7 Закона Республики Адыгея от 8 апреля 2008 г. № 166 «О муниципальной службе в Республике Адыгея» требования к стажу для каждой из групп должностей следующие:

- для высших должностей минимальный стаж муниципальной службы (государственной службы) не может быть менее 4 лет или стаж (опыт) работы по специальности не может быть менее 5 лет;
- для главных должностей – не менее 3 лет или не менее 4 лет;
- для ведущих должностей – не менее 2 лет или не менее 3 лет;
- для старших и младших должностей требования к стажу (опыту) работы не предъявляются [4].

В соответствии с Законом Волгоградской области «О некоторых вопросах муниципальной службы в Волгоградской области», требования к стажу муниципальной службы (государственной службы) или стажу работы по специальности для замещения должностей муниципальной службы дифференцируются не только в зависимости от группы должностей, но и от типа и численности муниципального образования. Так, для городских округов численностью свыше 100 тыс. чел. квалификационные требования к стажу следующие:

- для высших должностей – не менее 3 лет стажа муниципальной службы (государственной службы) или не менее 4 лет стажа работы по специальности;
- для главных должностей – не менее 2 лет или не менее 3 лет;
- для ведущих должностей – не менее 1 года или не менее 2 лет;
- для старших и младших должностей требования к стажу отсутствуют.

Нетрудно заметить, что в случае переезда муниципального служащего из Волгоградской области и Республики Адыгея будет невозможен равнозначный переход в рамках ведущих, глав-

ных и высших должностей муниципальной службы. В данной связи представляется целесообразным на федеральном уровне установить основные требования к уровню квалификации для замещения должностей муниципальной службы, включая требования к стажу муниципальной службы и опыту работы по специальности.

Также весьма спорными и немотивированными представляются положения ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ, предоставляющие субъектам РФ возможность отнесения должностей председателя, заместителя председателя и аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования либо к муниципальным должностям, либо к должностям муниципальной службы.

В Краснодарском крае данные должности в контрольно-счетном органе муниципального образования включены в число муниципальных должностей [5].

В Ростовской области должности председателя и аудитора контрольно-счетного органа отнесены к должностям муниципальной службы [6].

Законом Астраханской области от 4 сентября 2007 г. № 52/2007-ОЗ «Об отдельных вопросах правового регулирования муниципальной службы в Астраханской области» названные должности отнесены к должностям муниципальной службы [7]. При этом в ч. 6 ст. 5 Закона Астраханской области «Об отдельных вопросах правового регулирования муниципальной службы в Астраханской области» предусмотрена возможность отнесения должностей председателя, заместителя председателя и аудитора контрольно-счетного органа к муниципальным должностям нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

Еще один вопрос, возникающий при регулировании муниципальных отношений на федеральном уровне, – применение трудового законодательства к служебным правоотношениям в органах местного самоуправления.

Как не один раз указывалось в актах Конституционного Суда РФ, специфический характер профессиональной деятельности муниципальных служащих, особая значимость муниципальной службы для общества и государства обуславливают необходимость введения специального правового режима для данного института [8].

Законодателем в ч. 2 ст. 3 Закона о муниципальной службе установлено правило, согласно которому трудовое законодательство распространяется на муниципальных служащих с особенностями, предусмотренными указанным за-

коном. Представляется, что нет необходимости включать в законодательство о муниципальной службе нормы, общие как для муниципальных служащих, так и для других работников (например, право на условия труда, соответствующие требованиям к безопасности и гигиене, право на равное вознаграждение за равный труд и т. п.). Поэтому полностью отказываться от субсидиарного применения трудового законодательства при регулировании служебных правоотношений вряд ли целесообразно [9].

В то же время, как верно отмечает С.Е. Чанов, наличие в Законе о муниципальной службе значительного числа отсылок к трудовому законодательству (например, в ст. 20, 23, 27, 29) не может не удивлять [10]. Следует согласиться с мнением ученого, указывающего, что введение в Закон о муниципальной службе норм, регулирующих отдельные положения о труде муниципальных служащих, является обоснованным и необходимым тогда, когда соответствующими нормами устанавливаются специальные, отличающиеся от общих, правила. Учитывая специфику функциональных обязанностей муниципальных служащих, а также особенности правовых методов воздействия на общественные отношения, очевидно, что основания принятия на муниципальную службу и порядок ее прохождения является более жестким по сравнению с общим порядком, установленным трудовым законодательством.

Говоря о соотношении трудового и муниципального законодательства, необходимо отметить следующее обстоятельство. Ключевым понятием трудового права является трудовой договор, который является основанием возникновения соответствующих правоотношений. Однако ученые-цивилисты указывают на то, что наличие между сторонами отношений «власти – подчинения» должно исключать «возможность применения не только гражданского законодательства, но и самой конструкции договора как такового. Договор ... может существовать только между субъектами, которые в данном конкретном случае занимают равное положение» [11]. Говоря о статусе служащего, еще Гегель писал, что «служащий является не просто наемным работником, а лицом, представляющим государство, выступающим от имени государства и защищающим его интересы, а через него – общества» [12]. Современные исследователи публичной службы в зарубежных государствах также отмечают, что служащий должен рассматриваться не в качестве нанятого государством, а в качестве его должностного лица – чиновника, который как воплощает в себе государство, так и одновременно служит ему. Следовательно, «принцип равенства

сторон в договоре найма неприменим к отношениям, складывающимся между государством и чиновником» [13].

В то же время Конституционный Суд РФ исходит из понимания служебных отношений на муниципальной службе как трудовых и принимает решения, ориентируясь на Конституцию РФ и ТК РФ [14].

Важную роль в определении правовых основ муниципальной службы занимает региональное законодательство. Правотворчество субъектов РФ в сфере регулирования муниципальной службы развивается весьма динамично, субъекты самостоятельно определяют значительный перечень вопросов, связанных с муниципальной службой: закрепление реестров должностей и квалификационных требований к их замещению, установление порядка денежного содержания, регулирование порядка поступления и прохождения службы, а также иные вопросы.

Однако в правотворчестве регионального уровня имеется существенный недостаток. Рассмотрим его на конкретном примере. Статья 16 «Закона о муниципальной службе», регулирующая порядок поступления гражданина на службу в органы местного самоуправления, в большинстве своем содержит императивные требования в связи с этим, представляется излишней фиксация в отдельных законодательных актах субъектов ЮФО (например, Республике Адыгея, Краснодарском крае) тех же самых императивных положений, установленных как в ст. 16, так и в ст. 17–19 «Закона о муниципальной службе». Анализ названных актов позволяет отметить, что региональный законодатель буквально «скопировал» положения соответствующего Федерального закона. В других субъектах ЮФО, например, в Республике Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области подобный дефект законодательной техники отсутствует. Представляется нецелесообразным копирование в региональных законах положений о перечне документов и сведениях, предоставляемых при поступлении на муниципальную службу, категориях муниципальных служащих, которые не подлежат аттестации, а также об основаниях для расторжения трудового договора с муниципальным служащим, поскольку все перечисленные вопросы получили императивное регулирование в федеральном законодательстве.

Говоря о разграничении компетенции между различными уровнями власти в сфере муниципальной службы, стоит обратить внимание и на разграничение компетенции муниципальных образований разного уровня. Как подчеркивает И.Н. Барциц, муниципальная реформа разграни-

чила компетенцию и определила ответственность муниципальных органов перед населением и государством благодаря закреплению обязательного перечня вопросов местного значения за каждым из видов муниципальных образований. Вместе с тем практическая реализация предложенной схемы по разграничению вопросов местного значения показывала, что она не в полной мере адаптирована к особенностям и условиям конкретных регионов или муниципальных образований. Так, она не учитывает существенных различий в компетенции муниципальных органов различных видов поселений, особенности осуществления самоуправления в общинах казачьего самоуправления, малочисленных народов [15].

Создание двухуровневой системы местного самоуправления является одним из основных направлений современной реформы местного самоуправления. На это, в частности, направлен и Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Стоит отметить, что закон не носит обязательного характера и должен реализовываться с учетом мнения населения и специфики конкретной территории [16].

Применительно к сфере регулирования муниципальной службы реализация двухуровневой системы местного самоуправления, по нашему мнению, должна заключаться в передаче полномочий по регулированию отдельных вопросов организации и прохождения муниципальной службы на уровень муниципальных районов и городских округов. Такими вопросами могут являться: установление перечня должностей муниципальной службы, размера и условий оплаты труда, а также определение порядка применения поощрений муниципальных служащих. Данные предложения, по нашему мнению, предоставляют возможность оптимизировать систему организации муниципальной службы на уровне муниципальных образований.

Библиографический список

1. Морозова, А.С. Проблемы конституционно-правового регулирования сферы совместного ведения Российской Федерации и субъектов [Текст] / А.С. Морозова // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 82–95.
2. Умнова, И.А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет консти-

туционного регулирования [Текст] / И.А. Умнова // Журнал российского права. – 1999. – № 11.

3. Умнова, И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебно-практическое пособие [Текст] / И.А. Умнова. – М.: Дело, 1998.

4. Закон Республики Адыгея от 8 апреля 2008 г. № 166 «О муниципальной службе в Республике Адыгея» // Собрание законодательства Республики Адыгея. – 2008. – № 4.

5. Закон Краснодарского края от 8 июня 2007 г. № 1244-кз «О муниципальной службе в Краснодарском крае» // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. – 2007. – № 54 (i)

6. Областной закон Ростовской области от 09.10.2007 № 787-ЗС (ред. от 29.02.2012) «О Реестре муниципальных должностей и Реестре должностей муниципальной службы в Ростовской области».

7. Закон Астраханской области от 4 сентября 2007 г. № 52/2007-ОЗ «Об отдельных вопросах правового регулирования муниципальной службы в Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. – 2007. – № 40.

8. См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 45-О «По запросу Люберецкого городского суда Московской области о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 20.1 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» и подпункта 4 пункта 3 статьи 41 Закона Московской области «О муниципальных должностях и муниципальной службе в Московской области».

9. Абезин, Д.А. Правовое регулирование деятельности и юридическое положение государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации: региональный аспект [Текст] / Д.А. Абезин, С.В. Михнева. – Волгоград: Издательство ГОУ ВПО ВАГС, 2005.

10. Чаннов, С.Е. Муниципальная служба в контексте служебного и трудового права: публичность или квазипубличность [Текст] / С.Е. Чаннов // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 18.

11. Брагинский, М.И. Договорное право. Общие положения [Текст] / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М., 2001. – Кн. 1.

12. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1990.

13. Государственная служба основных капиталистических стран. – М., 1977.

14. См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2003 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области «О муниципальной службе Ивановской области» в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области».

15. Барциц, И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект [Текст] / И.Н. Барциц. – М.: Формула права, 2008.

16. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации: федер. закон: [принят 27 мая 2014 г. №136-ФЗ] и Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон // СЗ РФ. – 2014. – № 22. – Ст. 2770.

УДК 347.4
ББК 67.304

ФИНАНСОВЫЕ УСЛУГИ В РОССИИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н.В. Рахманина

Аннотация. Правовое регулирование финансовых услуг в России отнесено к области антимонопольного законодательства, однако само понятие «услуга» сформулировано гражданско-правовой доктриной и урегулировано нормами института возмездного оказания услуг. Именно эта двойственность порождает множество проблем, которым и посвящена данная статья.

Ключевые слова: услуга, институт возмездного оказания услуг, финансовая услуга, банковские услуги, страховые услуги, услуги на рынке ценных бумаг.

FINANCIAL SERVICES IN RUSSIA: CIVILISTIC ASPECT

N.V. Rakhmanina

Abstract: Legal regulation of financial services in Russia is referred to area of the antitrust law, however the concept service is formulated by the civil doctrine and settled by norms of institute of paid rendering services. This duality generates a set of problems to which this article is devoted.

Keywords: Service, institute of paid rendering services, financial service, banking services, insurance services, services on securities market.

В ст. 779 ГК РФ содержится следующее определение понятия «услуга» – это совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности [1].

Несмотря на кажущуюся простоту, в юридической доктрине нет единого мнения в понимании этого термина, среди существенных признаков услуги выделяют следующие:

1. Отсутствие материального результата, при оказании услуги – важен сам процесс.
2. Оказание и потребление услуги происходит в одно и то же время.
3. Услуга непосредственно связана с личностью исполнителя.

Наиболее ярко вышеперечисленные признаки данного понятия проявляются при сравнении института возмездного оказания услуг с нормами о подряде. Так, в соглашении о подряде предметом правоотношения выступает о вещественный результат, в то время как в обязательствах возмездного оказания услуг материальный результат отсутствует. Очень точно правовую сущность понятия «услуга» определил Д.И. Степанов. По его мнению, «услуга является специфическим действием». В свою очередь совокуп-

ность действий, последовательно сменяющих или дополняющих друг друга, выражает поведенческую характеристику услуги. Услуга есть операция, исполняемая должником по соответствующему обязательству. В то же время «действие», составляющее объект любого обязательства, совершаемого в активной форме, – в данном случае обязательства по оказанию услуги – есть операция, исполнения которой вправе требовать кредитор. При этом услуга есть именно сама операция, совокупность действий, а не результат действий определенных лиц [2, с. 177–178].

Впервые термин «финансовая услуга» был определен в ст. 3 Федерального закона от 23.06.1999 г. № 117-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» [3] как деятельность, связанная с привлечением и использованием денежных средств юридических и физических лиц.

В ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предусмотрено, что финансовая услуга – это банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и

связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц [4].

Как видим, законодатель определил финансовую услугу путем перечисления различных видов услуг, по нашему мнению, такое перечисление не отражает истинного значения этого явления. В качестве толкования этого термина можно использовать следующую трактовку: это «услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц».

В доктрине мы не находим широкого спектра определений финансовых услуг, например, С.С. Алексеев, Н.Г. Семилютина, рассматривают финансовые услуги в качестве разновидности обязательств возмездного оказания услуг [5, с. 13].

По нашему мнению, понятие «финансовая услуга» может быть сформулировано на основе следующих признаков:

- 1) с правовой точки зрения данное отношение – это, прежде всего, услуга;
- 2) ее оказывает финансовая организация, то есть специальный субъект;
- 3) услуга неразрывно связана с привлечением и (или) размещением денежных средств;
- 4) услуга оказывается в различных сферах деятельности, таких как банковская, страховая, рынок ценных бумаг и других сферах.

В юридической литературе подвергается критике тот факт, что законодатель в качестве объекта привлечения закрепил только денежные средства, в то время как на практике кредитные организации, наряду с деньгами, проводят операции с ценными бумагами и другими материальными ценностями [6].

Рассматривая, в частности, финансовые услуги, оказываемые физическим лицам, можно отметить, что в данном правоотношении одной из сторон является физическое лицо (гражданин) – особый субъект. Причем его статус можно рассмотреть в трех аспектах:

- 1) в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) в качестве потребителя;
- 3) в качестве инвестора.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет физическое лицо – как потребитель и как инвестор.

Таким образом, в рассматриваемом контексте финансовая услуга – это услуга, оказываемая гражданину (потребителю) финансовой организацией по договору возмездного оказания услуг, и связана она с привлечением и (или) размещением денежных средств либо иных материальных ценностей (ценных бумаг, драгоценных

металлов и др.).

Согласно положениям Федерального закона «О защите конкуренции», под видами финансовых услуг следует понимать банковские, страховые, услуги на рынке ценных бумаг, а также услуги, оказываемые по договору лизинга.

Далее подробнее рассмотрим разновидности финансовых услуг. Оказание банковских услуг, впрочем, как и вся деятельность банков регулируется специальным законодательством федерального уровня. Ее правовую основу составляют два федеральных закона: Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [7] и Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее Закон «О банках») [8].

В ст. 5 Закона «О банках» приведен полный перечень тех операций, которые могут осуществлять кредитные организации:

1. Привлечение во вклады денежных средств физических лиц и организаций, причем эти вклады могут быть открыты как на определенный срок, так и до востребования.
2. Размещение от своего имени и за свой счет привлеченных денежных средств.
3. Открытие и ведение банковских счетов физических лиц и организаций.
4. Осуществление денежных переводов по поручению физических лиц и организаций, а также по поручению банков-корреспондентов через их банковские счета.
5. Инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических лиц и организаций.
6. Покупка и продажа иностранной валюты.
7. Привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов.
8. Выдача банковских гарантий.
9. Осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств (за исключением почтовых переводов).

По нашему мнению, понятие «банковская услуга» шире, нежели «банковская операция». Например, в экономической литературе банковские операции подразделяют на [9, с. 66]:

- пассивные – все виды операций, которые формируют ресурсную базу банка;
- активные – операции, связанные с размещением собственных средств банка, а также с привлечением и размещением средств клиентов для последующего получения прибыли.

Помимо вышеперечисленных операций И.Т. Балабанов выделяет еще один их вид: ко-

миссионные – операции, проводимые банком по поручению своих клиентов с взиманием платы за услугу – комиссии [10, с. 20].

Далее мы рассмотрим правовое регулирование обязательств по оказанию страховых услуг. Согласно Закону РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», страхование определяется как отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков [11].

На наш взгляд, наиболее точно охарактеризовал содержание понятия страхования в качестве вида предпринимательской деятельности профессор Е.А. Суханов, указавший, что это «особый вид предпринимательской деятельности, регулируемый нормами гражданского права», и в то же время, «осуществляемый профессиональными предпринимателями – страховщиками, – с целью систематического извлечения прибыли от проведения страховых операций и оказания связанных с ними услуг» [12, с. 303]. Действительно, страховые услуги оказывают только те юридические лица, которые обладают специальной правоспособностью, то есть имеют лицензию. Так, при возникновении обязательств по страхованию, по высказыванию О.С. Иоффе, «одна сторона, страхователь, обязуется вносить установленные страховые платежи, а другая сторона, страховщик, обязуется при наступлении предусмотренного события выплатить страховое возмещение (страховую сумму)» [13, с. 375].

Рассматривая страховые услуги, оказываемые страховыми организациями физическим лицам, можно отметить, что их виды варьируются в зависимости от видов заключаемых договоров:

1. Услуги по страхованию имущества (страхование имущества; страхование недвижимого имущества; автострахование; страхование ответственности за причинение вреда либо по договору; страхование предпринимательского риска).

2. Услуги по страхованию жизни и здоровья (страхование жизни; медицинское страхование; пенсионное страхование; страхование от несчастных случаев; страхование путешественников).

В соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», на современном рынке ценных бумаг услуги физическим лицам оказывают особые юридические

лица. Основными видами их профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг являются [14]:

1. Брокерская – деятельность, при которой совершаются гражданско-правовые сделки с ценными бумагами путем заключения договора поручения или комиссии, либо на основании доверенности, в которой предусмотрены подобные действия. Брокерские услуги оказываются на основании договора о брокерском обслуживании.

2. Дилерская – деятельность по совершению сделок купли-продажи ценных бумаг от своего имени и за свой счет путем публичного объявления цен покупки и (или) продажи определенных ценных бумаг с обязательством покупки и (или) продажи этих ценных бумаг по объявленным лицом, осуществляющим такую деятельность, ценам.

3. Деятельность по управлению ценными бумагами – это деятельность по доверительному управлению ценными бумагами, денежными средствами, предназначенными для совершения сделок с ценными бумагами и (или) заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами.

4. Депозитарная – деятельность по оказанию услуг по хранению сертификатов ценных бумаг либо учету и переходу прав на ценные бумаги. Депонентом признается лицо, прибегающее к услугам депозитария, отношения между депозитарием и депонентом регулируются депозитарным договором (договором о счете депо).

5. Деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг – это деятельность по сбору, обработке, фиксации и хранению данных, которые образуют реестр владельцев ценных бумаг, а также предоставление информации из этого реестра.

Завершая краткий обзор российского законодательства, регулирующего рынок финансовых услуг для физических лиц, можно сделать следующий вывод.

В юридической теории отсутствует единое понимание определения термина «финансовая услуга», в законодательстве нет ясной, содержательно исчерпывающей формулировки этого понятия, наибольшую проработку оно получило в антимонопольном законодательстве. Каждый упомянутый в Федеральном законе «О защите конкуренции» вид финансовой услуги, а также вид деятельности, в рамках которого может быть оказана подобная услуга, в свою очередь, регулируется специальным законодательством. Мы предлагаем следующее определение термина «финансовая услуга» – это услуга, оказываемая гражданину (потребителю) по договору возмезд-

ного оказания услуг финансовой организацией, связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств либо иных материальных ценностей (ценных бумаг, драгоценных металлов и др.). По нашему мнению, гражданина необходимо рассматривать с позиции более слабой, незащищенной стороны, поскольку ему противостоят профессиональные организации, целые коллективы специалистов. Существует особенность правового регулирования финансовых услуг: банковские, страховые, услуги на рынке ценных бумаг получили определенную регламентацию в законодательстве, при этом регулирование услуг, оказываемых физическим лицам на международном валютном рынке, в российском законодательстве отсутствует. Однако именно эта сфера отношений требует к себе пристального внимания, необходимо чётко определить круг и ответственность организаций, которым будет дано право предоставления этих услуг.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) [Текст]: федер. закон от 26.01.1996 №14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.
2. Степанов, Д.И. Услуги как объект гражданских прав [Текст] / Д.И. Степанов. – М.: Статут, 2005. – 349 с.
3. Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции на рынке финансовых услуг [Текст]: федер. закон от 23.06.1999 № 117-ФЗ (ред. от 02.02.2006) // СЗ РФ. – 1999. – №26. – Ст. 3174.
4. Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции [Текст]: федер. закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. – 2006. – № 31(1 ч.). – Ст. 3434.
5. Семилютина, Н.Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели) [Текст] / Н.Г. Семилютина. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 174 с.
6. Андреев, И.А. К вопросу об определении понятия «финансовые услуги» / И.А. Андреев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Российская Федерация. Законы. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Текст]: федер. закон [принят 10.07.2002 № 86-ФЗ] // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
8. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности [Текст]: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 // СЗ РФ. – 1996. – №6. – Ст. 492.
9. Глушкова, Н.Б. Банковское дело [Текст] : учеб. пособие / Н. Б. Глушкова. – М.: Академический Проект; АльмаМатер, 2005. – 432 с.
10. Балабанов, И.Т. Банки и банковское дело [Текст]: учеб. пособие / И. Т. Балабанов. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
11. Российская Федерация. Законы. Об организации страхового дела в Российской Федерации [Текст]: [принят 27.11.1992 № 4015-1] // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 56.
12. Суханов, Е.А. Гражданское право [Текст]: учебник в 4 т. Т. 1 / Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
13. Иоффе, О.С. Обязательственное право [Текст] / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 872 с.
14. Российская Федерация. Законы. О рынке ценных бумаг [Текст]: федер. закон [принят 22.04.1996 № 39-ФЗ] // СЗ РФ. – 1996. – №17. – Ст. 1918.

УДК 346.5
ББК 67

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ж.С. Фомина, Н.А. Гуторов

Аннотация. В настоящей статье анализируются проблемы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации. Исследуются сущностные характеристики указанного правового института с учетом положений действующего законодательства. Рассматриваются существующие внутренние и внешние угрозы и их влияние на состояние экономической безопасности государства.

Ключевые слова. Национальная безопасность, экономическая безопасность, внутренние и внешние угрозы, экономическая блокада, экономические санкции.

THE PROBLEMS OF GUARANTEEING OF AN ECONOMIC SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

J.S. Fomina, N.A. Gutorov

Abstract: This article analyzes the problems of economic security in the Russian Federation. We study the essential characteristics of this legal institution, subject to the provisions of applicable law. Considers the existing internal and external threats and their impact on the economic security of the state.

Keywords: National security, economic security, internal and external threats, the economic blockade, the economic sanctions.

На современном этапе развития Российской Федерации правовое регулирование экономической безопасности страны является стратегически значимой задачей. Это связано как с внутренними, так и с внешними факторами. Слабость экономики России является одной из серьезных внутригосударственных проблем. Страна продолжает жить в условиях прогрессирующего экономического отставания от развитых государств. Наметившийся в последние годы экономический рост во многом является результатом благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, а не с обновлением экономического механизма. Между тем для России жизненно важна конкурентоспособная, эффективная, социально справедливая экономическая система, которая обеспечивает стабильное развитие государства. Устойчивая экономика – это главная гарантия демократического общества и основа сильного и уважаемого в мире государства.

Экономическую безопасность в общем смысле можно определить, как условие функционирования государства в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ, являющееся результатом защитных мероприятий от реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз в открытой и подрывной форме.

Понятие экономической безопасности с позиции ее правового регулирования включает общественные отношения, возникающие в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, а результатом такой защиты является определенное качественное, благоприятное состояние отношений в области экономики.

Источником формирования угрозы в сфере экономической безопасности является многообразие внутренних и внешних противоречий, которые проявляются в социально-экономической и политической сферах. В экономической сфере это противоречия между правом на собственность для всех граждан, декларированным в Конституции Российской Федерации [1] и реальным обладанием ею большинством населения; противоречия между складывающимися рыночными экономическими отношениями и постоянным отставанием правовой базы регулирования этих отношений; противоречия между обнищанием большей части населения и сосредоточением значительных материальных ресурсов у сравнительно небольшой группы населения и другие.

Обеспечение экономической безопасности должно осуществляться путем совместной целенаправленной деятельности государственных и общественных институтов, а также граждан, принимающих участие в появлении, предупреждении

дении и противодействии различным угрозам. Эта деятельность должна носить строго правовой характер. Кроме того, достойное существование и прогрессивное развитие личности, общества и государства является необходимым условием функционирования экономической системы, поскольку ее назначение и состоит в том, чтобы обеспечивать существование и удовлетворение потребностей личности, общества и государства.

Таким образом, экономическая безопасность как правовая категория должна отражать такое состояние экономики, при котором обеспечивается гарантированная реализация национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов.

Понятие экономической безопасности как объекта, на который направлено правовое регулирование, непосредственно связано с выявлением системы противоречивых отношений и интересов по поводу поддержания и достижения экономической безопасности на различных уровнях: национальной экономики в целом, экономики региона, интересов отдельной личности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [3] совершенно обоснованно в числе главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу названы низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, что особенно остро проявляется в период кризисов мировой и региональных финансовых систем. Д.А. Медведев 4 марта 2011 г. на совещании по вопросу формирования в России международного финансового центра отметил, что «целью государств является обеспечение собственной финансовой безопасности, экономической стабильности» [7].

При рассмотрении структуры экономической безопасности как правовой категории, основными объектами экономической безопасности должны быть личность, общество, государство (одновременно являющиеся объектами национальной безопасности в целом), а также различные элементы экономической системы, включая систему институциональных отношений государственного регулирования экономической деятельности [4].

Как объект правового регулирования экономическая безопасность представляет собой одну из составляющих национальной безопасности, включающую совокупность субъектов экономической безопасности, правоотношений в

сфере обеспечения экономической безопасности, а также политико-правовых и социально-экономических механизмов, позволяющих эффективно обеспечивать экономическую независимость, устойчивость, саморазвитие, целенаправленность и управляемость российской экономики.

Среди существенных характеристик экономической безопасности как объекта правового регулирования выделяются следующие:

1. Экономическая независимость государства. В условиях международного разделения труда экономическая независимость означает возможность контроля за национальными ресурсами, достижение такого уровня эффективности производства и качества производимой продукции, товаров и услуг, которые обеспечивают конкурентоспособность экономики, позволяют на равных участвовать в мировой торговле, кооперационных связях и обмене научно-техническими достижениями. Принципиально важно, что экономическая независимость определяется не только запасами различных ресурсов в государстве, производственными возможностями субъектов хозяйственной деятельности, но и эффективным нормативным регулированием и законодательным обеспечением правовых условий финансово-хозяйственной деятельности, как внутри государства, так и за его пределами.

В Российской Федерации возможность осуществления иностранного контроля над национальной экономикой и над ее важнейшими отраслями стала реальной в начале 2000-х годов. Инструментами такого контроля могли быть международные финансовые институты (через механизмы внешнего долга) и иностранные сырьевые компании (через контроль над недрами). Воспользовавшись благоприятной рыночной конъюнктурой (высокие цены на энергоносители), государство активно взялось за ликвидацию этих угроз своему «экономическому суверенитету». К концу 2004 г. был в основном досрочно погашен внешний долг страны, что лишило Международный валютный фонд и другие «внешние» финансовые институты возможности влиять на принятие экономических и политических решений в России. Для того чтобы не допустить возврата к такого рода ситуации при изменении конъюнктуры, началось формирование Стабилизационного фонда. Под разными предложениями начался систематический пересмотр условий деятельности иностранных сырьевых компаний, в результате чего подконтрольные государству структуры (Газпром, Роснефть) получили преобладающее влияние в большей части проектов. В большинстве случаев произошел отказ от прак-

тики «Соглашений о разделе продукции». Россия отказалась ратифицировать договор к «Европейской энергетической хартии», усмотрев в ней покушение на свой суверенитет. Наконец, принятый в 2008 г. закон об иностранных инвестициях вопреки мощному давлению иностранного бизнеса резко ограничил его доступ к «стратегически важным» отраслям национальной экономики, включая разработку недр [5, с. 100–104].

2. Устойчивость экономики государства. С точки зрения правового обеспечения экономической безопасности государства эта существенная характеристика предполагает защиту собственности во всех ее формах, гарантии активной предпринимательской деятельности, сдерживание дестабилизирующих систему факторов (борьба с криминальными структурами в экономике, недопущение критических диспропорций в распределении ресурсов и доходов, снижение трудовой мотивации и т. д.). Экономическая безопасность должна обеспечиваться эффективностью как самой экономики, так и защитными мерами, предпринимаемыми государством в процессе правового регулирования отношений в различных сферах жизни общества.

В настоящее время в Российской Федерации отмечается очень высокая зависимость от экспорта природных ресурсов, недостаточная конкурентоспособность несырьевых секторов экономики и недостаточная развитость финансового сектора. Все эти причины, в общем, сводятся к неудовлетворительному участию России в мировом разделении труда, которое и представляется руководству страны главной угрозой ее экономическому благополучию.

3. Способность экономики государства к саморазвитию. Если экономика не развивается, то резко сокращается возможность ее выживания, сопротивляемость и приспособляемость к внутренним и внешним угрозам. Создание благоприятного политико-правового режима для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального, образовательного и общекультурного уровня работников особенно важны в современном, динамично развивающемся мире. Для перехода в качественно новое состояние система обязательно должна в какой-то момент оказаться неустойчивой, однако получить при этом позитивный импульс к саморазвитию. Таковое возможно при условии складывания эффективных политико-правовых механизмов разрешения противоречий в сфере экономики и национальной безопасности.

4. Целенаправленность экономики государства. Данная существенная характеристика отража-

ет объективное содержание основополагающих целей и направленность экономического развития государства, обусловленных национально-государственными интересами и стратегическими задачами внутренней и внешней политики государства. Цели и векторность экономики тесно связаны с национальной идеей, с национальной моралью и менталитетом населения, с системой приоритетов общественного развития и необходимостью всестороннего обеспечения безопасности личности, общества и государства [6].

В этой связи представляется, что важнейшей задачей в настоящее время является разработка непротиворечивого и корректного определения самого правового термина «экономическая безопасность» и его законодательное закрепление. Неопределенность в правовом закреплении понятия «экономическая безопасность» затрудняет определение основных направлений деятельности и принципов регулирования правоотношений в данной сфере. С другой стороны, очевидно, что отсутствие систематизированных правил, принципов регулирования отношений в сфере экономической безопасности в значительной мере снижает эффективность нейтрализации негативных внутренних и внешних воздействий на ее состояние.

Ситуация на Украине, приведшая к угрозам Запада о введении санкций против России, затронула важный вопрос о том, насколько уязвима экономическая безопасность Российской Федерации, какую угрозу санкции представляют для российской экономики и какова степень ее суверенизации.

В условиях глобальной экономики представить себе государство, не встроенное в систему мировых хозяйственных связей, невозможно. Однако степень взаимосвязи может быть разной. Для России подобная зависимость от мира может отразиться на ряде сфер. Во-первых, это обеспеченность страны стратегически важными товарами (продовольствие, лекарства, технологии, комплектующие для машин).

В случае гипотетически возможной экономической блокады, при которой в страну перестанут ввозиться стратегически важные ресурсы, Россия может столкнуться с серьезными проблемами нехватки ряда продовольственных товаров, лекарств, комплектующих для производств.

Так, к примеру, доля импортной продукции превышает 70% лекарственного российского рынка [8]. Это значительный объем, ставящий под угрозу безопасность и суверенность государства, так как лекарственные средства – это стратегически важная продукция.

Другой пример, демонстрирующий чрезмерную зависимость России от импорта – это приобретение котлов, ядерных реакторов, механического оборудования и запчастей. Обеспечить собственные потребности в данном сегменте страна не может, но в то же самое время более 30% импорта – это Европа и США [8].

Во-вторых, это стабильность экспортных поставок энергоресурсов. В частности, именно на применении ограничительных механизмов поставок настаивают США, которые внесли в Конгресс законопроект о введении возможных санкций против России. Европа при этом не готова к введению экономических мер против России. С точки зрения установления эмбарго на поставки российской нефти в данной сфере серьезных угроз экономической безопасности нет. Больше всего нефти Россия продает Европе – 67,5%, второй партнер – это Китай, на долю которого приходится 16,85% российской нефти и третье место занимает США – 6%. Так как в европейской структуре потребления нефти на долю российской приходится 46,38% всей нефти, Европе будет просто невыгодно объявлять эмбарго и лишать себя энергоресурсов. В быстрый срок восстановить снабжение не удастся, поэтому с этой точки зрения Европа является надежным партнером. Напротив, США, выступающие главными инициаторами санкций, способны объявить эмбарго и прекратить покупку российской нефти, так как она составляет всего 6% от их общего потребления нефти, то есть найти замену в краткие сроки Америка сможет, а значит, возможны и санкции США против России. Россия же в свою очередь для компенсации потери партнера могла бы переориентировать свои энергоресурсы на рынки Индии и Японии, которые сейчас потребляют менее 1% российской нефти, или, как это заложено в проекте новой энергетической стратегии, переориентировать на рынки АТР (сейчас это 4%, основа его потребления – это нефть с Ближнего Востока) [8].

Газовая отрасль России практически полностью ориентирована на страны Европы и СНГ: так в Европу через трубопроводы поступает 64,70% российского газа, в страны постсоветского пространства – 27,85%, оставшаяся доля – в Азию в виде сжиженного природного газа. Отечественные сырьевые компании полностью зависимы от европейского газового рынка, в то время как Европа более диверсифицировала свои торговые отношения, доля российского газа в структуре импорта составляет 34,46%, вторым поставщиком выступает Норвегия, третьим – Нидерланды. США удовлетворяют свои потребности в газе за счет Канады, и, по оценкам эконо-

мистов, с учетом сланцевой революции заинтересованы в том, чтобы Европа постепенно стала переходить на американский сланцевый газ. Но для большинства стран Европы российский газ – важнейшая статья импорта [8].

В-третьих, падение курса рубля. Причинами падения стали двусмысленные заявления о вводе войск на территорию Украины. Однако Центральный Банк Российской Федерации не отказался от полной либерализации валютного курса и перехода к плавающему рублю. 4 марта после проведенной В.В. Путиным пресс-конференции [9], на которой он развернуто высказался по поводу конфликта России и Украины, рубль стал отыгрывать потерянные позиции. Заявление об обсуждении вопроса о присоединении Крыма к России снова оказало негативное влияние на национальную валюту. Очевидно, что зависимость российской валюты от внешнеполитического курса страны сильная и с переходом к плавающему валютному курсу будет только расти.

В-четвертых, снижение котировок на фондовом рынке. Такое стало возможным из-за сложившейся критической ситуации, когда 70% российского фондового рынка принадлежит иностранному инвестору. За подобную десоверенизацию пришлось расплачиваться: в первые часы торгов акции «Газпрома» рухнули до 123,16 руб. (-11,5%) – минимума с середины лета 2013 года. Подешевели также акции ВТБ (-11,5%), «Газпром нефти» (-8,9%), «ЛУКОЙла» (-5,8%), НОВАТЭКа (-7,1%), «Норникеля» (-5%), «Полюс Золота» (-5,5%), «Роснефти» (-7%), «Ростелекома» (-9,5%), Сбербанк России (-9%), «Сургутнефтегаза» (-4,7%), «Татнефти» (-3,8%). Обрушение фондового рынка не было преднамеренной реакцией или санкцией, но стало прямым следствием ожиданий инвесторов, которые в первую очередь заинтересованы в извлечении прибыли [8].

В-пятых, приток иностранных инвестиций находится в прямой связи с внешнеполитическим курсом. Управление торгового представителя США объявило о прекращении переговоров с Российской Федерацией по вопросам торговли и инвестиций до разрешения конфликта вокруг Украины. Если посмотреть на структуру иностранных инвестиций в Россию, то можно увидеть, что США выступают далеко не главным инвестором, на их долю приходится 2,7% всех иностранных инвестиций. Однако при сокращении инвестиций из США могут пострадать такие отрасли, как производство кокса и нефтепродуктов (12% идут от США) и производство машин и оборудования (28,1%).

В-шестых, санкции на банковскую систему и иностранные счета. Именно здесь США имеют наибольшие рычаги давления на Россию. После дела Магнитского, когда США были заморожены счета чиновников из списка фигурантов этого дела, в России вступил запрет для чиновников на владение счетами в иностранных банках. Но на имущество данный закон не распространяется, поэтому рычаги давления у Европы и США сохраняются. Сложнее с частными активами, объем которых неизвестен.

Применять экономические санкции не выгодно и Америке. По некоторым оценкам, объем российских государственных средств, находящихся на счетах в США, составляет около 400 млрд. долларов. Россия – это крупнейший держатель долларов США, а следовательно, замораживать российские активы – это опасное решение для американской валютной системы, которое могло бы вызвать цепную реакцию и существенно ослабить доверие рынка к американской валюте. Поэтому самым вероятным решением может стать заморозка счетов частных инвесторов, а здесь уже будет включен механизм лоббирования частных интересов, как в США, так и в России.

Экономические санкции – это явление обоюдное, поэтому и Россия также в ответ на угрозы со стороны Запада способна ввести ограничительные меры. В условиях украинского кризиса Россия уже предприняла первые превентивные меры, когда было приостановлено решение о снятии запрета на ввоз свинины из США сразу после того, как Пентагон объявил о прекращении военного сотрудничества с Россией.

Президент России был наделен полномочиями о применении экономических санкций еще в 2006 г., когда был принят закон «О специальных экономических мерах», согласно которому они «применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющих угрозу интересам и безопасности Российской Федерации» [2]. Но в указанном нормативном правовом акте прописаны далеко не все возможные меры, поэтому новые инициативы со стороны

российских законодателей призваны расширить исходный список. Так, комитетом по конституционному законодательству Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации разрабатывается законопроект, предусматривающий конфискацию имущества, активов и счетов европейских и американских компаний, включая частные, в случае применения санкций к России.

Таким образом, Российская Федерация остается уязвима к экономическим санкциям в настоящее время. Это свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования экономической безопасности государства, в том числе с учетом процессов глобализации экономики.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15. – Ст. 1691.
2. Российская Федерация. Законы. О специальных экономических мерах [Текст]: федеральный закон от 30 декабря 2006 г. №281-ФЗ // Российская газета. – 10.01.2007. – №1.
3. Указ Президента РФ от 12.05.2009 №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – №88. – 19.05.2009.
4. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение [Текст] / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – № 3. – 1994.
5. Фомин, А.М. Поведение иностранного бизнеса в стране пребывания [Текст] / А.М. Фомин // Международные процессы. Т. 6. – №3 (18) Сентябрь – Декабрь 2008. – С. 100–104.
6. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации URL: <http://www.kreml.org/other/207973731>
7. Официальный интернет-сайт Администрации Президента РФ: URL: <http://news.kremlin.ru/news/10519>.
8. Официальный интернет сайт министерства экономического развития РФ: URL: <http://www.economy.gov.ru>
9. Официальный интернет сайт службы новостей: URL: <http://runews24.ru>

УДК 347.191
ББК 67.304

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ПАРТНЕРСТВОМ И АКЦИОНЕРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А.Ю. Цибенко

Аннотация. В настоящей статье проводится сравнение тождественных по форме, но разных по своему содержанию средств регулирования корпоративных отношений в хозяйственном партнерстве и акционерном обществе. Выявляются их общие черты, отличия и недостатки правового регулирования.

Ключевые слова: соглашение об управлении, управление партнерством, акционерное соглашение, управление.

AGREEMENT ON THE MANAGEMENT OF THE PARTNERSHIP AND SHAREHOLDERS' AGREEMENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

A.Yu. Tsybenko

Abstract: In this paper, a comparison of identical shape but different in content, means of regulation of corporate relations in the economic partnership and joint-stock company. Identifies their similarities, differences and shortcomings of legal regulation.

Keywords: management agreement, the management of the partnership, shareholder agreement, management.

Наиболее значимые отношения, возникающие в обществе для должного регулирования и защиты прав их участников, должны быть облечены в правовую форму. В зависимости от вида общественных отношений законодатель предоставляет различные формы их выражения.

Федеральным законом от 06.12.2011 №393-ФЗ [1] внесены существенные изменения в ст. 50 ГК РФ. Так, закрытый перечень организационно-правовых форм юридических лиц, дополнен новой разновидностью юридического лица – «хозяйственное партнерство».

До этого (03.12.2011) был принят Федеральный закон 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» [2] (далее – Закон №380-ФЗ), согласно которому управление деятельностью партнерства осуществляется в соответствии с положениями соглашения о его управлении.

Данное соглашение является феноменом для российского законодательства, т. к. содержит не только права и обязанности участников партнерства, но и права и обязанности лиц, не являющихся его участниками, порядок и сроки осуществления прав и исполнения обязанностей. Соглашение не является учредительным документом юридического лица, заключается при его учреждении. Учредительным документом партнерства является только его Устав.

Так как данное соглашение, не являясь учредительным документом юридического лица, регулирует значимые отношения между участ-

никами, вытекающие из деятельности юридического лица, то возникает вопрос о его юридической сущности и существующих аналогах в российском праве.

Согласно позиции Акопяна О.А., «правовая природа соглашения об управлении партнерством тождественна природе акционерного соглашения» [3].

При изучении положений ст. 6 Закона №380-ФЗ и ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» [4] не остается сомнений в том, что объект соглашения об управлении партнерством шире объекта акционерного соглашения.

Так, кроме предусмотренных Законом №380-ФЗ прав и обязанностей участников партнерства, соглашение определяет права и обязанности лиц, не являющихся его участниками, а также порядок и сроки их осуществления [5].

В свою очередь, акционерным соглашением признается договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции.

Однако из смысла ст. 6 Закона №380-ФЗ следует, что соглашение об управлении партнерством может устанавливать особые права и обязанности для участников партнерства, а также права и обязанности лиц, не являющихся его участниками. «Согласно ст. ст. 11, 31, 32 Федерального закона “Об акционерных обществах”

права акционеров предусмотрены исключительно законом и уставом общества» [6].

Соглашение об управлении может содержать любые не противоречащие Закону №380-ФЗ и другим нормативно-правовым актам условия в части управления партнерством, деятельности, реорганизации и ликвидации партнерства, за исключением императивного правила их закрепления в уставе организации. В свою очередь, стороны акционерного соглашения, не обладают данными привилегиями.

Законом № 380-ФЗ предусмотрена норма, согласно которой участниками партнерства могут быть лица, не являющиеся участниками партнерства. Мы предполагаем, что подписантами такого соглашения могут быть не располагающие явными инвестиционными ресурсами (деньгами, недвижимостью, акциями, патентами и т. д.) генераторы идей, то есть люди? полезные для деятельности организации с позиции получения прибыли.

Также, имеет значение порядок заключения соглашения. «В соответствии с п. 2 ст. 32.1 Федерального закона “Об акционерных обществах” акционерное соглашение заключается в письменной форме путем составления одного документа подписанного сторонами» [7].

В свою очередь, соглашение об управлении заключается в письменной форме. Само соглашение с вносимыми в него изменениями подлежит обязательному нотариальному удостоверению, хранится у нотариуса, не подлежит государственной регистрации, и не вносится в ЕГРЮЛ.

В заключении следует отметить, что в отличие от соглашения об управлении, акционерное соглашение регулирует отношения только между акционерами юридического лица.

Не являясь учредительным документом организации, соглашение об управлении регулирует

вопросы управления партнерством, когда в организациях акционерной формы аналогичные положения в императивном порядке регламентированы только уставом.

Соглашение об управлении является локальным актом организации, который содержит информацию с ограниченным доступом, открытую для его подписантов, но секретную для посторонних лиц.

Библиографический список и список источников

1. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 03.12.2011 с изменением и дополнением на 01.09.2013 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 50 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 21.11.2011 с изменением и дополнением на 25.12.2014 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «Об акционерных обществах» [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 24.11.1995 с изменением и дополнением на 22.12.2014 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Акоюн, О.А. Правовое регулирование инвестиций в инновационный сектор экономики (венчурных инвестиций) / О.А. Акоюн // Журнал российского права. – 2012. – № 5.

5. Макарова, О.Н. «Хозяйственные партнерства: ноу-хау российского законодательства?» / О.Н. Макарова. – № 2. – 2012. – С. 56–65.

6. Суханов, Е.А. Гражданское право. Том 1. [Текст] / Е.А. Суханов. – М.: Юрист, 2012.

7. Чикулаев, Р.В. Инвестиционная деятельность: организация и государственно-правовое регулирование. [Текст] / Р.В. Чикулаев. – М.: Оникс, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АБДРАШИТОВ** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета
Вагип Мнирович контактная информация: abdrashitov_vagip@rambler.ru
- АБЕЗИН** – канд. юрид. наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Денис Александрович контактная информация: const@vags.ru
- АНИСИМОВ** – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Алексей Павлович контактная информация: anisimovap@mail.ru
- АШИРБЕКОВА** – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Мадина Таукеновна контактная информация: madina.55@mail.ru
- БОРТЕНЕВ** – канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Иванович контактная информация: grajd@mail.ru
- ВЕТЮТНЕВ** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Юрий Юрьевич контактная информация: legalmind@yandex.ru
- ВОЛКОЛУПОВА** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД Российской Федерации
Валентина Александровна контактная информация: volkolupovvg@rambler.ru
- ГОЛОМАНЧУК** – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Эйда Владимировна контактная информация: const@vags.ru
- ГОНЧАРОВ** – д-р юрид. наук, докт. экон. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Иванович контактная информация: goncharova.sofia@gmail.com.
- ГОНЧАРОВА** – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Волгоградского филиала Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова
Марина Вячеславовна контактная информация: goncharova.sofia@gmail.com.

- ГРАЧЕВ** – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Николай Иванович
контактная информация: grachev.n.i@mail.ru
- ГУТОРОВ** – магистрант Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Никита Андреевич
контактная информация: nik93-07@mail.ru
- ДИНОРШОЕВ** – канд. юрид. наук, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета
Азиз Мусоевич
контактная информация: dinorshoev@gmail.com
- ЕПИФАНОВ** – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Егорович
контактная информация: mvd_djaty@mail.com
- ИЛОВАЙСКИЙ** – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
Игорь Борисович
контактная информация: grajd@mail.ru
- КАЙЛЬ** – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Янина Яковлевна
контактная информация: grajd@mail.ru
- КОЗЮК** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Михаил Николаевич
контактная информация: mkozuk@yandex.ru
- КОРОСТЕЛЕВА** – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Марина Владимировна
контактная информация: const@vags.ru
- КУРГАНОВ** – аспирант кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Никита Андреевич
контактная информация: NikitaKurganov@gmail.com
- МЕЛЬНИЧЕНКО** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Роман Григорьевич
контактная информация: romanmelnichenko@yandex.ru
- ПЕРЫШКИНА** – аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права»
Юлия Олеговна
контактная информация: kafedra-kaif@rambler.ru

- ПОСНИК** – канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Виктор Сергеевич контактная информация: ugovlov@vags.ru
- РАХМАНИНА** – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Наталья Викторовна контактная информация: nrakhmanina@gambler.ru
- РЫЖЕНКОВ** – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Анатолий Яковлевич контактная информация: 4077778@list.ru
- САФАРОВ** – канд. юрид. наук, заведующий кафедрой прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета
Бахтовар Амиралиевич контактная информация: bakht-83@mail.ru
- СЕМЕНОВА** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВФ НОУ ВПО «Институт управления»
Виктория Викторовна контактная информация: miu@vfmui.ru
- СЕНЦОВ** – канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Сергеевич контактная информация: sentsov1951@mail.ru
- СЕРГАЧЕВА** – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Ольга Александровна контактная информация: sergacheva.olia@yandex.ru
- ФОМИНА** – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Жанна Сергеевна контактная информация: const@vags.ru
- ЦИБЕНКО** – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Юрьевич контактная информация: grajd@mail.ru
- ЧИКИЛЬДИНА** – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Анна Юрьевна контактная информация: chikildinaanna@yandex.ru
- ШЕВЧУК** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Ирина Викторовна контактная информация: ugovlov@vags.ru

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: юриспруденция. 2015. № 1.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редактор *М.И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г.В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 06.04.2015. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 9,61. Физ. п. л. 15.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru
Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.